РИДЕРЗ ДАЙДЖЕСТ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА СОЙЕРА

МАРК ТВЕН

Приключения Тома Сойера
Марк Твен

Аннотация
Марк Твен. Приключения Тома Сойера
Предисловие
Глава I. Том играет, сражается и таится
Глава II. Блистательный белильщик
Глава III. На войне и в любви
Глава IV. Как «выставлялись» в воскресной школе
Глава V. Жук-кусач и его злосчастная жертва
Глава VI. Том знакомится с Бекки
Глава VII. Беговой клещ и разбитое сердце
Глава VIII. Будущий дерзкий пират
Глава IX. Кладбищенская трагедия
Глава X. Страшное пророчество воющего пса
Глава XI. Тома угрызает совесть
Глава XII. Кот и «Болеутолитель»
Глава XIII. Пиратская ватага поднимает паруса
Глава XIV. Счастливое становище корсаров
Глава XV. Том украдкой навещает родных
Глава XVI. Первые трубки — «я тут где-то ножик посеял»
Глава XVII. Пираты являются на собственные

похороны
Глава XVIII. Том пересказывает свой удивительный сон
Глава XIX. Жестокое «Я не подумал»
Глава XX. Том спасает Бекки от порки
Глава XXI. Красноречие — и раззолоченная макушка учителя
Глава XXII. Гек Финн цитирует Святое Писание
Глава XXIII. Спасение Мэффа Поттера
Глава XXIV. Прекрасные дни и ужасные ночи
Глава XXV. Поиски клада
Глава XXVI. Ларец с золотом достается настоящим грабителям
Глава XXVII. Трясутся, но выслеживают
Глава XXVIII. В логове Индейца Джо
Глава XXIX. Гек спасает вдову Дуглас
Глава XXX. Том и Бекки в пещере
Глава XXXI. Находки и потери
Глава XXXII. «Вставайте! Нашлись!»
Глава XXXIII. Участь Индейца Джо
Глава XXXIV. Златые горы
Глава XXXV. Гек вступает в шайку благопристойных людей
Заключение

Аннотация

Пожалуй, нет более известной повести, чем повесть Марка Твена «Приключения Тома Сойера», которую с удовольствием читают уже более ста лет дети и взрослые. И это совсем не удивительно, ведь в ней есть все, что так привлекает читателя, — романтика приключений, живой юмор, захватывающий своими неожиданными поворотами сюжет и даже томительные любовные переживания главного героя — сорванца и проказника Тома Сойера!

Марк Твен
Приключения Тома Сойера

Эта книга с любовью посвящается
МОЕЙ ЖЕНЕ

Предисловие

По большей их части, приключения, описанные в этой книге, произошли на самом деле — однодва со мной самим, прочие с моими школьными товарищами. Гек Финн почерпнут из жизни, Том Сойер тоже, но, правда, в основу его положен не один человек, — Том представляет собой соединение характерных черт трех мальчиков, которых я хорошо знал, и потому является своего рода сложным архитектурным сооружением.

Упоминаемые в книге странноватые суеверия имели широкое хождение среди детей и рабов западной части страны в пору, которой посвящен мой рассказ, — то есть лет тридцать-сорок тому назад.

Хотя назначение этой книги состоит по преимуществу в том, чтобы развлечь мальчиков и девочек, я надеюсь, что и мужчины с женщинами не отвернутся от нее, поскольку мне хотелось также не без приятности напомнить взрослым людям, какими они были когда-то, что чувствовали и думали, о чем разговаривали и каким иногда предавались странным затеям.

Автор
Хартфорд, 1876

Глава I
Том играет, сражается и таится

— ТОМ!

Нет ответа.

— ТОМ!

Нет ответа.

— Хотела бы я знать, куда подевался этот мальчишка? Да ТОМ же!

Нет ответа.

Старушка сдвинула очки к кончику носа и осмотрелась поверх них, затем подняла на самый лоб и осмотрелась еще раз — из-под них. Отыскивать такую мелочь, как мальчик, *сквозь* очки ей доводилось редко, если доводилось вообще; очки были символом ее власти, усладой ее сердца и носила она их «для красоты», а не пользы ради, — с не меньшим успехом она могла бы вглядываться в мир и сквозь пару печных заслонок. Несколько мгновений она пребывала в недоумении, а затем произнесла, без особого пыла, но достаточно громко для того, чтобы ее расслышала мебель:

— Ну, попадись ты мне в руки, я ж тебе…

Она не закончила, ибо уже согнулась, чтобы

пошуровать половой щеткой под кроватью, и потому вынуждена была беречь в груди потребный для этого воздух. Из-под кровати ей удалось вытурить только кота.

— В жизни своей такого мальчишки не видела!

Старушка подошла к открытой двери, постояла немного, вглядываясь в кусты помидоров и стебли дурмана, из коих и состоял весь ее огород. Никаких признаков Тома. И потому она возвысила голос до уровня, позволявшего покрывать большие расстояния, и крикнула:

— То-о-ом!

Тут она услышала у себя за спиной некий шорох и обернулась — как раз вовремя, чтобы поймать мальчика за полу куртки и тем воспрепятствовать его побегу.

— Так! Могла бы и вспомнить про чулан. Что ты там делал?

— Ничего.

— Ничего! Ты на руки свои посмотри. И на свой рот. Что у тебя на губах?

— Не знаю, тетя.

— Зато *я* знаю. Варенье, вот что. Сорок раз тебе говорила: не оставишь варенье в покое, я с тебя шкуру спущу. А ну-ка, подай мне вон тот прут.

Прут взвился в воздух — положение было отчаянное…

— Ой! Оглянитесь назад, тетя!

Старушка крутанулась на месте, поддернула, дабы уберечь себя от беды, юбки. А мальчик немедля дал деру, взлетел на высокий забор и был таков.

С мгновение тетя Поли простояла, дивясь случившемуся, а потом залилась кротким смехом.

— Ну и мальчишка, — а я, когда я научусь хоть чему-то? Мало он меня надувал? Могла бы хоть на этот раз не попасться. Да, видать, чем старее я становлюсь, тем дурее. Не зря говорят, старого пса новым фокусам не обучишь. Но боже ж ты мой, он же никогда не повторяется, каждый день что-нибудь новенькое и поди догадайся, что у него нынче на уме. И ведь знает при этом, как долго можно меня мучить, не выводя из себя, знает, как сбить меня с толку, да как рассмешить, чтобы у меня руки опустились и я его даже пальцем тронуть не смогла. А ведь не исполняю я своего долга перед мальчиком, это как Бог свят. Сказано же в Библии: сбережешь на розге, потеряешь дитя. И *знаю* я, что грешу, что оба мы за это наказаны будем. Ведь экая в нем сила бесовская, а я ему все спускаю! — он же сын моей покойной

сестры, бедняжки, у меня духу не хватает посечь его. Всякий раз, как я даю ему поблажку, меня совесть терзает, а стоит мне ударить его, так старое мое сердце просто разрывается. Да уж чего там, вот и в Писании говорится: человек, рожденный женою, краткодневен и пресыщен печалями, так оно, видно, и есть. Ну ладно, нынче он от меня улизнул, и уроки, наверное, прогуляет, но уж завтра я просто должна буду наказать его, заставить потрудиться. Жестоко, конечно, принуждать его работать в субботу, когда все мальчики гуляют, но ведь он ненавидит труд пуще всего на свете, а я просто *обязана* исполнить свой долг перед ним, иначе совсем дитя загублю.

Улизнувший же от тети Том превосходно провел время. Домой он возвратился так поздно, что едва-едва успел помочь негритенку Джиму напилить перед ужином дров назавтра и наколоть щепы — во всяком случае, он при этом присутствовал, рассказывая Джиму, который исполнил три четверти всей работы, о своих сегодняшних приключениях. Младший брат Тома (а вернее сказать, брат сводный), Сид, к этому времени то, что ему было положено, уже сделал (собрал все щепки), ибо он был мальчиком тихим, к приключениям не склонным и хлопот никому не

доставлявшим.

Пока Том поедал ужин, воруя при всякой возможности сахар, тетя Полли задавала ему вопросы, исполненные лукавства и сокровенного смысла, — ибо желала подтолкнуть его к разоблачительным откровениям. Подобно многим простодушным людям, она полагала в тщеславии своем, что наделена даром туманной, таинственной дипломатичности и усматривала в самых нехитрых своих приемах чудеса злодейского коварства.

— Том, — спросила она, — в школе, наверное, жарко было, а?

— Да, мэм.

— Ужасно жарко, верно?

— Да, мэм.

— А тебе не хотелось пойти, поплавать в реке, Том?

Том насторожился — неприятное подозрение зародилось в его душе. Он вгляделся в лицо тети Полли, но ничего в нем не увидел. И потому ответил:

— Нет, мэм, — ну, то есть, не очень.

Старушка протянула руку, коснулась рубашки Тома и сказала:

— Хотя нет, ты даже и не вспотел.

Она порадовалась ловкости, с которой сумела проверить, суха ли рубашка, не дав никому понять, что у нее на уме. Однако Том уже успел сообразить, куда ветер дует, и предвосхитил ее следующий ход:

— Кое-кто из нас подставлял головы под насос — моя и сейчас еще сырая. Видите?

Ах, как неприятно было тете Полли понять, что она проглядела улику столь весомую, проворонила ее. Впрочем, старушку тут же осенила новая вдохновенная мысль:

— Том, тебе ведь не пришлось, чтобы смочить голову под насосом, отпарывать зашитый мной воротник рубашки, верно? Расстегни-ка куртку!

Тень опасения покинула лицо Тома. Он расстегнул куртку. Воротник рубашки был накрепко зашит.

— Вот горе-то! Ладно, Бог с тобой. Совершенно уверена была, что ты и в школу не пошел, и в реке купался. Но я прощаю тебя Том. Ты хоть и изрядный плут, но оказался лучше, чем кажешься. В *этот* раз.

Тетя Полли и печалилась, что проницательность подвела ее, и радовалась тому, что Том в кои-то веки поступил, как хороший, послушный ребенок.

Но тут Сидней сказал:

— Вообще-то, вы, помнится мне, зашили воротник белой ниткой, а теперь она черная.

— Постой-ка, я и вправду шила белой! Том!

Однако Том продолжения ждать не стал. Он только и успел пообещать, проскакивая в дверь:

— Ты у меня еще получишь, Сидди!

Достигнув безопасного места, Том осмотрел две иглы, торчавшие у него за отворотами куртки — в одной нитка была белая, в другой черная. И сказал себе:

«Кабы не Сид, она ничего бы и не заметила. Проклятье! — то она белой шьет, то черной. Уж держалась бы за что-то одно, а то ведь иди за ней, уследи. Но Сиду я все-таки накостыляю. Будет знать!»

Том не был Образцовым Мальчиком своего городка. Он, разумеется, знал одного такого — и ненавидел его всей душой.

Миновали две минуты, а то и меньше, и он забыл обо всех своих горестях. И не потому, что они были не столь тягостны и мучительны, как у человека взрослого, но потому что новое, могущественное увлечение заслонило их собою и изгнало на время из головы Тома — точно так же и взрослые люди забывают свои невзгоды,

когда их обуревает волнение, порожденное какой-нибудь новой затеей. Увлечением этим была бесценная в ее новизне манера свистеть, которую Том совсем недавно перенял у одного знакомого негра и в которой ему страсть как хотелось поупражняться. Она позволяла испускать звуки на удивление птичьи: текучие трели, создаваемые быстрым трепетом ударявшего в нёбо языка, — читатель, если он был когда-нибудь мальчиком, наверное помнит, как это делается. Прилежание и сосредоточенность позволили Тому быстро освоить новый вид искусства и вскоре он уже шагал по улице, и рот его наполняла гармония звуков, а душу благодарность. Он чувствовал себя примерно так же, как чувствует открывший новую планету астроном, — впрочем, если говорить о сильном, глубоком, ничем не омрачаемом наслаждении, астроному до этого мальчика было еще плыть да плыть.

Летние вечера долги. Было еще светло. И в конце концов, Том свистеть перестал. Перед ним предстал незнакомец — мальчик немного выше его ростом. Новые лица любого возраста и пола неизменно пробуждали в жителях захудалого городишки Санкт-Петербург сильнейшее любопытство. А этот мальчик был еще и наряден

— чрезмерно наряден для буднего дня. Просто поразительно. Щегольская шляпа, застегнутая на все пуговицы курточка из синей материи, новенькая и опрятная, как, собственно, и панталоны. Да еще и в штиблетах — даром, что была всего-навсего пятница. И даже при галстуке, состоявшем из яркой завязанной на шее ленты. Весь облик мальчика свидетельствовал о городской утонченности, что и проняло Тома до самых печенок. Чем дольше разглядывал он это дивное диво, чем выше задирал нос перед его франтовством, тем более и более убогим представлялось Тому собственное облачение. Мальчики молчали. Если один делал шаг, делал и другой, но только бочком, так что в итоге они описали подобие круга — лицом к лицу, глаза в глаза. И наконец Том спросил:

— Хочешь, поколочу?

— Интересно будет посмотреть, как у тебя это получится.

— А то я могу.

— Да ничего ты не можешь.

— А вот и могу.

— А вот и не можешь.

— Могу!

— Не можешь!

Неловкая пауза. Затем снова Том:

— Как тебя зовут?

— А может, это не твое дело.

— Захочу, и *будет* моим.

— Ну так чего же ты не захочешь?

— Будешь много болтать, захочу.

— Много — много—*много*. Хватит?

— Думаешь, ты очень умный, *а*? Да если мне придет охота, я тебя одной рукой отлуплю, и пусть другую привяжут мне за спину.

— Чего же тогда не лупишь? Ты только *болтать* и умеешь.

— И *отлуплю*, если будешь ко мне лезть.

— Ой, ой! Видал я таких целыми семьями.

— Остряк, да? Думаешь, вырядился, как *пугало*, так *большим* человеком стал, а? Господи, а шляпа-то, шляпа!

— Не нравится, сбей ее. Посмей только тронуть мою шляпу, я тебе покажу, где раки зимуют.

— Врешь!

— Сам врешь!

— На словах-то ты храбрый, а сам врун.

— Аа — вали отсюда.

— Слушай, ты не наглей, а то я тебе башку камнем проломлю.

— Ну *как же*, проломишь.

— А вот увидишь.

— Так *проломи*, чего же ты? Только и знаешь, что *грозиться* тем да этим. *Сделай* уж что-нибудь! Трус ты и нет ничего!

— Я не трус.

— А вот и трус.

— Не трус.

— Еще какой!

Новая пауза, обмен свирепыми взглядами и хождение по кругу. В конце концов, мальчики уперлись друг другу плечом в плечо. И Том сказал:

— Убирайся!

— Сам убирайся!

— Не уберусь!

— И я не уберусь.

Они постояли, опираясь, каждый, на выставленную вперед ногу, все с большей силой пихая один другого плечами и все с большей ненавистью взирая друг на друга. Однако верха никто так и не взял. Оба вспотели от борьбы, побагровели и, наконец, ослабили натиск, не спуская, впрочем, с врага бдительных глаз, и Том сказал:

— Ты трусливый щенок. Вот скажу моему старшему брату, он тебя одним мизинцем в порошок сотрет, а я ему точно скажу, увидишь.

— Плевал я на твоего брата! У меня самого знаешь, какой брат? Он твоего вон через тот забор перекинет, понял? (Оба брата были, натурально, чистой воды вымыслом.)

— Брешешь.

— Говори что хочешь, мне наплевать.

Том большим пальцем ноги провел в пыли черту и заявил:

— Попробуй только переступить эту линию, я тебя так отколочу, ты и не встанешь. Всякий, кто посмеет сделать это, будет хуже конокрада.

Незнакомый мальчик тут же перешагнул через черту и сказал:

— Обещал отколотить, так давай, колоти.

— Не нарывайся, тебе же лучше будет.

— Ты же *обещал* — чего же не колотишь?

— Вот как бог свят! Дай два цента — и *отколочу*!

Незнакомец достал из кармана два медяка и, издевательски ухмыляясь, протянул их Тому. Том ударил его по руке, медяки полетели на землю. Через миг оба мальчика уже покатились по ней, вцепившись друг в друга, будто два кота, и в следующую минуту оба тяжко трудились, раздирая одежду врага, таская его за волосы, царапаясь, квася один другому носы и вообще покрывая

себя пылью и славой. Когда же схватка обрела очертания более четкие, в дыму сражения обозначился Том, сидевший на незнакомце верхом и тузивший его кулаками.

— Кричи «хватит»! — приказал он.

Незнакомец извивался, пытаясь освободиться. И плакал — главным образом от злости.

— Кричи «хватит»! — велел, продолжая избиение, Том.

В конце концов, незнакомец выдавил «хватит!», и Том отпустил его, сказав:

— Будешь знать. В другой раз смотри, на кого лезешь.

И незнакомец побрел прочь, отряхивая одежду, всхлипывая, шмыгая носом и время от времени оборачиваясь, чтобы потрясти головой и объяснить, что он сделает с Томом, «когда поймает его в следующий раз», на что Том отвечал глумливыми выкриками. Настроение у него было превосходное, однако стоило ему повернуться к незнакомцу спиной, как тот запустил в Тома камнем, попав ему между лопаток, а затем поджал хвост и понесся по улице, как антилопа. Том гнался за вероломным негодяем до самого его дома, — выяснив заодно, где тот живет. Затем он какое-то время постоял у ворот, вызывая врага

на честный бой, но враг на бой не выходил, а только рожи в окошко корчил. В конце концов, из дома вышла вражья матушка, обозвавшая Тома дурным, развращенным, развязным ребенком и велевшая ему убираться. Том убрался, пообещав на прощанье, что он еще «изловит» ее мальчишку и «наваляет» ему.

Домой он вернулся в час довольно поздний и, с осторожностью забравшись в окно, попал прямиком в устроенную тетей Полли засаду. И стоило ей увидеть, что сталось с одеждой Тома, как решимость тети Полли обратить для него субботу в истинную каторгу, обрела крепость поистине адамантовую.

Глава II
Блистательный белильщик

Наступило субботнее утро и весь летний мир просиял красками, освежился и до краев наполнился жизнью. Каждое сердце пело, а если оно принадлежало человеку молодому, музыка эта слетала и с его уст. Радость в каждом лице, пружинистость в каждой походке. Цвели акации, аромат их пропитывал воздух. Возвышавшаяся над городком Кардиффская гора зеленела, расстояние же до нее было ровно таким, какое позволяло счесть ее Землею Истинных Услад, — лежащей вне мира сего, успокоительной и влекущей.

Том вышел на улицу, нагруженный ведром известки и кистью на длинной ручке. Он окинул взглядом забор и вся радость жизни покинула его, а душа погрузилась в бездонную меланхолию. Тридцать ярдов дощатого забора высотой в девять футов. Жизнь представилась Тому пустой, существование — обременительным. Он вздохнул, окунул кисть в ведро, провел ею по самой верхней доске, затем повторил эту операцию и повторил снова, а затем, сравнив ничтожную

полоску нанесенной им извести с уходящим вдаль континентом небеленого забора, в унынии привалился к оградке ближайшего дерева. Из калитки выпорхнул с жестяным ведром в руке Джим, распевавший песенку «Девушки из Буффало». До сей поры, таскание воды от городского насоса неизменно представлялось Тому занятием пренеприятным, теперь же он увидел оное совсем в ином свете. Он вспомнил, что у насоса всегда собирается целая компания. Мальчики и девочки, белые, мулаты, негры, сходятся к нему и, ожидая своей очереди, отдыхают, обмениваются игрушками, ссорятся, дерутся, шалят. Вспомнил он и о том, что, хотя насос находится всего в ста пятидесяти ярдах отсюда, у Джима на то, чтобы наполнить ведро и принести его в дом, всегда уходит не менее часа, да и то, если за ним кого-нибудь посылают. И Том сказал:

— Слушай, Джим, может, побелишь немного, а я воды принесу.

Джим покачал головой:

— Не могу, масса Том. Старая миссис, она велела сходить за водой и нигде по пути не останавливаться. Говорит, она знает, что масса Том попросит меня забор побелить, так чтобы я шел мимо по своим делам, а она, дескать, *сама* придет

посмотреть, как тут побелка движется.

— Да мало ли что она говорит, Джим. Она всегда так говорит. Давай ведро — я за минуту обернусь. *Она* ничего и не узнает.

— Ох, нет, масса Том, не дам. Старая миссис, она же мне голову оторвет. Ей-ей, оторвет.

— Это *она-то*! Да она пальцем никого тронуть не способна — разве что тюкнет разок наперстком по маковке, а кто ж на такую ерунду внимание обращает, хотел бы я знать? Грозится, конечно, всякими ужасами, так ведь от слов никому больно не бывает — если, конечно, она при этом не плачет. Слушай, Джим, хочешь, я тебе замечательную штуку подарю? Алебастровый шарик, хочешь?

Джим заколебался.

— Алебастровый шарик, Джим! Это ж такая вещь!

— Ну! Вещь-то отличная, что и говорить! Да только, масса Том, уж больно я старой миссис боюсь…

— А в придачу, я покажу тебе, если захочешь, как у меня палец на ноге нарывает.

Джим был всего лишь человеком — и не смог устоять перед столь могучим соблазном. Он поставил ведро на землю, принял в дар але-

бастровый шарик и склонился над ногой Тома с неотрывным вниманием наблюдая за тем, как разматывается бинт. В следующий же миг, он уже летел по улице с ведром в руке и звоном в ушах, Том изо всех сил водил по забору кистью, а тетя Полли покидала поле брани с домашним шлепанцем в руке и победой во взоре.

Впрочем, надолго усердия Тома не хватило. В голову ему полезли мысли о забавах, которыми он намеревался наполнить этот день, и скорби его умножились. Скоро мимо поскачут вприпрыжку, дабы предаться всякого рода восхитительным удовольствиям, сохранившие свободу мальчишки, и все они будут потешаться над ним, вынужденным трудиться, — одна только мысль об этом жгла его, точно огнем. Том извлек из кармана все свои мирские богатства: обломки игрушек, шарики и прочий никчемный хлам; этого, может, и довольно было, чтобы подрядить кого-нибудь для *работы*, но для приобретения хотя бы получаса подлинной свободы не хватило бы и вполовину. Том махнул рукой на мысль о подкупе мальчиков и вернул свое скудное достояние в карман. Вот в этот-то мрачный, безнадежный миг его и осенило вдохновение! Великолепное, величавое вдохновение, никак не меньше.

Он взялся за кисть и спокойно приступил к работе. Вскоре вдали замаячил Бен Роджерс — тот самый мальчик, чьих насмешек Том страшился пуще всего. Бен не шел, а попрыгивал, — достаточное доказательство того, что на сердце у него было легко, а голову наполняли упоительные предвкушения. Он грыз яблоко и через равные промежутки времени испускал долгие, мелодичные крики, за коими следовало «дин-дон-дон, дин-дон-дон», ибо Бен был сейчас пароходом. Приблизившись к Тому, он сбавил скорость, вырулил на середину улицы, перегнулся через правый борт и начал с требующей немалых трудов помпой и обстоятельностью тяжеловесно разворачиваться, — дело в том, что изображал он не просто пароход, а «Большую Миссури» с осадкой аж в девять футов. Бен был сразу и судном, и капитаном, и звонками машинного отделения, так что ему приходилось воображать себя и стоящим на мостике, и отдающим команды, и выполняющим их:

— Стоп машина, сэр! Тинь-динь-динь!

Продвижение парохода вперед почти сошло на нет, он стал медленно приближаться к берегу.

— Задний ход! Тинь-динь-динь!

Руки Бена выпрямились и плотно прижались

к бокам.

— Задний ход и право руля! Тинь-динь-динь! Чуф! чу-чуф-уф! Чуф!

Правая рука уже описывала величавые круги, изображая колесо сорока футов в поперечнике.

— Лево руля! Тинь-динь-динь! Чуф! чу-чуф-чуф!

Теперь круги стала описывать левая рука.

— Правое стоп! Тинь-динь-динь! Левое стоп! Вперед на правом! Стоп машина! Отдать конец! Эй, там, пошевеливайся! А ты чего стоишь? Конец лови, бездельник! Вон тот пенек обмотай канатом! Ладно, хватит, — дай малую слабину! Вот так! Машина стоит, сэр! Тинь-динь-динь! Шт! Шт! Шт! (это спускались пары).

Том продолжал белить, не обращая на пароход никакого внимания. Бен с минуту понаблюдал за ним, потом сказал:

— Ишь ты! Так это ты у нас в пеньки-то попал, а?

Никакого ответа. Том окинул взглядом живописца последний мазок, легко прошелся по нему кистью и окинул снова. Бен подошел к нему, встал рядом. У Тома, учуявшего аромат яблока, потекли слюнки, однако он продолжил труды свои. Наконец, Бен сказал:

— Здорово, старина, работаешь, значит?

Том резко повернулся к нему и ответил:

— А, это ты, Бен! Я тебя и не заметил.

— Знаешь, куда я иду? Искупнуться в реке, вот куда! Ты, небось, тоже не прочь? Но тебе, понятное дело, нельзя, — *работать* надо, а? Надо, ничего не попишешь!

Некоторое время Том серьезно вглядывался в него, потом спросил:

— Что ты называешь работой?

— А *это* что, не работа?

Том, снова подняв кисть к забору, невозмутимо ответил:

— Ну, может, работа, а может, и нет. Я знаю только одно — Тому Сойеру она нравится.

— Да брось, ты же не хочешь сказать, что она тебе *по душе*?

Кисть пришла в плавное движение.

— По душе? Почему же ей и не быть мне по душе? Разве мальчику каждый день выпадает случай белить забор?

Вот тут Бен увидел все в новом свете. Он даже яблоко грызть перестал. Том не без изящества возил кистью взад-вперед — отступал на шаг, чтобы оценить достигнутое, — добавлял там и сям по штришку, — снова критически вглядывался в

результат. Бен следил за каждым его движением, проникаясь к происходившему все большим интересом, и наконец оно полностью завладело его воображением. Тогда он попросил:

— Слушай, Том, а дай и *мне* побелить малость.

Том поразмыслил над этой просьбой и почти уж решился исполнить ее, но все-таки передумал:

— Нет, Бен, нет… Не получится. Видишь ли, тетя Полли страх как трясется над этим забором — ты сам посуди, он же на улицу выходит, — будь это какой-нибудь задний заборишко, я бы не возражал, да и она тоже. Но *этот* забор ей дороже всего на свете; его нужно белить с особым старанием; я так понимаю, на тысячу мальчиков найдется только один, ну, может, два, способных сделать все, как полагается.

— Да что ты? Ладно, ну хоть попробовать дай. Чуть-чуть — будь ты мной, Том, я бы тебе дал.

— Бен, я бы с радостью, честное индейское, да только тетя Полли… Джим вон тоже просился, так она не позволила; Сид просился, она и Сиду отказала. Понимаешь теперь, почему я упрямлюсь? Возьмешься ты за побелку, а у тебя чего-нибудь не так выйдет и…

— Да будет врать-то, я знаешь какой аккуратный! Дай попробовать. Слушай, я тебе огрызок

яблока отдам.

— Ну, коли так… Хотя, нет, Бен, не могу. Боюсь…

— Я тебе *все* яблоко отдам!

Том вручил ему кисть с явной неохотой, однако душа его пела. И пока бывший пароход «Большая Миссури» усердствовал и потел на солнцепеке, отставной живописец сидел на стоявшем в тени бочонке, болтал ногами, грыз яблоко и обдумывал западню, которую ему предстояло расставить следующей простой душе. Недостатка в таковых не наблюдалось: мальчики подходили к нему один за другим, — сначала ехидничали, но вскоре хватались за кисть. Ко времени, когда Бен начал уставать, Том уже продал следующую смену Билли Фишеру, получив от него воздушного змея — в довольно приличном состоянии; а когда утомился и Фишер, его сменил Джонни Миллер, отдавший Тому дохлую крысу на веревочке, позволявшей с удобством крутить ею по воздуху — и так далее, и тому подобное, час за часом. К послеполуденному времени Том, проснувшийся поутру без малого нищим, буквальным образом купался в богатстве. Помимо уже упомянутых приобретений, он владел теперь двенадцатью каменными шариками, фрагментом древнего,

именуемого «зуделкой» музыкального инструмента, донышком синей стеклянной бутылки, через которое можно было смотреть на мир, изготовленной из нитяной катушки пушечкой, ключом, ничего, впрочем, не отпиравшим, куском мела, стеклянной пробкой от графина, оловянным солдатиком, двумя головастиками, шестью хлопушками, одноглазым котенком, медной дверной ручкой, собачьим ошейником — собака не прилагалась, — черенком ножа, четырьмя кусками апельсиновой кожуры и старым, полуразвалившимся оконным переплетом.

Он хорошо и весело провел, не ударяя пальцем о палец, время в большой компании, а забор, между тем, покрылся целыми тремя слоями известки! И если бы она не вышла вся, Том обратил бы в банкротов всех до единого мальчиков городка.

Приходилось признать, что жизнь, вообще говоря, не такая уж и пустая штука. Том, сам того не ведая, открыл великий закон, который правит поведением людей, а именно: чтобы заставить мужчину или мальчика возжаждать какой-то вещи, необходимо всего лишь затруднить ее приобретение. Будь Том таким же великим и мудрым философом, каков автор этой книги, он уразумел бы, что Труд состоит из того, чем каждый из нас

заниматься *обязан*, а Игра — из того, чем не обязан заниматься никто. И это помогло бы ему понять, отчего изготовление бумажных цветов или нудная механическая работа есть труд, а сбивание кеглей или восхождение на Монблан — всего только развлечение. В Англии можно встретить состоятельных джентльменов, которые в летнюю жару правят запряженными четверкой лошадей пассажирскими дилижансами, проезжая на их облучках по двадцать-тридцать миль в день, — и лишь потому, что привилегия эта обходится им в изрядные деньги; а предложите джентльменам плату за такую услугу, обратив ее тем самым в труд, они от нее немедля откажутся.

Том поразмышлял немного о значительных переменах, происшедших в его жизненных обстоятельствах, а затем устремился с донесением в главный штаб.

Глава III
На войне и в любви

Том предстал перед тетей Полли, сидевшей у открытого окна приятной тыльной комнаты дома, служившей и спальней, и столовой (для завтраков и обедов) и библиотекой сразу. Благоуханный летний воздух, мирный покой, аромат цветов и сонное гудение пчел, оказали на старушку обычное их воздействие, вследствие коего она потихоньку клевала носом над вязанием, ибо компании у нее не было никакой, если не считать кота, — да и тот спал на ее коленях. Очки тети Полли были, безопасности ради, подняты на ее седые волосы. Она полагала, что Том, разумеется, давным-давно ударился в бега, и потому удивилась, увидев этого мальчика, с таким бесстрашием отдававшегося в ее руки. Том спросил:

— Можно я теперь погуляю, тетя?

— Что, уже? А много ли ты сделал?

— Я все сделал, тетя.

— Не лги мне, Том — я этого не выношу.

— Я не лгу, тетя; все сделано.

К голословным заявлениям тетя Полли дове-

рия не питала и потому пошла посмотреть на забор собственными глазами — она удовлетворилась бы, увидев побеленной хотя бы пятую его часть. Когда же взорам ее явился побеленный полностью забор, и не просто побеленный, но покрытый тремя слоями извести, когда она увидела, что вдоль него еще и белая полоска по земле проведена, ее охватило изумление, словами не выразимое.

— Ну и ну! — сказала она. — Вот уж никогда бы… Что тут отрицать, умеешь ты работать, когда пожелаешь, Том.

Впрочем, комплимент свой она тут же поспешила разжижить:

— Вот только желание такое посещает тебя уж больно редко. Ладно, иди, поиграй; только постарайся вернуться домой еще на этой неделе, иначе розог получишь.

Блеск и величие совершенного Томом подвига поразили тетю Полли настолько, что она отвела его в чулан, выбрала самое лучшее яблоко и вручила его племяннику, сопроводив этот дар возвышенным наставлением касательно того, что всякое удовольствие становится для нас ценнее и слаще, когда мы достигаем его усилиями не греховными, но исполненными добродетели.

Пока она заканчивала эту проповедь уместно витиеватыми словами Писания, Том стибрил пирожок.

Едва выскочив во двор, он увидел Сида, как раз начавшего подниматься по наружной лестнице, которая вела к задним комнатам второго этажа. Под руку Тому весьма своевременно подвернулись комья земли и воздух в мгновение ока наполнился ими. Неистовый град их осыпал Сида, и прежде, чем тетя Полли успела собраться с рассеянными изумлением мыслями и поспешить на помощь Сиду, шесть или семь комьев возымели желанное действие, а Том перемахнул через забор и скрылся. Калитка в заборе, конечно, имелась, однако Том, за недостатком времени, пользовался ею редко. Теперь, когда он поквитался с Сидом, привлекшим внимание тети к черной нитке, на душу Тома снизошли мир и благодать.

Пронесшись по улице, Том нырнул в грязный проулок, шедший вдоль задней стены тетиного коровника. Здесь никакая поимка и кара ему уже не грозили, и потому он неторопливо направился к главной площади городка, на которой, в соответствии с заранее достигнутым соглашением, должны были сойтись в битве два мальчишечьих войска. Том возглавлял одну из этих армий,

Джо Харпер (его закадычный друг) — другую. До единоборства эти великие военачальники не снисходили, — оно пристало лишь мелкой сошке, — а просто восседали бок о бок на возвышенном месте, руководя боевыми действиями посредством отдаваемых ими через адъютантов приказов. Долгое, ожесточенное сражение завершилось победой армии Тома. Противники сосчитали павших, обменялись пленными и, договорившись о причинах следующих разногласий, назначили день необходимой для разрешения оных баталии. Затем армии построились в маршевые порядки и удалились, а Том одиноко побрел домой.

Проходя мимо жилища Джеффа Тэтчера, Том заприметил в его саду незнакомую девочку — прелестное голубоглазое существо с заплетенными в две длинные косы золотистыми волосами, в белом летнем платьице и вышитых панталончиках. И только что увенчанный славой герой пал без единого выстрела. Некая Эмми Лоренс испарилась из его сердца и следа по себе не оставила. Еще минуту назад он полагал, будто любит ее до безумия; видел в страсти, которую питал к ней, истинное преклонение; и вот вам — страсть эта оказалась всего лишь жалкой минутной привя-

занностью. Месяцами завоевывал он ее сердце; она призналась ему в любви всего неделю назад, и в течение семи коротких дней Том почитал себя счастливейшим из смертных и гордился этим, но хватило одного только мига, и Эмми Лоренс ушла из его сердца подобно случайной гостье, заглянувшей туда с недолгим визитом.

Том бросал на новоявленного ангела украдчивые, полные обожания взгляды, а, поняв, что девочка заметила его, сделал вид, будто ничего о ее присутствии не знает и принялся, дабы овладеть воображением незнакомки, «выставляться» — всеми нелепыми, доступными мальчику способами. Какое-то время он предавался этому абсурдному безрассудству, но вдруг, скосившись при исполнении небезопасного акробатического трюка на девочку, увидел, что она направляется к дому. Том подошел к забору, облокотился о него, горюя и надеясь, что она задержится еще ненадолго. На миг девочка остановилась на ступеньках крыльца, но тут же снова шагнула к двери. Том, увидевший, как она ступила на порог, испустил тяжкий вздох. Однако лицо его тут же и просияло, ибо незнакомка, прежде чем скрыться в доме, перебросила через забор фиалку.

Мальчик обежал вокруг цветка, остановился

футах в двух от него и, прикрыв щитком ладони глаза, вгляделся в улицу, словно обнаружив в дальнем ее конце нечто занимательное. Потом он подобрал с земли соломинку и попытался, откинув голову назад, уравновесить ее на кончике своего носа — для этого потребовалось переступать из стороны в сторону, что и подводило его все ближе к цветку. И наконец, босая ступня Тома накрыла цветок, гибкие пальцы ее сомкнулись, и Том поскакал на одной ноге прочь, унося свое сокровище, и скрылся за углом. Но лишь на минуту, которая ушла на то, чтобы укрыть цветок под курткой, рядом с сердцем — или с желудком, поскольку знатоком анатомии Том не был, да и большой скрупулезностью при выборе места в подобных случаях не отличался.

Затем он возвратился назад и до самых сумерек колобродил у забора, «выставляясь» на прежний манер, однако девочка так больше и не показалась, и Тому осталось тешиться лишь слабой надеждой на то, что она простояла все это время у одного из окон, упиваясь знаками его внимания. В конце концов, он неохотно поплелся домой и бедную голову его переполняли дорогой видения самые сладкие.

На протяжении всего ужина он пребывал в

приподнятом настроении, заставлявшем его тетю дивиться: «что это такое нашло на ребенка?». Ребенок выслушал суровый нагоняй за покушение на Сида, и не возразил ей ни словом. Ребенок попытался стянуть прямо под ее носом кусок сахара, и тетушка отшлепала его по ладоням, на что он сказал только:

— Тетя, Сида вы за это не бьете.

— Сид, в отличие от тебя, людей не терзает. А ты, стоит мне отвернуться, непременно в сахарницу залезешь.

Когда же она ушла на кухню, Сид, радуясь своей безнаказанности, немедля ухватился за сахарницу, глядя при этом на Тома с торжеством, которое тот находил совершенно непереносимым. Однако пальцы Сида соскользнули с нее, и сахарница упала на пол и разбилась. Том пришел в восторг, да такой, что даже язык прикусил и сидел за столом, храня мертвое молчание. Вот ни слова не скажу, говорил он себе, — даже когда тетя вернется, буду сидеть себе спокойно, пока она не спросит, кто учинил это безобразие, а уж тогда все и выложу и с превеликим удовольствием посмотрю, как ее образцовый любимчик получит по заслугам. Ликование переполняло Тома, он с трудом усидел на месте, когда старушка воз-

вратилась и замерла над осколками сахарницы, меча поверх очков молнии гнева. Том повторял себе: «Ну, что сейчас будет!». И в следующий миг полетел на пол! Когда же могучая длань тети Полли вознеслась, чтобы нанести ему новый удар, Том вскричал:

— Постойте, тетя, а *меня-то* за что? — ее же Сид раскокал!

Тетя Полли озадаченно замерла, и Том исполнился надежды на ее утешительное раскаяние. Но нет, когда к ней вернулся дар речи, она только и сказала:

— Пф! Ну, думаю, для тебя никакая трепка лишней не окажется. Небось, пока меня тут не было, ты тоже успел набедокурить.

Совесть немедля укорила тетю Полли, ей захотелось произнести что-нибудь доброе, ласковое, однако это, решила она, было бы равносильным признанию своей неправоты, а таковое способно лишь разбаловать ребенка. И старушка промолчала, и со смятенным сердцем занялась подручными делами. Том же, надувшись, сидел в углу комнаты, упиваясь своим несчастьем. Он знал, что в сердце своем тетя стоит перед ним на коленях и знание это доставляло ему мрачную радость. Нет уж, никаких знаков прощения он

ей не подаст, и не ждите, и ее знаки оставит без всякого внимания. Он сознавал, что время от времени тетя обращает к нему сквозь пелену слез молящий взор, однако отвечать на него не желал. Том представлял, как он лежит на смертном одре, а тетя склоняется над ним и выпрашивает одно, только одно краткое слово прощения, но он отворачивается к стене и испускает дух, так и не вымолвив этого слова. Что, хорошо ли ей будет? А вот и новая картина: его приносят домой от реки, мертвого, — локоны бедняжки мокры, истерзанное же сердце, в кои-то веки, вкушает покой. Как она бросится тогда на тело его, как прольются дождем ее слезы, как губы ее будут умолять Бога вернуть ей мальчика, которого она никогда, никогда больше не станет мучить! А он будет лежать перед нею, холодный, белый и даже пальцем не шевельнет — несчастный юный страдалец, чьи горести, наконец-то, прервались навсегда! Он до того растравил себе душу этими чувствительными грезами, что уже и слезы глотал с трудом и едва ими не подавился; перед глазами его все расплылось, ибо их застилала влага, и всякий раз, как Том моргал, ее становилось больше, она стекала вниз и капала с кончика его носа. Он лелеял свои печали с таким наслаждением, что

мысль о каких-то там суетных радостях и никчемных усладах представлялась ему несносной и даже пугала его, и потому, когда в дом вступила, пританцовывая, его двоюродная сестра Мэри, вся светившаяся от счастья, вызванного тем, что она, наконец, вернулась домой, прогостив целый век (а точнее сказать, неделю) у сельских друзей, он встал и вышел, окруженный клубящейся мглой и мрачными тучами, в одну дверь, между тем как в другую вступили песни и солнечный свет.

Он бродил, уклоняясь от привычных пристанищ мальчиков, отыскивая места уединенные и унылые, гармонирующие с состоянием его духа. Бревенчатый плот, покачивавшийся у берега реки, поманил его, и Том присел на дальнем краю бревен, вглядываясь в безотрадный простор воды и думая, как хорошо было бы утонуть сразу, даже и не заметив этого, не пережив неприятных формальностей, придуманных для таких случаев природой. Потом он вспомнил о цветке и достал из-под рубашки дар девочки — измятый, увядший и тем неимоверно усиливший его скорбное блаженство. Интересно, пожалела бы она его, узнав обо всем? Заплакала бы, пожелав, чтобы ей дано было обвить его шею руками и утешить? Или холодно отвернулась бы от него, как отвер-

нулся весь этот лживый мир? Последняя картина породила в душе Тома такой прилив сладкого страдания, что он принялся вертеть ее в уме так и этак, представляя все в новом и новом свете, пока она не протерлась до дыр. И тогда он встал, воздыхая, и удалился во тьму.

Примерно в половине десятого, а то и в десять, он прибрел по пустынной улице к дому, в котором жила Возлюбленная Незнакомка, постоял немного — ни единый звук не достигал его чутко вслушивавшихся ушей, лишь свеча роняла в окне второго этажа тусклый свет свой на занавеску. Не там ли и кроется божественное создание? Том перелез через забор, осторожно прокрался между садовых растений, замер под окном и долго, с чувством вглядывался в него, а потом лег на спину и скрестил на груди руки, одна из коих все еще сжимала бедный, сникший цветок. Вот так бы и умереть — брошенным в холодный мир, лишенным и крова над бесприютной головой, и дружеской руки, которая отирала бы предсмертную испарину с чела его. Лишенным и любящего лица, которое жалостливо склонилось бы над ним, когда его постигнет последняя, страшная мука. Таким увидела бы его *она*, выглянув в веселое утро из окна — и О! разве не сронила б она

слезинку на его сирое, бездыханное тело, разве не вздохнула б над юной жизнью, столь грубо попранной, оборванной столь рано?

Окно растворилось, неблагозвучный голос служанки осквернил священную тишь, затем бренные, распростертые на земле останки мученика окатила лавина воды!

Едва не задохшийся под нею герой зафыркал и живо вскочил на ноги. В воздухе просвистел некий метательный снаряд, по пятам за ним полетели слова, негромкие, но нехорошие, затем послышался звон разбитого вдребезги стекла и некто маленький, еле приметный перемахнул через забор и растворился во мраке.

Недолгое время спустя Том, уже раздевшийся для сна, оглядывал при свете сальной свечи свою промокшую одежду. Сид проснулся, но, если его и посетило смутное желание высказаться по поводу недавних происшествий, он благоразумно подавил таковое, ибо в глазах Тома светилась угроза.

Под одеяло Том забрался, не утрудив себя молитвой, и Сид мысленно отметил это упущение.

Глава IV
Как «выставлялись» в воскресной школе

Над безмятежным миром взошло солнце, благословив лучистым сиянием своим тихий городок. После завтрака состоялось семейное богослужение: оно началось с молитвы, сложенной из цельных библейских кирпичей, которые тетя Полли скрепляла жиденьким известковым раствором собственных измышлений. А завершив восхождение на эту вершину, старушка зачитала с нее, как с горы Синай, одну из глав сурового закона Моисеева.

Затем Том препоясал, так сказать, чресла и приступил к исполнению тягостного труда — заучиванию положенного числа библейских стихов. Сид управился со своим уроком еще несколько дней назад. Том прилагал все силы к тому, чтобы запомнить пять стихов из Нагорной проповеди, выбранной им потому, что стихов более коротких он, перерыв все Писание, найти не сумел. По прошествии получаса ему удалось составить о них смутное представление, но и не

более того, поскольку ум его блуждал по бескрайним просторам человеческой мысли, а руки то и дело отвлекались на разного рода интересные занятия. В конце концов, Мэри отобрала у Тома книгу, велела ему прочитать заученное, и он принялся пролагать себе путь в густейшем тумане:

— Блаженны… э… э…

— Нищие…

— Да… нищие; блаженны нищие… э… э…

— Духом…

— Духом; блаженны нищие духом, ибо они… они…

— *Их*…

— Ибо *их*. Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они… они…

— У…

— Ибо они… э…

— У, т, е…

— А, *уте*! Ибо они уте… у тех… э… э… которые… блаженны плачущие… э… э… блаженны они, которые у тех… которые плачут, ибо они у тех… э… — да у *кого же*? Ну подскажи, Мэри! Не будь такой вредной.

— Ах, Том, несчастный ты, бестолковый мальчишка, все-то из тебя приходится клещами

вытягивать. Нет уж. Иди и учи заново. И главное, не бойся, Том, ты справишься, — а когда справишься, я подарю тебе что-то очень, очень хорошее. Ну, ступай, и будь умницей.

— Ладно! Ты только скажи, Мэри, а что это?

— Не беспокойся, Том. Ты же знаешь, раз я сказала *хорошее*, значит хорошее.

— Знаю, Мэри, ты нипочем не надуешь. Ладно, пойду, попотею еще.

И Том «попотел», а поскольку его подгоняли теперь и любопытство, и корыстолюбие, проделал это с таким рвением, что вскоре добился блестящего успеха. Мэри поднесла ему новехонький ножик «Барлоу» ценой в двенадцать с половиной центов, и все тело Тома сотрясла такая судорога блаженства, что он едва устоял на ногах. Оно конечно, разрезать что-нибудь этим ножичком было почти невозможно, однако то был «настоящий Барлоу», что и наделяло его немыслимым величием, — хотя с какой стати мальчики Запада решили, что кто-то попытается подделать это грозное оружие, отчего оно станет еще и хуже неподдельного, это великая тайна, раскрыть которую, скорее всего, не суждено никому. Тому непонятно как, но удалось изрезать им весь буфет, и он собирался уже взяться за комод, когда

его позвали одеваться для похода в воскресную школу.

Мэри выдала ему жестяной тазик с водой и кусочек мыла. Том вышел во двор, опустил тазик на стоявшую там скамейку, окунул мыло в воду и отложил его в сторонку, после чего закатал рукава и вылил воду на землю, постаравшись не произвести никакого шума, а затем пошел на кухню и принялся усердно вытирать лицо висевшим на ее двери полотенцем. Однако полотенце Мэри у него отняла, сказав:

— И не стыдно тебе, Том? Дурной мальчишка. Можно подумать, вода тебя покусает.

Том немного смутился. Тазик снова наполнился водой и на этот раз Том какое-то время постоял над ним, набираясь решимости, а после тяжко вздохнул и приступил к умыванию. Когда он снова вошел в кухню, — зажмурясь и нащупывая руками полотенце, — лицо Тома покрывали несомненные доказательства его честности: вода и мыльная пена. И все же, едва он отнял полотенце от лица, выяснилось, что потребный результат по-прежнему не достигнут, ибо очищенная территория включала в себя лишь его подбородок и щеки, — отчего казалось, что Том надел маску, — а за границей этой территории

лежали темные просторы неорошенной почвы, уходившие и вниз, к груди, и назад, к шее. Тут уж за него взялась Мэри и, когда она покончила с ним, Том обратился в мужчину и брата, в расовой принадлежности которого никто бы не усомнился, — даже короткие кудри его, и те обрели изящество и симметричность. (Том, как только он остался один, постарался разгладить их, прилепить к голове, что потребовало немалых трудов и усердия, — проклятые кудри казались ему девчоночьей принадлежностью и наполняли душу Тома горечью.) Затем Мэри принесла ему одежду, которую Том вот уж два года надевал только по воскресеньям — именовалась она просто: «другая одежда», что и дает нам полное представление о размерах его гардероба. После того, как он оделся, сестра «привела его в порядок», то есть застегнула курточку до самого подбородка, расправила по плечам широкий воротник рубашки, прошлась по штанам и курточке щеткой и увенчала голову Тома крапчатой соломенной шляпой. Теперь он приобрел вид гораздо более опрятный и гораздо более стесненный, ибо и благопристойность его одежды, и чистота лица страшно ему досаждали. Он надеялся, что Мэри хотя бы про башмаки позабудет, однако и эта надежда оказалась рас-

топтанной: Мэри густо смазала их, как тогда было принято, салом и принесла брату. Том вышел из себя и пожаловался, что его вечно заставляют делать именно то, чего он делать не хочет. Но Мэри усовестила его, сказав:

— Пожалуйста, Том, будь умницей.

Пришлось, хоть и с ворчанием, а влезть и в башмаки.

У Мэри на сборы времени ушло немного и вскоре троица детей отправилась в воскресную школу, которую Том от души ненавидел, а Сид и Мэри любили.

Занятия в ней тянулись с девяти до половины одиннадцатого, за ними следовала церковная служба. Двое из троих детей неизменно оставались на нее по собственной воле, — третье оставалось тоже, но по причинам иного свойства и более основательным. Жесткие, с высокими спинками скамьи церкви могли вместить около трехсот человек; сама же она представляла собой строение маленькое, незатейливое, накрытое сверху подобием ящика из сосновых досок — это была колокольня. В дверях церкви Том замешкался, попятился и спросил у шедшего за ним мальчика, одетого, как и он, по-воскресному:

— Слушай, Билли, у тебя желтый билетик

есть?

— Есть.

— Что возьмешь за него?

— А что дашь?

— Кусок лакрицы и рыболовный крючок.

— А ну покажи.

Том предъявил названное. Вещи были хорошие, качественные и обмен состоялся. Следом Том выторговал за пару алебастровых шариков три красных билетика, и еще два синих за кое-какие безделицы. В следующие десять или пятнадцать минут он останавливал подходивших к церковной двери мальчиков и покупал у них билетики разных цветов. А затем вошел в церковь, заполненную чистенькими, шумливыми мальчиками и девочками, проследовал к своему месту и там поцапался с первым же подвернувшимся под руку мальчишкой. Их перебранку прервал учитель — степенный, пожилой джентльмен, — однако, стоило ему отвернуться, как Том дернул за волосы сидевшего впереди мальчика, успев, прежде чем тот оглянулся, уткнуться носом в молитвенник; после чего ткнул булавкой другого — из одного лишь желания услышать, как тот воскликнет «Ой!» — и получил от учителя новое замечание. Таков был весь класс Тома

— беспокойный, шумный, неугомонный. Когда наступило время декламации заученных детьми библейских стихов, ни один из однокашников Тома отбарабанить их без запинки не смог, каждому потребовались подсказки. Впрочем, каждому удалось добраться до конца декламации и получить награду — синие билетики с текстами из Писания, выдававшиеся за два прочитанных стиха. Десять синих билетиков приравнивались к одному красному и, как правило, обменивались на него; десять красных приравнивались к желтому, а за десять желтых директор школы выдавал ученику Библию в простеньком переплете (стоившую в те незатейливые времена всего сорок центов). Многим ли из моих читателей хватило бы трудолюбия и прилежания, чтобы заучить две тысячи стихов — даже в надежде получить за это Библию с иллюстрациями Доре? А между тем, Мэри заработала таким манером целых две Библии, — ставших плодами двухлетних кропотливых трудов, — а один мальчик немецкого происхождения так даже четыре, если не пять. Как-то раз он без запинки продекламировал целых три тысячи стихов, но, правда, перенапряг этим свои умственные способности и обратился в сущего идиота, что стало для школы неуда-

чей самой горестной, поскольку директор имел обыкновение выводить — при разного рода торжественных случаях — этого мальчика на сцену, дабы он «побалабонил» (как именовал это Том). Только старшим ученикам школы удавалось скопить изнурительным трудом достаточное для получения Библии число билетиков, и потому выдача этой награды была событием редким и примечательным; получивший ее ученик обретал в тот день такое величие и популярность, что в душе каждого школьника немедля возгоралось честолюбие, которого иногда хватало на целых две недели. Быть может, умственный желудок Тома и не томился голодом по этой награде, но нечего и сомневаться в том, что все его существо уже многие дни жаждало сопровождавших ее славы и *éclat*[1].

В должное время перед кафедрой проповедника объявился и потребовал тишины директор, державший в руке заложенный указательным пальцем сборник гимнов. Когда директор воскресной школы произносит, как того требует обычай, свою короткую речь, сборник гимнов в его руке есть принадлежность такая же необ-

---

[1] Примечания: 1
Шумиха, шумный успех (фр.).

ходимая, как непременный листок с нотами в пальцах поющего в концерте соло певца, — хотя зачем они нужны, никому не ведомо, ибо эти несчастные ни в книжку, ни в ноты никогда не заглядывают. Директор был худосочным господином лет тридцати пяти, с песочного цвета козлиной бородкой и песочными же короткими волосами. Верхние края его тугого стоячего воротника почти достигали ушей директора, а острые концы загибались вовнутрь, к уголкам его рта — получалась своего рода оградка, заставлявшая беднягу смотреть только вперед и поворачиваться всем телом, когда ему требовалось увидеть что-то, находившееся сбоку от него. Подбородок директора подпирался галстуком, схожим шириной и длинной с крупной, обмахрившейся по краям банкнотой; носки его сапог сильно загибались, по тогдашней моде, вверх, совершенно как санные полозья — эффект, достигавшийся терпеливыми и трудолюбивыми молодыми людьми тем, что они часами просиживали, упершись носками обуви в стенку. Лицо мистер Уолтерс имел наисерьезнейшее, а душу искреннюю и честную; к священным же местам и предметам он питал такое почтение и так основательно отделял их от всего мирского, что, в воскресной школе голос

его приобретал, о чем сам он не ведал, странную напевность, которая в будние дни в нем напрочь отсутствовала. Речь свою директор начал такими словами:

— А теперь, дети, я хочу, чтобы минуту-другую вы просидели сколь возможно прямее и тише и внимательно выслушали то, что я вам скажу. Правильно — вот так. Именно так и должны вести себя благовоспитанные мальчики и девочки. Я вижу, одна девочка смотрит в окно, — боюсь, она полагает, будто я нахожусь где-то там, быть может, на ветке дерева, и обращаюсь с моими словами к птичкам. (Одобрительные смешки.) Я хочу сказать вам о том, какую радость доставляет мне созерцание такого множества умненьких, чистеньких личиков, обладатели коих пришли сюда, чтобы поучиться началам добра и правой веры.

И так далее, и тому подобное. Излагать здесь эту речь целиком необходимости нет. Все подобные речи скроены на одну колодку и потому хорошо всем нам знакомы.

Последняя ее треть была отчасти подпорчена несколькими дурными мальчиками, возобновившими потасовки и иные увеселения, а также ерзаньем и шушуканьем, разлившимися по

всей церкви столь широко, что они омыли даже основания таких одиноких утесов непогрешимости, какими были Мэри и Сид. Но шум внезапно стих, а следом стих и голос мистера Уолтерса, и завершение его речи было встречено вспышкой безмолвной благодарности.

По большей части шушуканье было вызвано событием более-менее редким — появлением гостей, а именно, судьи Тэтчера, которого сопровождали: некий немощный старичок; нарядный и дородный джентльмен средних лет в стального оттенка сединах; и величавая леди, — вне всяких сомнений, супруга джентльмена. Леди вела за руку девочку. До этого мгновения взбаламученная душа Тома терзалась томлением и тревогой, да и совесть донимала беднягу — ему не по силам было смотреть на Эмми Лоренс, сносить ее влюбленные взгляды. Однако едва он увидел вошедшую в церковь девочку, в душе его мгновенно воспылало блаженство. И в следующий миг он уже «выставлялся» что было сил — тузил мальчиков, дергал кого ни попадя за волосы, корчил рожи — одним словом, проделывал все, что способно очаровать девочку и привести ее в восхищение. Только одно и отравляло его восторг — память об унижении, пережитом им в саду

этого ангела, — впрочем, и эту надпись на песке быстро смыли прокатившиеся по ней волны упоения.

Гостей усадили на самые почетные места, и мистер Уолтерс, покончив со своей речью, представил их ученикам воскресной школы. Джентльмен средних лет оказался человеком исключительным — не больше и не меньше как окружным судьей, — особы столь царственной здешние дети ни разу еще не видели и потому им оставалось лишь гадать, из какого рода материи она сотворена: дети и жаждали услышать раскаты ее могучего рева, и страшились этих раскатов. Судья прибыл сюда из Константинополя, проделав путь в двенадцать миль, и стало быть, познав, путешествуя, мир, — он своими глазами видел здание окружного суда, крытое, как уверяли, луженым железом. Благоговение, неотделимое от мысли о подобных свершениях, удостоверялось выразительным молчанием и глазами, неотрывно вперявшимися в великого окружного судью, родного брата другого судьи Тэтчера. Джефф Тэтчер немедля вышел к гостям, чтобы на зависть всей школе пофамильярничать с великим человеком. В душе его отзывались музыкой шепотки:

— Ты посмотри на него, Джим. Пошел, пошел. Ну и ну… смотри! Сейчас руку ему пожмет — уже *пожимает*! Ах, чтоб меня, небось, и ты хотел бы быть Джеффом!

Мистер Уолтерс тут же принялся «выставляться», прибегая для этого ко всем, какие делала возможными его должность, уловкам: отдавая распоряжения, вынося суждения и осыпая указаниями того, другого, третьего — в общем, всех, кто попадался ему под руку. Школьный библиотекарь «выставлялся», снуя туда-сюда с охапками книг, лопоча и шикая на всех с наслаждением, с каковым сопряжена была его ничтожная власть. Молоденькие учительницы «выставлялись», ласково склоняясь над детьми, которых они совсем недавно угощали подзатыльниками, умильно грозя пальчиками нехорошим мальчикам и любовно гладя по головам хороших. Молодые учителя «выставлялись» посредством кратких нагоняев и иных проявлений власти, позволяющих поддерживать должную дисциплину — и почти у всех учителей, независимо от их пола, отыскалось какое-то дело в находившейся за кафедрой библиотечке: некоторые из них ныряли туда по два и по три раза (и с чрезвычайно озабоченным видом). Девочки «выставлялись»

способами самыми разными, а мальчики предавались этому занятию с таким усердием, что воздух вскоре наполнился комочками жеваной бумаги и гомоном потасовок. А над всем этим восседал, озаряя церковь возвышенной судейской улыбкой и греясь в лучах своего величия, судья Тэтчер, — ибо и он «выставлялся» по-своему.

Не доставало лишь одного, чтобы сделать владевший мистером Уолтерсом исступленный восторг полным и окончательным, — возможности предъявить гостям вундеркинда и вручить ему наградную Библию. У нескольких, самых выдающихся учеников его школы желтые билетики имелись, однако в количествах недостаточных, — он уже справился на сей счет, переговорив с ними. Что бы ни отдал он сейчас за возвращение в школу того паренька немецких кровей — в здравом, естественно, уме и рассудке.

И вот, в миг, когда все надежды, казалось, угасли, вперед выступил Том Сойер и, предъявив девять желтых билетиков, девять красных и десять синих, потребовал выдать ему Библию. То был гром среди ясного неба. Услышать в ближайшие десять лет такое требование с *этой* стороны мистер Уолтерс никак уж не ожидал. Однако податься ему было некуда — чеки были предъяв-

лены, и чеки подлинные. И потому Тома взвели на помост — к судье и прочим избранным, — после чего директор школы объявил ей великую новость. С таким потрясающим сюрпризом она за последние десять лет не сталкивалась, и ощущение, порожденное им, поставило нового героя вровень с самим судьей, так что теперь вся школа взирала сразу на два дивных дива. Мальчиков снедала зависть, и особенно злые ее укусы выпали на долю тех, кто слишком поздно сообразил, что создал этот ненавистный блеск, эту славу собственными руками, отдав Тому билетики в обмен на богатства, которые он скопил, торгуя правом побелки забора. Как же они презирали себя — простофиль, ставших жертвами коварного пройдохи, злокозненной подколодной змеи.

Награду Тому вручили со всей помпезностью, на какую директор оказался способным в таких обстоятельствах, однако чего-то в его многоречии все-таки не хватало, ибо несчастный всем нутром ощущал присутствие некой тайны, которую лучше, пожалуй, не выволакивать на свет божий; ибо нелепостью было бы полагать, что *этот* мальчишка смог разместить две тысячи снопов библейской премудрости в риге своего разума, которая, вне всяких сомнений, даже от дюжины

их треснула бы по всем ее углам.

Эмми Лоренс наполнилась гордостью и довольством и очень старалась показать это Тому, однако он в ее сторону не смотрел. Она удивилась; затем чуть-чуть встревожилась; затем ее посетило смутное подозрение — быстро ушедшее и тут же вернувшееся. Эмми стала бдительно наблюдать за Томом — и один его украдкой брошенный взгляд открыл ей все, и сердце ее разбилось, ревность и гнев овладели бедняжкой, глаза ее наполнились слезами, и она возненавидела все и вся, а пуще всех Тома (так она полагала).

Тома представили судье; язык мальчика онемел, ему едва удавалось дышать, сердце его трепетало — отчасти по причине грозного величия этого человека, но главным образом потому, что он был *ее* отцом. Если бы в церкви было темно, Том с радостью пал бы к его стопам и молился бы на него. Судья возложил ладонь на макушку Тома, назвал его славным мальчиком и спросил, как его зовут. Том задохнулся и с запинкой выдавил:

— Том.

— О нет, не Том, но…

— Томас.

— А, вот оно что. Я так и думал, что имя твое немного длиннее. Очень хорошо. Но, смею пола-

гать, и к нему найдется что добавить — так не скажешь ли мне, что именно?

— Назови джентльмену свою фамилию, Томас, — потребовал Уолтерс, — и не забудь прибавить «сэр». Совсем не умеешь себя вести.

— Томас Сойер… сэр.

— Ну вот! Молодец. Славный мальчик. Славный маленький мужчина. Две тысячи стихов это очень много — очень и очень. И ты никогда не пожалеешь о трудах, которые потратил на то, чтобы их заучить, ибо знание дороже всего на свете, это оно создает великих и достойных людей. Когда-нибудь и ты, Томас, станешь великим и достойным человеком и, оглянувшись на пройденный тобою путь, скажешь: всем этим я обязан тому, что получил в детстве редкостную возможность посещать воскресную школу; всем этим я обязан моим дорогим учителям, которые наставили меня на путь, ведущий к знанию; и достойному директору школы, который ободрял меня в моих трудах, и окружал заботой, и одарил прекрасной Библией — великолепной, изысканной Библией, чтобы я всегда носил ее с собой и заглядывал в нее, — всем этим обязан я правильному воспитанию! Вот что ты скажешь, Томас, и ты не согласишься отдать эти две тысячи стихов

ни за какие богатства, нет, не согласишься. А теперь, если ты не против, поведай мне и этой леди что-нибудь из заученного тобой, — впрочем, я знаю, ты не против, ибо все мы гордимся мальчиками, прилежными в учебе. Ну что же, тебе без сомнения известны все двенадцать апостолов. Так не назовешь ли ты нам имена двух из них, тех, что были призваны первыми?

Том, ковыряясь пальцем в пуговичной петле, сконфуженно уставился на судью. Потом покраснел, потупился. Сердце мистера Уолтерса сжалось. Он говорил себе: «Мальчишка и на простейший-то вопрос ответить не может, зачем же судья его спрашивает?». Однако просто стоять и молчать он не мог и потому сказал:

— Ответь джентльмену, Томас, не бойся.

Том медлил.

— Я знаю, *мне* ты ответишь, — сказала леди. — Первых двух учеников Христа звали…

— ДАВИД И ГОЛИАФ!

Опустим же завесу милосердия над завершением этой сцены.

Глава V
Жук-кусач и его злосчастная жертва

Около половины одиннадцатого надтреснуто зазвонил колокол маленькой церкви, и прихожане стали сходиться на утреннюю службу. Ученики воскресной школы разбрелись по церкви, заняв места рядом с опасавшимися оставлять их без присмотра родителями. Явилась и тетя Поли. Том, Сид и Мэри уселись рядом с ней, — Тома поместили у самого прохода, сколь возможно дальше от открытого окна с его соблазнительными летними видами. И проход также заполнили люди — видавший лучшие времена престарелый, вконец обедневший почтмейстер; мэр с супругой — ибо в городке имелся, помимо прочих ненужностей, и мэр; мировой судья; сорокалетняя вдова Дуглас, красивая, умная, щедрая, — стоявший на холме особняк этой добросердечной, состоятельной женщины был единственным в городке дворцом, самым гостеприимным и самым расточительным, когда дело доходило до празднеств, коими мог похвастаться Санкт-Петербург; сог-

бенный и дряхлый майор Уорд и его супруга; адвокат Риверсон, новая знаменитость городка, переселившаяся сюда из дальних краев; первая здешняя красавица со свитой разряженных, все сплошь батист и ленты, покорительниц сердец; а за ними и все, какие только имелись в городке, молодые клерки, стоявшие поначалу, покусывая набалдашники своих тростей, в вестибюле — полукруглой стеной напомаженных, глупо ухмылявшихся ухажеров, — пока все до единой девицы не прошли сквозь их строй; самым же последним явился Образцовый Мальчик, Уилли Мафферсон с матушкой, которую он окружал таким вниманием и заботой, точно она была изготовлена из хрусталя. Он всегда приводил свою матушку в церковь и всегда был гордостью здешних матрон. Мальчишки же его ненавидели — уж больно он был хороший. К тому же, им то и дело тыкали этим типчиком в нос. Как и во всякое воскресенье, из заднего кармана его брюк свисал — якобы ненароком — хвостик белого носового платка. У Тома платка отродясь не водилось и потому владельцев их он почитал хлыщами.

Итак, паства была в сборе, колокол ударил еще раз, дабы поторопить промедливших и запоздавших, а затем в церкви наступила торжественная

тишина, которую нарушали лишь смешки и шепотки выстроившихся на галерее хористов. Хористы всегда хихикают и шушукаются на всем протяжении службы. Я видел однажды более благовоспитанный церковный хор, однако теперь уж забыл — где именно. С той поры столько лет прошло, что я почти ничего и не помню, — по-моему, это случилось со мной в какой-то чужеземной стране.

Священник назвал выбранный им гимн и с наслаждением зачитал его — в странной манере, которую чрезвычайно одобряли в этой части страны. Начинал он со средней ноты и постепенно карабкался вверх, пока не достигал определенной высоты, достигнув же, выкрикивал обнаруженное на ней слово и стремглав летел вниз, точно с подкидной доски:

Ужель вспарю я в не-бе-са, на ложе из
цветов,
Меж тем, как ближний здесь прольет кровавых семь
потов?

Декламатором священника считали выдающимся. На церковных «приемах» его неизменно просили почитать стихи, и когда он заканчивал,

дамы поднимали перед собою ладони и бессильно роняли их на колени, закатывали глаза и покачивали головками, словно желая сказать: «Словами тут ничего не выразишь, это слишком прекрасно, *слишком* прекрасно для нашего бренного мира».

После исполнения гимна его преподобие мистер Спрэг обратил сам себя в доску объявлений, начав зачитывать «извещения» о собраниях, заседаниях всякого рода обществ и прочем, и зачитывал, пока прихожанам не стало казаться, что до конца этого списка он доберется как раз ко второму пришествию, — сей странный обычай сохраняется в Америке и поныне, сохраняется даже в больших городах, и это в наш век газетного изобилия. Зачастую, чем меньше разумных оснований имеет какая-либо традиция, тем труднее оказывается сбыть ее с рук.

Тем не менее, список подошел к концу и священник приступил к молитве. К хорошей, исполненной великодушия молитве, и притом весьма обстоятельной: в ней содержались просьбы явить милосердие этой церкви и присутствующим в ней детям; и другим церквям городка; и самому городку; и его округу, и штату; и должностным лицам штата; и Соединенным Штатам; и их Конгрессу; и их президенту; и должностным лицам

их правительства; и бедным мореплавателям, носимым волнами бурных морей; и миллионам угнетенных, стенающих под пятой европейских монархий и деспотий Востока; и тем, кому явлены свет и весть благая, но не даны, в придачу, глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать; и всем язычникам далеких островов, — завершалась же молитва прошением о том, чтобы слова, кои произнес сегодня священник, обрели благоволение и благорасположение и стали, как семя, брошенное в тучную почву с тем, чтобы получить по прошествии времени благую жатву добра. Аминь.

Послышался шелест одежд, прихожане, стоя слушавшие молитву, опустились на скамьи. Мальчику, жизнеописанием коего является эта книга, молитва никакого удовольствия не доставила, он претерпел ее и только — да и то еще сильно сказано. Пока молитва тянулась, он переминался с ноги на ногу и вел счет ее частностям, — бессознательно, ибо в слова молитвы не вникал, а просто издавна знал, из чего она состоит, и знал путь, которым проходил по ней священник, и если к ней добавлялась некая новая мелочь, ухо Тома отмечало ее, а все естество отвергало, поскольку он считал такие добавки нечестными, если не подлыми. Посреди молит-

вы на спинку скамьи длани, обхватывала ими голову и отскабливала ее с такой силой, что казалось, будто голова эта того и гляди расстанется с телом — уж и тонкая ниточка шеи явилась, растягиваясь, взорам Тома; муха скоблила задними лапками крылья, расправляла их по своему тельцу, разглаживала, точно фалды сюртука, и занималась она этим своим туалетом безмятежно и мирно, словно зная, что решительно никакая опасность ей не грозит. Да так оно и было — ладони Тома зудели от желания сцапать ее, но не смели, поскольку он верил, что, совершив подобное во время молитвы, мигом погубит свою душу. А вот при последних словах молитвы рука его начала понемногу сгибаться и неприметно подаваться вперед, и едва прозвучало «Аминь», как муха оказалась в плену. Впрочем, тетя все заметила и велела ему отпустить пленницу.

Следом священник произнес цитату из Писания и приступил к зачтению проповеди, столь однообразной и скучной, что вскоре многие заклевали носами — даром, что в ней говорилось о вечном пламене и сере, а число загодя предназначенных для спасения божьих избранников сводилось к такой малости, что они, пожалуй, и хлопот-то Спасителя не стоили. Том считал

страницы проповеди; покидая службу, он всегда точно знал, сколько их было, но редко мог сообщить что-нибудь об услышанном. Впрочем, на сей раз кое-что ненадолго заинтересовало его. Священник рисовал возвышенную и трогательную картину, повествуя о том, как при начале тысячелетнего царства Христова сонмища тварей земных соберутся все вместе, и лев возляжет близ агнца, и малое дитя поведет их всех за собой. Пафоса, поучительности, морали этого величавого зрелища мальчик не заметил, он думал лишь о главном его персонаже, на которого устремятся взоры всех народов — при мысли о нем лицо Тома вспыхнуло, и он сказал себе, что был бы не прочь оказаться этим дитятей, если, конечно, льва туда приведут ручного.

Впрочем, вскоре скучные рассуждения священника возобновились, а с ними и страдания Тома. И в конце концов, он вспомнил о бывшем при нем сокровище и достал таковое из кармана. Сокровищем был большой черный жук, обладатель устрашающих жвал — «жук-кусач», как именовал его Том. Жук хранился в коробочке из-под пистонов. И первое, что он сделал: цапнул Тома за палец. Разумеется, негодяй тут же полетел прочь, и приземлился в церковном проходе на спину,

а укушенный палец оказался во рту Тома. Жук лежал, беспомощно дергая лапками, неспособный перевернуться. Том смотрел на него и всей душой стремился к нему, но жук находился вне пределов досягаемости. И другие заскучавшие от проповеди прихожане также нашли утешение в жуке и теперь не спускали с него глаз. Тем временем, в проходе объявился праздношатающийся пудель, чем-то опечаленный, одуревший от летней жары и тиши, уставший смирно сидеть на месте, жаждущий перемен. Вот он заметил жука, приподнял хвост, повилял им, вгляделся в возможную добычу, обошел ее по кругу, принюхался к ней с безопасного расстояния, обошел по кругу еще раз, набрался храбрости и снова принюхался, подойдя уже поближе. А после оскалил зубы и попытался, не без опаски, впрочем, сцапать ими жука, да промахнулся. Попытался еще разок и еще, развлечение это понравилось псу и он прилег на живот, придерживая жука передними лапами и продолжая свои эксперименты, однако, в конце концов, подустал, впал в безразличие и задумался о чем-то своем. Голова его стала мало-помалу клониться, подбородок опускался все ниже, ниже и, в конце концов, коснулся врага, каковой не преминул в него вцепиться. Пудель

взвизгнул, мотнул головой, и жук отлетел на пару ярдов и опять приземлился на спину. Ближние зрители содрогались от тихой, задушевной радости, несколько лиц укрылось под веерами и носовыми платками, Том же был счастлив безмерно. Пес выглядел глупо, да, верно, и ощущал себя дураком, однако в душу его закралось и негодование, жажда мести. И он опять подошел к жуку и принялся осторожно наскакивать на него то с одной стороны, то с другой, оскаливая клыки в дюйме от врага и даже щелкая зубами на расстоянии еще более близком и мотая головой так, что у него хлопали уши. Но затем ему это снова наскучило, пес попробовал позабавиться с мухой — нет, не то; прошелся, опустив нос к полу, по пятам за муравьем, но и это занятие вскоре ему надоело; в конце концов, он зевнул, вздохнул и, совершенно забыв о жуке, прямо на него и уселся. И немедля церковь сотряс дикий страдальческий вой, с которым пудель полетел по проходу. Вой продолжался, полет тоже, пудель пронесся перед алтарем, проскакал по другому проходу, миновал двери церкви, оглашая всю ее воплями. Мука несчастного усиливалась вместе с набираемой им скоростью и спустя недолгое время он обратился в шерстистую комету, со ско-

ростью света кружившую, поблескивая, по своей орбите. Завершилось все тем, что отчаявшийся страдалец запрыгнул на колени своего хозяина, а тот метнул его в окно, и вскоре горестные причитания пуделя стихли в дальней дали.

К этому времени все, кто присутствовал в церкви, побагровели и задыхались от подавляемого хохота, так что пришлось даже прервать проповедь. Вскоре она возобновилась, конечно, однако продвигалась вперед как-то хромо, с запинками, лишившись надежды на то, что ей удастся увлечь хоть чье-то внимание, ибо и самые суровые ее слова встречались придушенными звуками нечестивого веселья, летевшими из-за спинки какой-нибудь дальней скамьи, наводя многих на мысль, что несчастный священник изрек нечто на редкость игривое. Когда же испытание это подошло к концу, и священник прочитал благословение, все прихожане вздохнули с искренним облегчением.

Том Сойер шагал к дому в превосходном настроении, он говорил себе, что богослужение — штука, в общем-то, неплохая, нужно лишь уметь внести в него немного разнообразия. Только одна мысль и удручала его: он ничего не имел против того, что пес поиграл с кусачом, но зачем

же было утаскивать игрушку с собой?

Глава VI
Том знакомится с Бекки

В этот понедельник Том проснулся несчастным. Собственно говоря, он просыпался несчастным каждый понедельник, поскольку день этот знаменовал начало медленной школьной пытки. Как правило, Том начинал его с пожелания, чтобы никаких выходных и вовсе не было на свете, ибо они делали следовавшую за ними неволю с ее каторжными оковами лишь более гнусной.

Том полежал, размышляя. И в конце концов, ему пришло в голову, что неплохо было бы заболеть — тогда он ни в какую в школу не пойдет, а останется дома. Хиловатая, но все же возможность. Он мысленно прошелся по своему телу. Никаких недугов в нем не обнаружилось, так что пришлось исследование повторить. На этот раз Тому показалось, что в животе его отмечаются некие колики, и он, проникнувшись надеждой, принялся усердно подзуживать их. Однако колики вскоре ослабли, а там и вовсе прекратились. Пришлось думать снова. И внезапно он совершил открытие: оказывается, у него качается один из

верхних передних зубов. Что и говорить, повезло; Том совсем уж было собрался издать первый стон — на пробу, — но сообразил, что если он предъявит суду такого рода аргумент, тетя просто-напросто выдерет его, а это будет больно. Поэтому он решил оставить зуб про запас и возобновил изыскания. Какое-то время они оставались бесплодными, но затем Том вспомнил, как доктор однажды рассказывал про больного, которого некая болезнь уложила в постель на две, если не три недели и вообще угрожала лишить пальца. Том, мигом выпростав из-под простыни ступню с ободранным пальцем, вгляделся в него. Конечно, симптомов той болезни он не знал, однако попытка не пытка — и Том с большим воодушевлением застонал.

Сид спал без задних ног.

Том застонал громче, ему даже стало казаться, что палец и вправду немного побаливает.

Сид как спал, так и спал.

Том даже запыхался от усилий. Он немного передохнул, а после набрал полную грудь воздуха и испустил череду совершенно замечательных стонов.

Сид захрапел.

Тут уж Том разозлился. Он произнес: «Сид, Сид»

и потряс брата за плечо. Это, похоже, сработало, и Том застонал снова. Сид зевнул, потянулся, затем, фыркнув, приподнялся на локте и уставился на Тома. Том стонал. Сид окликнул его:

— Том, послушай, Том!

Ответа не последовало.

— Эй, Том. *Том*! Что с тобой, Том?

Теперь уже *он* потряс брата и с тревогой заглянул ему в лицо.

Том простонал:

— Не надо, Сид. Не трогай меня.

— Да что с тобой, Том? Сейчас я тетю позову.

— Нет… не обращай внимания. Может, оно и само пройдет, постепенно. Не зови никого.

— Как же не зови? Да не стони ты так страшно, Том. Давно это с тобой?

— Несколько часов. Оооо! Не тормоши меня, Сид, а то я умру.

— Почему же ты меня раньше не разбудил? Ох, Том, *не надо*! У меня от твоих стонов мурашки по коже бегут. Да что же с тобой, Том?

— Я все прощаю тебе, Сид.

Стон.

— Все, что ты мне сделал. Когда я умру…

— Ой, Том, не умирай, не надо. Нет, Том… нет. Может…

— Я всех прощаю, Сид.

Стон.

— Так им и передай. И еще, Сид, отнеси мою оконную раму и одноглазого котенка девочке, которая недавно приехала в город, и скажи ей…

Но Сид уже схватил свою одежду и выскочил из комнаты. Теперь Том страдал по-настоящему, столь образцово работало его воображение, и стонал совершенно искренне.

Сид, слетев по лестнице вниз, закричал:

— Тетя Полли, пойдемте к нам! Том помирает!

— Помирает?

— Да, мэм. Чего же вы ждете — скорее!

— Чушь! Не верю!

Тем не менее, она побежала наверх, и Сид с Мэри за ней. Лицо старушки побелело, губы дрожали. Достигнув кровати Тома, она выдохнула:

— Том! Что с тобой?

— Ох, тетя, я…

— Да что же с тобой такое — что такое, дитя?

— Ох, тетя, у меня палец на ноге совсем омертвел!

Старушка рухнула на стул и захохотала — ненадолго. Потом она немного поплакала, а потом, продолжая плакать, засмеялась снова. И наконец, совладав с собой, сказала:

— Ну и напугал же ты меня, Том. Ладно, хватит дурака валять, вылезай из постели.

Стоны прекратились, боль в пальце куда-то исчезла. Том почувствовал себя довольно глупо и потому сказал:

— Тетя Полли, он, *правда*, показался мне омертвевшим, а болел так, что я даже про зуб забыл.

— Еще и зуб в придачу! Что у тебя с зубом?

— Шатается и ужас как болит.

— Ладно-ладно, ты только стонать заново не начинай. Открой рот. Да — и вправду шатается, но ничего, от этого не умирают. Мэри, принеси-ка мне шелковую нитку — и головню с кухни прихвати.

— Ой, тетя, пожалуйста, не рвите его. Он и не болит больше. Вот чтоб я помер на месте. Не надо, тетя. Я лучше в школу пойду.

— Ах, вот оно что! Ты устроил все это безобразие, потому что надеялся пересидеть дома уроки, а после рыбку пойти удить? Том, Том, я так люблю тебя, а ты из кожи вон лезешь, стараясь разбить своими выходками мое старое сердце.

К этому времени зубоврачебные инструменты были уже принесены. Старушка завязала на конце шелковой нитки петлю, накрепко затянула ее на зубе Тома и закрепила другой конец нитки на

спинке кровати. А затем, взяв горящую головню, ткнула ей мальчику в лицо. Миг, и зуб закачался на нитке, свисая со спинки.

Однако любые суровые испытания таят в себе и награду. Шагая после завтрака к школе, Том обратился в предмет зависти всех встречавшихся ему по дороге мальчиков, поскольку дырка в ряду передних зубов позволяла ему плеваться новым и совершенно восхитительным способом. Вскоре за ним уже следовала небольшая толпа детей, которым не терпелось увидеть, как он это делает. Один из них, недавно порезавший палец и оттого ставший центром всеобщего внимания и преклонения, вдруг оказался лишенным былой славы. Сердце его стеснила печаль, и он пренебрежительно заявил, что не видит в плевках Тома Сойера ничего такого уж выдающегося, на что другой мальчик ответил: «Зелен виноград-то!» и отошел от развенчанного героя.

Вскоре Том повстречался с юным парией городка, сыном местного забулдыги Гекльберри Финном. Все городские мамаши от души ненавидели и боялись его, потому что мальчиком он был праздным, невоспитанным и вообще дурным, не признававшим над собой никаких законов, — и потому что их дети, все как один,

обожали Гекльберри, получали от его запретного общества наслаждение и жалели, что им не хватает смелости пойти по его стопам. Том от прочих благопристойных мальчиков не отличался — он тоже завидовал веселой жизни отверженного, которую вел Гекльберри, и играть с этим беспутным мальчишкой ему тоже было строжайше запрещено. Поэтому он не упускал ни единой возможности поиграть с ним. Одевался Гекльберри в обноски, выброшенные взрослыми, так что наряды его сверкали разноцветьем заплат, а на ветру помавали лохмотьями. Украшавшая голову этого мальчика шляпа представляла собой колоссальных размеров руину, с полей ее свисал вниз широкий, похожий формой на полумесяц лоскут; полы пиджака, когда Гекльберри находил нужным в него облачаться, доходили ему до самых пят, а пуговицы его хлястика располагались сильно ниже спины; штаны держались на одной помочи, огузье их, ничего в себе не содержавшее болталось где-то под коленями, обтрепанные штанины, если он их не закатывал, волоклись по грязи.

Гекльберри бродил, где хотел, шел, куда ноги несли. Ясные ночи он проводил на чьем-нибудь крыльце, дождливые — в пустой бочке; ему не

приходилось посещать школу и церковь, никакого господина он над собой не ведал, так что и подчиняться Гекльберри было некому; он мог купаться и удить рыбу, где и когда захочет, и заниматься этим столько, сколько душе его будет угодно; драться ему никто не запрещал; спать он мог не ложиться до самого позднего часа; весной Гекльберри всегда первым выходил на люди босиком, осенью обувался последним; ему не нужно было ни умываться, ни одеваться в чистое платье; а уж ругался он — заслушаешься. Одним словом, у него было все, что делает жизнь бесценной. Так считал каждый из затюканных взрослыми, скованных по рукам и ногам благопристойных мальчиков Санкт-Петербурга.

Том поприветствовал романтического изгоя:

— Здорово, Гекльберри!

— Здравствуй, коли не шутишь…

— Что это у тебя?

— Дохлая кошка.

— Дай глянуть, Гек. Ишь ты, совсем окоченела. Где раздобыл?

— Купил у одного мальчика.

— Что отдал?

— Синий билетик да бычачий пузырь, который на бойне достал.

— А синий билетик где взял?

— Две недели назад выменял у Бена Роджерса на погонялку для обруча.

— Слушай, Гек… а на что они годятся, дохлые кошки?

— Как это на что? Бородавки сводить.

— Да ну! Толку от них. Я знаю средство получше.

— Чего ты там знаешь? Какое?

— Ну как же, тухлая вода из лесного пенька.

— Тухлая вода! Да я за нее цента ломанного не дам.

— Не даст он! А ты ее пробовал?

— Я не попробовал. Зато Боб Таннер пробовал.

— Откуда ты знаешь?

— Ну как, откуда — он сказал про это Джефу Тэтчеру, Джефф сказал Джонни Бейкеру, Джонни сказал Джиму Холлису, Джим сказал Бену Роджерсу, Бен одному негру, а негр мне. Вот откуда!

— Подумаешь? Врали они все. По крайности, все, кроме негра. *Его* я не знаю. Но я отродясь не видал негра, который не врал бы. Вздор! Ты мне лучше расскажи, Гек, как делал это Боб Таннер.

— Ну как, — сунул руку в гнилой пенек, в котором дождевая вода стояла.

— Днем?

— Ясное дело.

— К пеньку лицом стоял?

— Да. Вроде как лицом.

— И не говорил ничего?

— Кажись, не говорил. Не знаю.

— Ага! Таким способом бородавки сводят только полные дураки! И ничего у них не получается. Нет, нужно зайти в самую чащу, в то место, где ты видел пень с тухлой водой, ровно в полночь встать к нему спиной, сунуть руку в воду и сказать:

Ячмень да тухлая вода, индейский рацион,

Пусть бородавки все мои немедля выйдут вон!

А после нужно зажмуриться, быстро отойти на одиннадцать шагов, три раза крутнуться на месте и идти домой, да ни с кем по дороге не разговаривать. Заговоришь, все заклинание насмарку.

— Да, похоже, способ верный. Но только Боб Таннер не так сделал.

— Нет, сэр, не так, ручаться готов, потому что бородавок у него больше, чем у любого мальчика в нашем городе, а знай он, как обращаться с тухлой водой, так ни одной бы не было. Я этим способом тысячи бородавок с рук свел, Гек. Я столько вожусь с лягушками, что бородавок у меня всегда хватает. Хотя, бывает, и бобом пользуюсь.

— Да, боб это вещь. Я сам им пользовался.

— Правда? А как?

— Значит, берешь боб, режешь его пополам, и бородавку тоже режешь, чтобы кровь пошла, а после мажешь ею половинку боба, выкапываешь на перекрестке дорог ямку и в новолуние, около полуночи, зарываешь эту половинку, а вторую сжигаешь. Понимаешь, первая-то половинка начнет притягивать к себе вторую, притягивать, ну а кровь заодно бородавку притягивать станет, вот она скоро и сойдет.

— Да, Гек, все точно, самый тот способ. Хотя, если сказать, когда закапываешь половинку боба: «Боб вниз, бородавку долой, больше меня не беспокой!», еще лучше будет. Так Джо Харпер делает, а он где только не побывал, один раз до самого Кунвилля чуть не доехал. Но ты мне вот что скажи — как ты их дохлыми кошками сводишь?

— Ну как, берешь кошку, идешь к полуночи на кладбище, туда, где недавно какого-нибудь нераскаянного грешника похоронили, вот, а в самую полночь, как черт за ним придет, — или, может, не один черт, а два или три припрутся, увидеть-то ты их не увидишь, только услышишь, что, вроде как, ветерок зашумел, а то еще, они, бывает, переговариваются, — ну вот, и когда они

этого грешника к себе поволокут, ты им вдогонку кидаешь кошку и говоришь: «Черт за покойником, кошка за чертом, бородавка за кошкой, тут ей и конец!». Этот способ *любую* бородавку берет.

— Да, похоже на то. А ты его когда-нибудь пробовал, Гек?

— Нет, мне про него старуха Хопкинс рассказала.

— А, ну тогда, думаю, он должен подействовать. Она же, говорят, ведьма.

— «Говорят»! Ведьма, Том, я *точно* знаю. Она однажды моего папашу околдовала. Папаша сам так говорит. Идет он как-то и видит, как она на него порчу наводит, ну он запустил в нее каменюгой, и не будь она такая увертливая была, точно укокошил бы. Так вот, в ту же ночь сверзился он с крыши сарая, на которой заснул пьяным, и руку сломал.

— Жуть какая. А как же он узнал, что она на него порчу наводит?

— Господи, да для папаши это раз плюнуть. Он говорит, ежели ведьма прямо на тебя пялится, значит все, колдует. Особенно если еще и бормочет чего-нибудь. Потому как, ведьмы ж не просто так бормочут, это они «Отче наш» задом наперед читают.

— Слушай, Гек, а ты кошку когда испытывать пойдешь?

— А вот нынче ночью и пойду. Я так понимаю, черти сегодня за старым «Конягой» Уильямсом придут.

— Так его же еще в субботу похоронили. Чего ж они его в субботу не уволокли?

— Сказал тоже! Они ж до полуночи не могут ничего, а после полуночи уже воскресенье было. А в воскресенье черти по земле не больно-то шастают, я так понимаю.

— Да, верно, об этом я не подумал. Возьмешь меня с собой?

— Конечно — если не боишься.

— Боюсь! Вот еще. Ты помяукай мне, ладно?

— Ладно — и ты, если сможешь, мяукни в ответ. А то я в прошлый раз до того домяукался, что старый Хэйз начал в меня камнями швыряться и орать: «Чтоб ты сдохла, кошара гнусная!». Ну я ему, понятное дело, окно кирпичом высадил — только ты не говори никому.

— Не скажу. Я в ту ночь мяукать не мог, за мной тетушка следила, но в эту непременно мяукну. Постой, а это что?

— Клещ, что же еще.

— Где достал?

— В лесу.

— А что за него возьмешь?

— Да не знаю. Мне его продавать как-то не хочется.

— Ну и ладно. Все равно, клещонок-то никудышный.

— Оно конечно, чужого клеща всякий облаять норовит. А я и этим доволен. По мне, так вполне приличный клещ. видимо-невидимо. Я, если захочу, тысячу таких наловлю.

— Так чего же не наловишь? Попробуй, и ничего у тебя не выйдет. Это клещ ранний, понял? Первый, какого я увидел в этом году.

— Слушай, Гек, я тебе за него мой зуб отдам.

— А ну покажи.

Том достал из кармана свернутую бумажку, развернул. Гекльберри с завистью принялся разглядывать зуб. Искушение было сильное. В конце концов, он сказал:

— А зуб-то настоящий?

Том приподнял губу, показал ему прореху в ряду верхних зубов.

— Ну ладно, — сказал Гекльберри, — тогда по рукам.

Том положил клеща в коробочку из-под пистонов — ту самую, в которой прежде томился

жук-кусач, — и мальчики расстались, и каждый из них ощущал себя разбогатевшим.

Приблизившись к маленькому, стоявшему на отшибе каркасному домику, в котором располагалась школа, Том прибавил шагу, изображая добросовестно поспешающего ученика. Он повесил на торчавший из стены колышек шляпу и с деловитой расторопностью направился к своему месту. Учитель, восседавший на возвышении — в большом кресле с плетеным сиденьем, дремал, убаюканный монотонным гудением зубривших школьников. Вторжение Тома пробудило его.

— Томас Сойер!

Том знал, что, если его имя произносят полностью, следует ждать неприятностей.

— Сэр!

— Подойдите-ка сюда. Ну-с, сэр, вы опять опоздали. По какой причине на сей раз?

Том, собравшийся было прибегнуть к спасительному вранью, внезапно увидел в глубине класса две длинных золотистых косы. Любовь пронизала его, точно электрический ток, — он узнал эти косы, мало того, он увидел рядом с ними *единственное свободное* на половине девочек место. И мгновенно ответил:

— Меня задержал разговор с Гекльберри Фин-

ном!

Сердце учителя замерло, он беспомощно уставился на Тома. Гудение класса стихло. Ученики гадали, не сошел ли этот безумный храбрец с ума. Наконец, учитель спросил:

— Вас… что вас задержало?

— Разговор с Гекльберри Финном.

Да, эти слова могли означать только одно.

— Томас Сойер, это самое поразительное признание, какое мне когда-либо доводилось услышать. Обычной линейки за такой проступок вам будет мало. Снимайте куртку.

Рука учителя трудилась, пока не устала, а пук розог не отощал, и весьма значительно. Затем последовал приказ:

— А теперь, сэр, извольте сесть среди *девочек*! И пусть это послужит для вас уроком.

Хихиканье, поднявшееся в классе, казалось, сконфузило Тома. Но нет, на самом деле, смущение мальчика было вызвано благоговением перед его неведомой богиней и великой удачей, которая ему улыбнулась. Он опустился на краешек сосновой скамьи, и девочка, тряхнув головой, отодвинулась от него. По классу прокатилось шушуканье, ученики принялись подталкивать друг дружку локтями и перемигиваться, однако Том

сидел совершенно спокойно, уложив перед собою руки на длинную, низкую парту и, по всему судя, с головою уйдя в учебник.

Мало-помалу, внимание учеников отвлеклось от него и класс снова наполнился унылым гудом. Вскоре Том принялся исподтишка бросать на девочку косвенные взгляды. Она заметила их, надула губки и на целую минуту обратила к Тому затылок. А когда осторожно обернулась, перед ней лежал персик. Девочка оттолкнула его. Том мягко вернул персик назад. Девочка оттолкнула снова, но с меньшей резкостью. Том терпеливо вернул его на место. И в конце концов, девочка позволила персику на этом месте и остаться. Том нацарапал на своей маленькой грифельной доске: «Прошу вас, возьмите — у меня еще есть». Девочка взглянула на эти слова, но согласия с ними ничем не выразила. Теперь Том принялся рисовать что-то на доске, прикрыв ее от девочки левой рукой. Некоторое время девочка словно бы не замечала этого, но вскоре в лице ее стали проступать едва уловимые признаки присущего всякому смертному любопытства. Мальчик трудился, якобы не замечая их. Девочка предприняла робкую попытку увидеть результат его трудов, однако Том сделал вид, что и ее не заметил. Нако-

нец, девочка сдалась и робко прошептала:

— Покажите.

Том убрал левую руку, явив взорам девочки злодейскую карикатуру на дом с двумя щипцами и дымом, который штопором вылетал из трубы. Творение Тома поразило девочку и вскоре она забыла обо всем на свете. Когда же рисунок был завершен, она краткое время вглядывалась в него, а потом прошептала:

— Как красиво. А теперь нарисуйте человечка.

Художник воздвиг перед домом человечка, сильно смахивавшего на виселицу. Человечку ничего не стоило бы перешагнуть через дом, однако девочка чрезмерной придирчивостью не отличалась. Чудище это понравилось ей, и она прошептала снова:

— Очень красивый человечек, теперь нарисуйте с ним рядом меня.

Том нарисовал песочные часы с приделанными к ним прутиками конечностей и луной вместо головы, а затем вставил в растопыренные пальцы одной из рук небывалых размеров веер.

— Какая прелесть, как жаль, что я не умею рисовать.

— Это легко, — прошептал Том, — я вас научу.

— Ой, правда? А когда?

— В полдень. Вы обедать домой пойдете?

— Могу остаться, если останетесь вы.

— Хорошо. Отлично! Как вас зовут?

— Бекки Тэтчер. А вас? Ой, я же знаю. Томас Сойер.

— Томасом меня называют, когда выдрать хотят. А если я веду себя хорошо — Томом. Зовите меня Томом, ладно?

— Ладно.

Том снова начал выводить на доске некие слова, прикрыв их рукой от девочки. Однако на сей раз она, уже не смущаясь, попросила показать написанное. Том сказал:

— Это так, пустяки.

— Нет не пустяки.

— Пустяки. Вам не понравится.

— Нет понравится, непременно понравится. Прошу вас, покажите.

— Вы разболтаете.

— Ну что вы — никогда!

— Никому не скажете? До конца ваших дней?

— Ни-ко-му. Да покажите же.

— Нет, ну вам же точно не понравится!

— Ах вот вы как! Тогда я сама посмотрю!

Она вцепилась пальчиками в его руку, последовала короткая возня, — Том изображал

сопротивление, но понемногу руку отодвигал и вскоре девочка увидела слова: «*Я люблю вас*».

— Гадкий!

Она шлепнула Тома по руке, однако лицо ее разрумянилось от удовольствия.

И в тот же миг на ухе мальчика сомкнулись и потянули его вверх неторопливые, роковые пальцы. Таким манером Тома провели под градом смешков через весь класс к обычному его месту. Несколько страшных мгновений учитель простоял над ним, но затем, не сказав ни слова, возвратился на свой престол. Ухо Тома горело, конечно, но сердце ликовало.

Класс затих, Том честнейшим образом старался вникнуть в учебник, однако в голове его уже успел воцариться совершеннейший кавардак. На следующем уроке — чтения — он с трудом выговаривал слова, на уроке географии обращал озера в горы, горы в реки, а реки в континенты и, в конце концов, возвратил планету в состояние первозданного хаоса; а во время диктанта не справился со словами, которые не поставили бы в тупик и сущее дитя, за что учитель приказал ему выйти из-за парты и отобрал у него оловянную медаль, которую Том вот уже несколько месяцев гордо выставлял всем на показ.

Глава VII
Беговой клещ и разбитое сердце

Чем пуще силился Том с головой погрузиться в учебник, тем дальше убредали его мысли. В конце концов, он вздохнул, зевнул и сдался. Ему стало казаться, что полуденная перемена не придет никогда. Воздух был мертвенно тих. Ни дуновения, ни шевеления даже. Стоял самый сонный из всех сонных дней. Дремотный бормоток двадцати пяти прилежно зубривших учеников убаюкивал душу подобно завораживающему зудению пчел. В лиловатой дали вставали под сияющим солнцем нежно-зеленые, колеблемые пеленою зноя склоны Кардиффской горы; какие-то птицы плыли по небу на обленившихся крыльях, а больше ни одного живого существа нигде видно не было — не считая коров, да и те спали.

Душа Тома жаждала свободы — или хоть какого-нибудь увлекательного занятия, которое позволило бы скоротать безотрадное время. И вот рука его погрузилось в карман, и лицо мгновенно озарилось благодарностью, бывшей, собственно говоря, молитвой, хоть Том того и не знал. Украд-

кой извлек он на свет божий коробочку из-под пистонов, достал из нее клеща и опустил его на длинную плоскую парту. Крошечное создание прониклось, надо полагать, признательностью, также равносильной молитве, но слишком поспешной, ибо едва оно с радостно заспешило куда-то, Том булавкой поворотил его, дав ему новое направление.

Рядом с Томом сидел за партой его закадычный друг, страдавший не меньше Тома: теперь и он всей своей обрадованной душой ушел в неожиданно подвернувшееся развлечение. Закадычного друга звали Джо Харпер. Всю неделю мальчики дружили — не разлей вода, — а по субботам выходили на поле боя заклятыми врагами. Джо вытащил из лацкана куртки булавку и стал помогать Тому муштровать пленника. Чем дальше, тем занимательнее становилась эта игра. Но вскоре Том заявил, что они только мешают друг другу получать от клеща полное удовольствие. Поэтому он положил на парту грифельную доску Джо и провел посередине ее вертикальную черту.

— Вот так, — сказал Том, — если клещ на твоей половине, ты гоняешь его сколько хочешь, а я тебе не мешаю; но если он уйдет от тебя ко мне,

ты не будешь трогать его, пока он не сумеет опять перейти границу.

— Ладно, идет. Начинай ты.

Клещ довольно быстро удрал от Тома и пересек экватор. Некоторое время Джо донимал его, затем клещ ухитрился снова перебежать границу. Так он и метался с одной половины игрового поля на другую. Пока клеща тиранил, целиком уйдя в это занятие, один из мальчиков, другой с не меньшей увлеченностью наблюдал за ним, головы их склонились над доской, оба намертво забыли про все на свете. В конце концов, удача приняла, похоже, сторону Джо. Клещ, впавший в не меньшее, чем то, что владело мальчиками, волнение, в исступление даже, бросался туда, сюда и куда угодно, но всякий раз, как победа шла, если так можно выразиться, в руки Тома, а пальцы его начинали подергиваться от нетерпения, булавка Джо мастерски преграждала бедняге дорогу, обращая его вспять. И Том не выдержал. Слишком велик был соблазн. Он протянул руку и булавкой подтолкнул клеща к своей половине доски. Джо, мгновенно вознегодовав, потребовал:

— Оставь его в покое, Том.

— Я просто хочу немного подбодрить его, Джо.

— Нет, сэр, это нечестно. Оставьте клеща в

покое.

— Да что такого-то? Я его почти и не трогаю.

— Говорят тебе, оставь его в покое.

— Не оставлю!

— Не имеешь права, он на моей половине.

— Слушай, Джо Харпер, чей это клещ, а?

— Мне все равно, чей это клещ — он на моей половине, так и не трогай его.

— А вот и трону. Клещ мой, что хочу, то с ним и сделаю, не сойти мне с этого места!

Страшный удар обрушился на плечи Тома, затем точно такой же — на Джо и в следующие две минуты из курток двух мальчиков летела — к восторгу всего класса — пыль. Они до того увлеклись, что не заметили ни тишины, павшей на класс, ни учителя, который на цыпочках подобрался к их парте и простоял недолгое время, нависнув над ними. Учитель, понаблюдав немного за их игрой, решил внести в нее некоторое разнообразие.

В полдень, как только началась перемена, Том мигом оказался рядом с Бекки и зашептал ей на ухо:

— Надень шляпку и притворись, что уходишь вместе со всеми домой, а как дойдешь до угла, отстань от них, сверни в проулок и вернись к школе. Я пойду в другую сторону и сделаю то

же самое.

Бекки покинула школу с одной стайкой учеников, Том с другой, и вскоре они встретились в конце проулка и возвратились в школу, перешедшую теперь в полное их распоряжение. Они уселись за парту, положили на нее грифельную доску, и Том, вручив Бекки грифель, стал водить ее рукой по доске, на которой вскоре возник еще один удивительный дом. Когда же их взаимный интерес к искусству стал ослабевать, дети разговорились. Том, купаясь в блаженстве, спросил:

— Тебе крысы нравятся?

— Нет! Я их терпеть не могу.

— Да я, в общем, тоже — *живых*. Я спросил о дохлых, которых можно вертеть на веревочке над головой.

— Нет, мне и такие не нравятся. Вот что я люблю, так это резинку жевать.

— Ну еще бы! Жалко, у меня сейчас нет ни одной.

— Правда? А у меня есть немного. Хочешь, дам тебе пожевать, только ты ее мне верни.

Предложение было принято, они по очереди пожевали резинку, болтая от удовольствия не доставававшими до пола ногами.

— Ты в цирке когда-нибудь была? — спросил

Том.

— Да, и папа обещал как-нибудь сводить меня еще раз, если я буду хорошо себя вести.

— А я раза три был или четыре — в общем, много. Церковь в сравнении с цирком — ерунда. Как вырасту, сразу устроюсь в цирк клоуном.

— Правда? Как интересно. Они такие милые, накрашенные.

— Ну да. И деньги лопатой гребут — Бен Рождерс говорит, больше доллара в день. Слушай, Бекки, а ты когда-нибудь обручалась?

— Как это?

— Ну, чтобы замуж выйти.

— Нет.

— Попробовать хочешь?

— Наверное. Не знаю. А на что это похоже?

— Похоже? Да ни на что это не похоже. Просто ты говоришь мальчику, что ни с кем больше не будешь, только с ним, всегда-всегда-всегда, потом вы целуетесь — и все. Самое простое дело.

— Целуемся? А зачем?

— Ну, это, сама понимаешь… в общем, так всегда делают.

— Все?

— Конечно, все, — ну, то есть, которые друг дружку любят. Помнишь, что я написал на дос-

ке?

— Э-э… да.

— И что?

— Мне не хочется повторять.

— Так давай *я* повторю.

— Э-э… да… только в другой раз.

— Лучше сейчас.

— Нет, не сейчас… давай завтра.

— Ну уж нет — *сейчас*. Пожалуйста, Бекки, — я шепотом, тихо-тихо.

Бекки заколебалась. Том, приняв молчание за согласие, обвил талию девочки рукой, приблизил губы к ее уху и еле слышно повторил свое признание. И попросил:

— А теперь ты мне прошепчи — те же самые слова.

Бекки недолгое время отнекивалась, но затем попросила:

— Ты отвернись, не смотри на меня, — тогда и прошепчу. Только не говори никому, ладно, Том? Ты ведь не кому не скажешь?

— Нет, что ты, никому. Ну, давай, Бекки.

Том отвернулся. Бекки робко склонилась к нему, так близко, что кудри Тома легко качнулись от ее дыхания, и прошептала:

— Я… люблю… вас.

И они тут же вскочили на ноги, и Том погнался за ней, бегавшей вокруг парт и скамеек, и наконец, загнал ее в угол, и она замерла, прикрыв белым передничком лицо. Том, сжав ее шею ладонями, с мольбой в голосе произнес:

— Ну, уже все, Бекки, мы уже все сделали, — только не поцеловались. Но ты этого не бойся, это пустяки. Прошу тебя, Бекки.

И он потянул к себе ее сжимавшие передничек руки.

Мало-помалу Бекки уступала ему, и скоро руки ее упали, лицо, раскрасневшееся от борьбы, поднялось к Тому, она сдалась. Том, поцеловав ее красные губки, сказал:

— Вот теперь совсем уже все, Бекки. И знаешь, теперь ты не должна любить никого, только меня, и замуж ни за кого, кроме меня, не выходить, всегда, никогда и во веки веков! Идет?

— Да, Том, я никого, кроме тебя, не полюблю, и замуж ни за кого не пойду — но только и ты тоже ни на ком больше не женись.

— Конечно! А как же. Так уж *положено*. И в школу теперь ты будешь со мной ходить и из школы тоже, — главное, чтобы никто нас не заметил, — и на всяких праздниках мы будем танцевать только друг с другом, потому что, если

кто обручился, они всегда так делают.

— Как хорошо. Я про такое раньше и не слышала.

— О, это знаешь как весело? Да вот, когда я с Эмми Лоренс…

Глаза Бекки округлились, и Том, поняв, что дал маху, сконфуженно умолк.

— О, Том! Значит, я не первая, с кем ты обручился?

Бекки заплакала. Том сказал:

— Ой, ну не плачь, Бекки, она мне больше совсем не нужна.

— Нужна, Том, — ты сам знаешь, что нужна.

Он попытался обвить ее шею руками, но Бекки оттолкнула его и отвернулась, продолжая плакать, к стене. Том предпринял вторую попытку, лепеча на сей раз слова утешения, и был отвергнут снова. Гордость вспыхнула в нем, он повернулся и вышел из школы. Постоял у крыльца в смущении и тревоге, время от времени оглядываясь на дверь в надежде, что Бекки раскается и пойдет искать его. Нет, не пошла. Затем ему стало как-то неловко — а что, если все-таки он сам во всем виноват? Теперь Тому уже трудно было вернуться к Бекки, попытаться снова завоевать ее любовь, однако он набрался

мужества и вошел в школу. Бекки так и стояла в углу — лицом к стене, рыдая. Сердце Тома мучительно сжалось. Он подошел к девочке, помялся, не зная, как начать. И наконец, робко произнес:

— Бекки, я… мне никто не нужен, только ты.

Ответа он не услышал — одни рыдания.

— Бекки, — умоляюще, — ну скажи что-нибудь, Бекки.

Новые рыдания.

Том достал из кармана главное из своих сокровищ, медную шишечку от каминной подставки для дров, и протянув руку так, чтобы оно оказалось перед глазами Бекки, сказал:

— Пожалуйста, Бекки, прими это.

Она ударила его по руке, сокровище полетело на пол. Том, громко топая, покинул класс и направился к холмам, а там и за них, решив, что в школу сегодня не вернется. Бекки, поплакав еще немного, заподозрила беду. Она подбежала к двери. Тома нигде видно не было. Она обежала школу, надеясь найти его на площадке для игр, — Тома не было и там. Тогда она позвала:

— Том! Вернись ко мне, Том!

Она вслушивалась изо всех сил, но ответа не получила. Безлюдье и тишина окружали ее. Бекки присела и заплакала снова, коря себя, но к

этому времени в школу уже начали возвращаться ученики, и девочке пришлось затаить свое горе, скрыть от всех разбитое сердце и приготовиться к испытанию долгими, скучными, мучительными послеполуденными часами, к одиночеству среди чужих ей людей, ни с одним из которых не могла поделиться она своими печалями.

Глава VIII
Будущий дерзкий пират

Некоторое время Том вилял, сворачивая из одного переулка в другой, а достаточно удалившись от пути, которым ученики обыкновенно возвращались в школу, перешел на горестную трусцу. Раза два или три он перешел вброд ручей, ибо среди подростков бытовало поверье, что, пересекая любой поток, ты сбиваешь с толку преследователей. Через полчаса он уже миновал стоявшую на верхушке Кардиффской горы усадьбу вдовы Дуглас — школа, оставшаяся в долине за его спиной, отсюда почти не различалась. Том вступил в частый лес, прибрел, не разбирая дороги, в самую его чащу, а там уселся на мху под развесистым дубом. Воздух здесь был неподвижен, мертвящий полуденный зной заставил умолкнуть даже птиц, природа лежала в забытьи, нарушаемом только редким, далеким постукиванием дятла, которое усугубляло, казалось, затопившее все вокруг безмолвие, ощущение одиночества. Душа мальчика тонула в печали, чувства его пребывали в счастливом согласии со всем, что он видел

вокруг. Долгое время он просидел, уткнув локти в колени и подперев подбородок ладонями. Мрачные мысли томили его. Жизнь представлялась ему глупой напастью, и это еще в лучшем случае, он вполовину, если не больше, завидовал не так давно скончавшемуся Джимми Ходжесу; как это, наверное, хорошо — лежать в забытьи, в дремоте, которая длится и длится, меж тем как ветер шепчет что-то в древесных кронах, лаская цветы и траву на твоей могиле, лежать и знать, что ничто уже и никогда не будет тебе докучать, не причинит горя. Право, будь он в воскресной школе на хорошем счету, так хоть сейчас согласился бы уйти навсегда, свести с жизнью последние счеты. Ну вот, возьмите хоть эту девчонку. Что он ей такого сделал? Да ничего. Ведь он желал ей только добра, а она обошлась с ним, как с собакой — как с самой последней собакой. Ладно, она еще пожалеет об этом — да только поздно будет. Ах, если бы он мог умереть — *на какое-то время*!

Впрочем, юное сердце упруго и подолгу оставаться сжатым не может. И мало-помалу, мысли Тома вновь нечувствительно обратились к повседневным заботам его существования. Что если он, вот сию же минуту, отвергнет все и исчезнет, да еще и самым загадочным образом? Что если

он уйдет — далеко-далеко, в неведомые заморские страны — и никогда не вернется назад?! Как ей это понравится, а? Мысль о том, чтобы стать клоуном, снова вернулась к нему, но наполнила душу Тома лишь отвращением. Безалаберность, шуточки, разноцветное трико показались ему надругательством над возвышенными помыслами о царственных, пусть и смутных романтических далях. Нет, он станет воином и долгие годы спустя вернется назад покрытый шрамами и блеском побед. Или — еще того лучше — уйдет к индейцам и станет охотиться с ними на бизонов и выходить на тропу войны, проложенную по горным хребтам и безмерным, неизведанным равнинам Дальнего Запада, и вернется назад великим вождем в стоящих дыбом перьях и ужасной воинственной раскраске, и одним сонным летним утром гордо вступит в воскресную школу, и издаст леденящий кровь боевой клич, и глаза его нынешних товарищей полезут от неутолимой зависти на лоб. Впрочем, нет, существует путь, исполненный еще даже большего блеска. Он станет пиратом! Вот оно! *Тепер*ь будущее Тома легло перед ним, как открытая книга, и засияло невообразимым величием. Имя его пронесется по миру, заставляя людей содрогаться! Как дерзко

будет его быстроходный, длинный, приземистый черный корабль, «Призрак бури», бороздить штормовые моря, как грозно будет трепетать на фок-мачте нагоняющий ужас флаг! А достигнув самой вершины славы, он вдруг объявится в старом своем городке и пойдет по нему к церкви — дочерна загорелый, обветренный, в черном камзоле и черных коротких штанах, в огромных ботфортах и багровой перевязи, с торчащими из-за широкого пояса пистолетами, с поржавевшей от крови абордажной саблей на боку, в широкополой шляпе с колышущимся плюмажем, а в руке он будет нести развернутый черный флаг с белеющими на нем черепом и перекрещенными костями, и очень скоро услышит обливающий душу восторгом шепот: «Да это же Том Сойер-Пират! Черный Мститель Испанских Морей!».

Да, решено, он определил поприще своей жизни. Пора бежать отсюда и вступить на него. Вот он прямо завтра с утра и сбежит. И стало быть, сейчас ему следует начать подготовку к исполнению этого замысла. Собрать все, чем он обладает. Том подошел к лежавшему неподалеку гнилому стволу и начал, орудуя «Барлоу» копать под одним из его концов ямку. Вскоре нож ударился обо что-то деревянное и несомненно пустотелое. Том

опустил в ямку ладонь и торжественно произнес следующее заклинание:

— Чего тут нет, *иди сюда*! А что тут есть, *останься*!

После чего разгреб землю, под которой обнаружилась сосновая дощечка. Том приподнял дощечку и взглядам его открылась приятнейшей формы сокровищница в виде ящичка с сосновым же дном и стенками. В сокровищнице покоился алебастровый шарик. Изумление, охватившее Тома, было беспредельным! Он поскреб в затылке и ошарашено произнес:

— Ну это уж и вовсе не на что не похоже!

После чего сердито отбросил шарик в сторону и погрузился в размышления. Дело заключалось вот в чем: Тома только что обмануло поверье, которое он и его товарищи считали совершеннейшей истиной. Если зарыть в землю мраморный шарик, прочитав при этом определенные заклинания, дать ему полежать две недели, а затем откопать — опять-таки, с заклинанием и именно тем, которое Том только что произнес, то перед тобой предстанут все шарики, какие ты когда-либо терял, независимо от того, где это происходило. И вот нате вам: предприятие это провалилось, да еще и самым несомненным образом. Все здание

томовой веры оказалось потрясенным до самых оснований. Он слышал так много рассказов об успехе этой затеи и ни одного о ее неудаче. Мальчику почему-то не пришло в голову, что он уже пробовал, и не единожды, испытать это волшебство, но, соорудив точно такой же тайник, не разу не смог его потом отыскать. Некоторое время он ломал голову над этой загадкой и, наконец, пришел к выводу, что тут не обошлось без вмешательства какой-то ведьмы, разрушившей волшебные чары. Да, пожалуй что так, решил Том и, побродив вокруг тайника, отыскал на земле маленький участок голого песка со смахивавшим на воронку углублением посередке. Том лег на землю, поднес к углублению губы и воззвал:

— Жук-скакун, расскажи, да всю правду доложи! Жук-скакун, расскажи, да всю правду доложи!

Песок зашевелился, из него показался на миг черный жучок, тут же, впрочем, испуганно нырнувший назад.

— Молчит! Ну, *точно*, ведьма поработала! Так я и знал!

Том хорошо понимал, что с ведьмой особо не потягаешься, и, впав в уныние, сдался. Однако тут ему пришло в голову, что хорошо бы хоть выброшенный им шарик найти, и он приступил к

усердным поискам. Но и этот шарик будто сквозь землю провалился. В конце концов, Том вернулся к сокровищнице, встал точно на то место, на каком стоял, когда выбросил шарик, достал из кармана другой и метнул его тем же манером, произнеся при этом:

— Брат, иди ищи брата!

Он проследил за шариком, подошел туда, где тот упал, огляделся. Нет, похоже, шарик не долетел до правильного места — или перелетел его. Том предпринял еще две попытки. Последняя увенчалась успехом — шарики оказались лежащими в футе один от другого.

И в этот миг к Тому прилетел по зеленым тропам леса звук игрушечной жестяной трубы. Он торопливо сбросил куртку и штаны, препоясался одной из подтяжек, развел ветки росшего за гнилым стволом куста, в котором были укрыты грубой работы лук и стрела, а с ними сооруженный из рейки меч и жестяная труба и, сцапав все это, прыжками понесся прочь от куста, босой, в развевающейся рубашке. Затем он, остановившись под огромным вязом, протрубил ответный сигнал и, привстав на цыпочки, опасливо высунул голову из-за ствола вяза, и начал озираться по сторонам. При этом он негромко произнес,

обращаясь к воображаемой шайке:

— Держитесь, мои славные товарищи! Сидите в засаде, пока я не протрублю.

Вскоре из леса выступил Джо Харпер, так же легко одетый и тяжело вооруженный, как и Том. Том окликнул его:

— Стой! Кто ты, вступивший в Шервурдский лес без моего дозволения?

— Гай из Гисборна, ни в чьих дозволениях не нуждающийся. А кто ты, осмелившийся… осмелившийся…

— Осмелившийся держать здесь речи столь наглые, — подсказал ему Том, ибо говорили они «по книге», заучив наизусть каждое слово.

— Кто ты, осмелившийся держать здесь речи столь наглые?

— Кто я? Я Робин Гуд, о чем скоро проведает твой жалкий труп.

— Так ты и есть тот знаменитый лиходей? Что же, я рад буду поспорить с тобой о дозволеньях для тех, кто желает пройти этим славным лесом. Иду на ты!

Оба схватились за деревянные мечи, побросали всю остальную оснастку на землю, встали, ступня к ступне, в боевые позиции, и приступили к серьезному, продуманному поединку: «два удара

один, два удара другой». Спустя недолгое время Том сказал:

— Что ж, если ты изучил все приемы врага, так бейся живее!

И они начали «биться живее», пыхтя и потея. Наконец, Том крикнул:

— Ладно, падай! Падай! Чего ты не падаешь?

— Вот еще! Сам бы и падал. Тебе-то потуже моего приходится.

— А это ничего не значит. Как я могу упасть, если этого нет в книге? Там сказано: «И он, наотмашь ударив слева, поразил злосчастного Гая из Гисборна в бок». Так что поворачивайся ко мне левым боком, и я тебя поражу.

С авторитетами не поспоришь — пришлось Джо повернуться, получить удар наотмашь в бок и упасть замертво.

— Ну ладно, — сказал он, вставая, — теперь давай я тебя убью. Так будет по-честному.

— Погоди, так нельзя, этого же нет в книге.

— Паршивая, значит, книга, вот и все!

— Хорошо, Джо, послушай, ты можешь немного побыть братцем Туком или сыном мельника Мачем и отлупить меня боевым шестом, а хочешь, я побуду пока Шерифом Ноттингемским, а ты Робин Гудом — вот ты меня и убьешь.

Джо это предложение устроило и он совершил все названные подвиги. Затем Том снова стал Робин Гудом и стал помирать, оттого что сила его истекла вместе с кровью из раны, за которой дурно ухаживала вероломная монахиня. После этого Джо, изображая всю шайку рыдающих разбойников, скорбно отволок Тома в лес, вложил лук в его слабеющие руки, и Том произнес: «Где падет эта стрела, там и похороните злосчастного Робин Гуда под зеленеющим древом». А затем пустил стрелу и упал навзничь и, глядишь, умер бы насовсем, если б не угодил при паденье в крапиву, отчего и вскочил с земли с неприличной для покойника прытью.

Наконец, мальчики оделись, попрятали свое снаряжение и направились к городку, горько сетуя дорогой о том, что разбойников больше нет, и гадая, чем способна современная цивилизация искупить эту потерю. И оба сошлись на том, что лучше провести один год разбойником Шервудского леса, чем всю жизнь — президентом Соединенных Штатов.

Глава IX
Кладбищенская трагедия

В этот вечер Тома и Сида отправили спать в половине десятого, как, впрочем, отправляли и всегда. Они прочитали молитвы, и Сид немедля заснул. Том же, охваченный тревожным нетерпением, лежал без сна и ждал. Когда ему стало казаться, что того и гляди наступит рассвет, он услышал, как часы отбивают десять. Кошмар! Он мог бы, конечно, вертеться с боку на бок, хоть как-то успокаивая этим расходившиеся нервы, да боялся разбудить Сида. И потому лежал неподвижно, глядя в темноту. В доме стояла гнетущая тишина. Но постепенно в ней начинали проступать едва уловимые звуки. Первым из них оказалось тиканье часов. Затем принялись загадочно потрескивать старые балки. Их примеру последовали ступеньки лестницы. Это, надо полагать, привидения вырвались на волю. Из спальни тети Полли доносилось мерное, приглушенное похрапывание. Потом назойливо застрекотал сверчок, а в каком таком месте, этого никакое человеческое хитроумие определить не смогло

бы. Скоро ему стало вторить жутковатое тиканье засевшего в стене у изголовья кровати жучка-точильщика, и Тома проняла дрожь, ибо этот звук означал, что чьи-то дни уже сочтены. А тут еще безмолвие ночи нарушил далекий собачий вой, которому ответил другой, даже более далекий. Том страдал. В конце концов, он сказал себе, что время прекратило течение свое и наступила жизнь вечная; и стал вопреки собственной воле задремывать, — часы пробили одиннадцать, но он их не услышал. Тогда-то и начался, мешаясь с еще не обретшими ясных очертаний сонными видениями Тома, печальнейший на свете кошачий концерт. Тома пробудил звук поднимаемой соседом оконной рамы. А уж после крика: «Брысь, сатана!» и звона, с которым разбилась о заднюю стену тетушкина дровяного сарая пустая бутылка, сна у него не осталось ни в одном глазу, и всего лишь минуту спустя он, уже одетый, вылез в окно и пробежался на четвереньках по крыше «флигеля». Пару раз осторожно мякнув на ходу, он соскочил на крышу сарая, а с нее на землю. На земле его поджидал Гекльберри Финн с дохлой кошкой в руке. Мальчики торопливо скрылись во мраке и спустя полчаса уже шли, рассекая высокую траву кладбища.

Старинное, устроенное на обычный для западных штатов манер кладбище располагалось на холме, возвышавшемся в полутора с чем-то милях от городка. Кладбище окружал ветхий дощатый забор, кое-где клонившийся внутрь, в прочих местах — наружу, но нигде не стоявший прямо. Все оно сплошь заросло травой и бурьяном. Старые могилы все до единой просели, ни одного надгробного камня отыскать здесь было нельзя: над могильными холмиками торчали из земли округло опиленные сверху, изъеденные червями доски, кособочившиеся в поисках хоть какой-то опоры, однако оной не находившие. Когда-то на каждой из них значилось: «Священной памяти» Такого-то, ныне же большую часть этих надписей никто не смог бы прочесть и при свете дня.

В ветвях деревьев постанывал ветерок, и Том испуганно гадал, не души ли это покойников жалуются, что им не дают покоя. Разговаривали мальчики мало, да и то шепотом, ибо и время, и место с его торжественным безмолвием стесняли их сердца. Они отыскали нужный им еще высокий, свежий могильный холмик и залегли под росшими в нескольких футах от него тремя большими вязами.

Время, проведенное ими в молчаливом ожида-

нии, показалось обоим долгим. Мертвую тишь нарушало только далекое уханье совы. Мысли Тома обретали все большую мрачность. Молчать и дальше ему стало невмогогту, и потому он шепотом спросил:

— Как считаешь, Гекки, нравится покойникам, что мы с тобой здесь торчим?

Гекльберри шепотом же ответил:

— Хотел бы я это знать. А жутковато тут, верно?

— Да уж.

Последовала долгая пауза — каждый из мальчиков молча обдумывал вопрос Тома. Затем Том прошептал:

— А скажи, Гекки, как по-твоему, слышит нас сейчас «Коняга» Уильямс?

— Понятное дело, слышит. По крайности, его душа.

Том, помолчав:

— Зря я не сказал «мистер Уильямс». Но я же не хотел его обидеть. Его все «Конягой» звали.

— О покойниках, Том, вообще чем меньше говоришь, тем оно и лучше.

Это справедливое замечание отбило у Тома охоту к продолжению беседы. Прошло еще какое-то время и вдруг Том схватил своего товарища

за руку:

— Чшш!

— Что там, Том?

Сердца мальчиков заколотились, они приникли друг к другу.

— Чшш! Вот оно, опять! Слышал?

— Я…

— Вот! Теперь слышишь?

— Господи, Том, это они. И прямо сюда идут. Что делать-то будем?

— Не знаю. Думаешь, они нас заметят?

— Ох, Том, да они ж все в темноте видят, как кошки. И принесло же меня сюда!

— Да ладно, не бойся. Не тронут они нас. Мы ж ничего плохого не делаем. Будем лежать неподвижно, может, они нас и не заметят.

— Неподвижно, это я, конечно, попробую, Том, да только меня всего дрожь колотит.

— Слушай!

Мальчики, едва дыша, припали к земле. С дальнего конца кладбища доносились приглушенные голоса.

— Смотри! Видишь? — прошептал Том. — Что это?

— Адский огонь. Господи, жуть-то какая!

Во мраке обрисовались смутные фигуры, пома-

хивавшие старинными жестяными фонарями, которые отбрасывали на землю несчетные блестки света. Трясущийся Гекльберри прошептал:

— Ну точно, Том, черти. Целых три. Пропали мы с тобой, Том. Ты молиться умеешь?

— Сейчас попробую. Да не бойся ты так, не станут они нас трогать. «Ныне, отходя ко сну, Бога я…».

— Чшш!

— Что, Гек?

— Это *люди*. По крайности, один из них. У него голос старого Мэффа Поттера.

— Нет… не может быть. Правда?

— Уж этого я везде узнаю. Ты, главное, не шевелись. Он нас не заметит, с его-то зрением. Да и нализался, небось, как обычно, старый никчемник.

— Ладно, не буду. Смотри-ка, призадумались. Могилу найти не могут. Нет, опять пошли. Ну, ну, тепло уже. А теперь холодно. Теплее. Совсем горячо! На этот раз в точку попали. Слушай, Гек, я и второго по голосу узнал. Это Индеец Джо.

— Верно, зверюга-метис! Лучше б уж черти пришли. Чего им тут нужно?

Шептаться и дальше было опасно, потому что трое мужчин уже подошли к могиле и теперь

стояли в нескольких футах от места, где притаились мальчики.

— Вот она, — произнес третий голос. Обладатель его поднял фонарь и тот осветил лицо молодого доктора Робинсона.

Поттер и Индеец Джо тащили носилки с мотком веревки и двумя лопатами. Взяв лопаты, эта парочка принялась разрывать могилу. Доктор поставил фонарь в ее изголовье, отошел и сел, прислонясь спиной к стволу одного из вязов. Он сидел в такой близи от мальчиков, что им ничего не стоило юы коснуться его.

— Поторопитесь! — негромко произнес он. — Луна может выглянуть в любую минуту.

Ответом ему послужило невнятное ворчание, раскопки продолжились. Некоторое время тишину нарушал лишь заунывный шорох, с которым лопаты освобождались от груза земли и гравия. Наконец, одна из них ударила в гроб, и через минуту-другую двое мужчин подняли его на край могилы. Они сбили лопатами крышку гроба, вытащили труп и бесцеремонно бросили его на землю. Выплывшая из-за облака луна осветила мертвенно-бледное лицо покойника. Затем труп переложили на стоявшие наготове носилки, накрыли одеялом и привязали к носилкам ве-

ревкой. Поттер вытащил из кармана большой пружинный нож, обрезал оставшийся свободным конец веревки и сказал:

— Ну что, костоправ, получи свой дьявольский товар. И отвали нам еще пятерку, не то мы его здесь бросим.

— Верно говорит! — сказал Индеец Джо.

— Что это значит? — удивился доктор. — Вы потребовали деньги вперед, я заплатил.

— Да, но это не все, что ты сделал, — сказал, подходя к поднявшемуся на ноги доктору, Индеец Джо. — Пять лет назад я как-то вечером зашел на кухню твоего отца, еды попросить, а ты меня выгнал, да еще заявил, что я, дескать, не с добром к вам пришел; а когда я поклялся, что поквитаюсь с тобой, даже если мне сто лет случая ждать придется, твой отец упрятал меня в тюрьму за бродяжничество. Думаешь, я забыл? Индейская кровь у меня в жилах не просто так течет. Теперь ты в *моих* руках, так что можно и счеты свести, понял!

И он с угрозой понес к носу доктора кулак. Доктор внезапным ударом сбил негодяя с ног. Поттер, уронив нож, закричал:

— Эй, ты зачем моего друга бьешь? — и в следующий миг он и доктор уже сцепились, молотя

друг друга кулаками по спинам, топча траву и взрывая каблуками землю. Индеец Джо вскочил на ноги, в глазах его горела злоба, он подхватил с земли нож Поттера и, пригибаясь, выбирая подходящее мгновение, закружил, точно кошка, вокруг боровшихся мужчин. Доктор, сумев, наконец, высвободиться из лап Поттера, вырвал из земли воткнутую в изголовье могилы Уильямса тяжелую доску и, ударив ею противника по голове, поверг его наземь. Этого мига полукровка и ждал, — он подскочил к молодому человеку и по рукоять вогнал нож ему в грудь. Доктор покачнулся, упал на Поттера, залив его своей кровью, и в тот же миг облако укрыло луну, освещавшую это страшное зрелище, а двое перепуганных мальчиков стремглав унеслись в темноту.

Когда луна снова вышла из-за облаков, Индеец Джо стоял над двумя телами, вглядываясь в них и о чем-то размышляя. Доктор пролепетал нечто неразличимое, два раза вздохнул и замер. Метис пробормотал:

— Ну ладно, с *тобой*, будь ты проклят, я поквитался.

Он обшарил карманы убитого, а затем вложил роковой нож в открытую ладонь Поттера, и присел на разоренный гроб. Прошли три минуты,

четыре, пять, Поттер зашевелился, застонал. Пальцы его сомкнулись на рукоятке ножа, Поттер поднял руку, посмотрел на нее и, задрожав, уронил нож на землю. Потом приподнялся, сбросил с себя труп, вгляделся в него и начал одурело озираться вокруг. Наконец, взгляд его встретился с взглядом Индейца Джо.

— Господи, как же это, Джо? — спросил Поттер.

— Грязное вышло дельце, — не моргнув глазом, ответил Джо. — За что это ты его?

— Я? Я ничего не сделал!

— Ты на себя посмотри. Словами кровь не смоешь.

Поттер побелел и затрясся.

— А я ведь думал, что протрезвел. Не надо мне было пить на ночь. Хмель-то так в башку и бьет — даже хуже, чем когда мы пришли сюда. Полная каша в голове, ничего не могу припомнить. Джо, старый товарищ, скажи — только *честно*, — неужто это я натворил? Я ж не хотел, Джо, душой и честью клянусь, не хотел. Как же все вышло-то, а, Джо? Господи, какой ужас, — такой молодой, способный.

— Ну, вы подрались, он трахнул тебя вон той доской, ты упал, а потом вдруг вскочил, шатаясь, сцапал нож и воткнул ему в грудь, — как раз

перед тем, как он тебя еще раз огрел, и ты опять повалился и до самой этой минуты лежал, как колода.

— Господи, я же не ведал, что творю. Вот помереть мне на этом месте, не ведал. А все виски, да и злость во мне, видать, разыгралась. Я ж отродясь ножа в руки не брал, Джо. Драться дрался, но чтобы ножом… Тебе это любой скажет. Ты не говори никому, Джо! Пообещай, что не скажешь… Ты же мой добрый товарищ. Я тебя всегда любил, Джо, заступался за тебя. Помнишь? Не говори, а, Джо?

Несчастный упал перед невозмутимым убийцей на колени и моляще сжал ладони.

— Нет, Мэфф Поттер, я не выдам тебя, ты всегда поступал со мной по совести, без обмана.

— Ох, Джо, ты ангел! Я за тебя до конца жизни Бога буду молить.

И Поттер заплакал.

— Ну ладно, хватит. Не время слюни распускать. Давай так, ты вон в ту сторону иди, а я пойду в эту. Поторапливайся, да постарайся следов за собой не оставлять.

Поттер рысцой бросился прочь и скоро уже летел во весь опор. Полукровка постоял, глядя ему вслед, потом негромко произнес:

— Если ему и впрямь от удара да хмеля память

отшибло, о ноже он не вспомнит, пока не уйдет так далеко, что возвращаться сюда уже побоится, курица мокрая.

Спустя две-три минуты смотреть на убитого, на труп под одеялом, на взломанный гроб и вскрытую могилу было уже, кроме луны, некому. И тишина вновь воцарилась полная.

Глава X
Страшное пророчество воющего пса

Онемевшие от ужаса мальчики что было мочи бежали к городку. Время от времени они, опасаясь преследования, оглядывались назад. Каждый пень, выраставший на их пути, представлялся им человеком, врагом и у них перехватывало дыхание; а когда они пронеслись мимо первых предместных домишек, от лая проснувшихся сторожевых псов у беглецов точно крылья на ногах выросли.

— Хоть бы до старой дубильни успеть добежать, пока мы не свалилились, — прошептал, коротко отдуваясь после каждого слова, Том. — Надолго меня уже не хватит.

Гекльберри ответил ему одним лишь пыхтением. Глаза мальчиков не отрывались от желанной цели, они отдавали последние силы, чтобы достичь ее. Цель близилась, близилась, и наконец, они грудь в грудь проскочили в распахнутую дверь и повалились, благодарные и обессилевие, на пол в стоявшей за ней темноте. Мало-помалу

сердца их стали биться ровнее и, наконец, Том прошептал:

— Как, по-твоему, Гекльберри, что теперь будет?

— Если доктор Робинсон помрет, виселица будет, вот что.

— Ты думаешь?

— Чего тут думать-то, Том, я *знаю*.

Том, поразмыслив немного, сказал:

— А кто донесет на метиса? Мы?

— Что это ты говоришь, Том? А ну как, что-нибудь не так пойдет и Индейца Джо *не* повесят? Он же рано или поздно прикончит нас обоих, это так же верно, как то, что мы здесь лежим.

— Вот и я об этом подумал, Гек.

— Если уж доносить, так пусть Мэфф Поттер доносит, ему как раз на это глупости хватит. Да и пьян он с утра до вечера.

Том промолчал — он думал. И, наконец, прошептал:

— Гек, так ведь Мэфф Поттер и не знает ничего. Как же он донесет?

— Почему это он не знает?

— Потому что, когда Индеец Джо это сделал, Мэфф как раз по башке доской получил. Он же не видел ничего, понимаешь? Так откуда ж ему

знать?

— Ах, чтоб его, а ведь ты прав, Том!

— И опять же, подумай, — может, его этот удар и вовсе прикончил!

— Ну, это навряд ли, Том. Он же в подпитии был, я сам видел, да он и всегда такой. А когда мой папаша наберется, так его можно колокольней по башке лупить, ему это хоть бы хны. Он и сам так говорит, я слышал. И с Мэффом Поттером, ясное дело, все то же самое. Вот кабы Мэфф был мертвецки трезвый, тогда он, может, от такого удара ноги и протянул бы, хотя, вообще-то, я и в этом не уверен.

Еще одна задумчивая пауза, затем Том:

— Гекки, а ты сможешь язык за зубами держать?

— Том, так мы ж и *должны* язык за зубами держать. Сам понимаешь. Если мы хотя бы пикнем, а этого индейского дьявола возьмут да и не повесят, он же утопит нас, как котят, и глазом не моргнет. Знаешь, Том, давай поклянемся друг другу, что мы так и поступим — будем помалкивать.

— Правильно. Лучше не придумаешь. Значит, беремся за руки и приносим клятву, что …

— Ну нет, это не пойдет, Том. Такие клятвы только по разным пустякам хороши — особенно,

когда с девчонками дело имеешь, потому как *они* нипочем слова не держат, а стоит им хвост прижать, сразу язык распускают. У нас с тобой дело серьезное, значит, договор нужен писанный. И скрепленный кровью.

Превосходная мысль, Том всей душой одобрил ее. Глубокая, мрачная, ужасающая, более чем отвечавшая и времени, и обстоятельствам, и вообще всему, что окружало мальчиков. Он подобрал с земли лежавшую в лунном свете чистую сосновую дощечку, достал из кармана кусочек красной охры, призвал в помощницы луну и принялся старательно выводить слова, прикусывая язык, когда ему требовалось провести нисходящую линии, и отпуская его, как только переходил к восходящей. Получилось у Тома следующее:

> *Гек Финн и Том Сойер клянутся, что будут держать насчет Этого язык за зубами*
>
> *и пускай Они помрут на Месте, если когда Расскажут, и Сгниют.*

Присущие Тому беглость письма и возвышенность слога привели Гекльберри в полное восхищение. Он вытащил из-за отворота куртки булавку и почти уж вонзил ее себе в палец, но

Том сказал:

— Погоди! Не стоит. Булавка-то медная. Может, на ней ярь-медянка завелась.

— А чего это такое, ярь-медянка?

— Отрава, вот чего. Проглоти хоть чуток — сам узнаешь.

Том достал одну из своих иголок, отмотал с нее нитку, и каждый мальчик проколол подушечку большого пальца, чтобы выдавить из нее кровь. В конце концов, Тому удалось, сжимая и тиская палец, начертать кровью свои инициалы — в качестве пера он использовал мизинец. После этого Том показал Геку, как писать Г и Ф, и обряд клятвоприношения завершился. Мальчики зарыли дощечку в землю у стены, сопровождая это заклинаниями и исполнением мрачных обрядов, по завершении коих можно было с уверенностью сказать, что язык каждого скован цепью, цепь замкнута на ключ, а ключ заброшен так далеко, что никто и не сыщет.

Сквозь пролом на другом конце полуразвалившегося строения прокралась внутрь некая тень, однако мальчики ее не заметили.

— Том, — прошептал Гекльберри, — думаешь, мы теперь *совсем* уж не проболтаемся — *никогда*?

— А как же. Что бы ни случилось, мы должны помалкивать, иначе помрем на месте — *забыл*?

— Ну, тогда, может, и не проболтаемся.

Какое-то время они продолжали перешептываться, и вдруг снаружи, футах в десяти от них, завыл, протяжно и траурно, пес. Обуянные ужасом мальчики прижались друг к другу.

— Это он на кого из нас воет? — задыхаясь, спросил Гекльберри.

— Не знаю… ты выгляни в щель. Скорее!

— Нет, лучше *ты*, Том!

— Я не могу… просто *не могу*, Гек!

— Ну пожалуйста, Том. Слышишь, опять!

— О Господи, спасибо тебе! — зашептал Том. — Я узнал его голос. Это Булл Харбисон.[2]

— А, ну тогда хорошо, а то я уж перепугался до смерти, Том. Поспорить готов был, что пес *бродячий*.

Пес взвыл снова и сердца мальчиков снова сжались.

— Ну нет, это не Булл Харбисон! — шепнул Гекльберри. — Да *выгляни же*, Том!

Том, трепеща от страха, сдался и приложил

---

[2] Примечания: 2

Если бы мистер Харбисон владел рабом по имени Булл, Том сказал бы «харбисонов Булл»; сына же мистера Харбисона, как и его пса, следовало именовать «Буллом Харбисоном».

глаз к трещине в стене. А потом еле слышным голосом сообщил:

— Да, Гек, это *бродячий пес*!

— Быстрее, Том, быстрее! Скажи, на кого он воет?

— По-моему, на обоих, Гек, — мы ж с тобой рядом сидим.

— Ну все, Том, крышка нам полная. Уж я-то в точности знаю, *куда* попаду. Погрешил на своем веку.

— Да и мне поделом! Нечего было уроки прогуливать и никого не слушаться. Ведь мог бы, кабы постарался, быть добродетельным, как Сид — но куда там. Нет, если я сегодня отверчусь от беды, так, клянусь, меня тогда из воскресной школы палкой не выгонят! — и Том начал часто-часто шмыгать носом.

— По-твоему, это *ты* грешник! — Гекльберри тоже зашмыгал носом. — Опомнись, Том Сойер, по сравнению со мной ты — святая облатка. О, *господи*, господи, господи, да если б у меня была хоть половина твоих шансов.

Том вдруг перестал шмыгать и зашептал:

— Погоди, Гек, взгляни! Он же *хвостом* к нам стоит!

Гек приник к щели и сердце его переполнила

радость.

— Точно, хвостом, чтоб я сдох! И раньше так стоял?

— И раньше тоже, а я, дурак, и не подумал об этом. Фу, знаешь, прямо от сердца отлегло. Но на кого же он воет-то?

Вой прервался. Том навострил уши.

— Чш! Что это? — шепнул он.

— Похоже на… свинья вроде хрюкает. Не — это кто-то храпит, Том.

— Верно! А где, Гек?

— По-моему, там, на другом конце. Звук, вроде, оттуда идет. Там иногда папаша ночевал, вместе со свиньями, да только, клянусь писанием, он как захрапит, так все вокруг трясется. Опять же, папаша, сдается мне, в наш город больше не вернется.

И мальчиками в очередной раз овладела жажда приключений

— Слушай, Гекки, пойдешь со мной, если я впереди пойду?

— Не по душе мне это, Том, — а ну как там Индеец Джо?

Том дрогнул. И все же, искушение было настолько сильным, что мальчики решили попытать счастья, договорившись, впрочем, что, если храп

прекратится, они тут же дадут стрекача. И оба начали на цыпочках, гуськом, прокрадываться на другой конец дубильни. Когда до храпуна осталось шагов пять, Том наступил на сучок, и тот с громким треском переломился. Спящий застонал, заерзал и на лицо его пал свет луны. Это был Мэфф Поттер. Едва он зашевелился, сердца мальчиков замерли, а надежды так и умерли вовсе, но теперь все их страхи улетели прочь. На цыпочках же они выбрались сквозь пролом в дощатой стене наружу и, отойдя на несколько шагов, остановились, чтобы попрощаться. И тут по воздуху ночи снова поплыл протяжный, погребальный вой! Мальчики, оглянувшись, увидели бродячего пса, который стоял, поняв к небесам нос, в нескольких футах от Поттера — *мордой к нему*.

— Господи, так *вот* он на кого! — выдохнули оба.

— Слышь, Том, — говорят, в полночь, недели две назад, бродячая собака заявилась к дому Джонни Миллера, да как завоет, а в тот же вечер туда еще и козлодой прилетал, сидел на перилах веранды и пел. И ничего, все живы-здоровы.

— Да знаю я. И что? Разве в следующую же субботу Грейси Миллер не повалилась в кухонный

очаг и не обожглась до жути?

— Так-то оно так, но ведь не *померла* же. И вообще она уже на поправку идет.

— Ладно, подожди еще, увидишь. Покойница она — такая же, как Мэфф Поттер. Так говорят негры, а уж они-то, Гек, в этих делах толк знают.

Мальчики разошлись, погруженные в глубокие размышления. Том, чувствуя себя совершенно измотанным, влез через окно в спальню, с ненужной осторожностью разделся и заснул, успев поздравить себя с тем, что никто его не хватился. Он и не знал, что тихо похрапывавший Сид вовсе не спал — и уже около часа.

Когда Том пробудился, Сида рядом не было. Судя по свету в окне, время стояло позднее, да и сам воздух говорил об этом. Том испугался. Почему его не разбудили, почему не тормошили, пока он не проснулся, как это делалось всегда? Душу Тома наполнили дурные предчувствия. Он оделся — быстро, за какие-то пять минут — и сошел вниз, по-прежнему сонный, ощущающий, как ноет все его тело. Семья, уже успевшая позавтракать, сидела за столом. Ни слова упрека Том не услышал, однако и взглядом встречаться с ним никто не желал, — в столовой стояло церемонное беззаботный вид — напрасный труд: ни одной

улыбки в ответ, — и Том тоже примолк, и душа его погрузилась в бездну отчаяния.

После завтрака тетя призвала его к себе, и Том почти возликовал, надеясь, что она его высечет — куда там. Тетя расплакалась, спросила, как мог он уйти из дома, как мог разбить ее старое сердце, а затем сказала ему, что он обрекает себя на погибель, что сведет седину ее с печалью во гроб, что пытаться спасти его она больше не станет, потому что попытки эти бессмысленны. Все это было хуже тысячи порок, сердце Тома заныло почище тела. Он расплакался, стал молить о прощении, обещать и обещать, что совсем исправится, и тетя отпустила его, однако Том понимал, что прощение он получил не полное, а доверие, которое она питала к нему, сильно пошатнулось.

Ушел он от тети таким несчастным, что даже не стал сводить счеты с Сидом, и тот совершенно напрасно удрал из дома через заднюю калитку. В школу Том приплелся удрученным и грустным и, получая вместе с Джо Харпером порцию розог за вчерашний прогул, хранил выражение человека, чье сердце тяготят печали, к подобным пустякам безразличные. После порки он сел на свое место, уперся локтями в парту, опустил подбородок на ладони и уставился в стену неподвижным взгля-

дом страдальца, который уже познал в жизни все и, куда ему теперь направить стопы свои, не знает. Один из его локтей упирался в нечто твердое, жесткое. Том долгое время терпел это неудобство, потом медленно и печально сдвинул локоть, вздохнул и взял помеху с парты. Помеха была завернута в бумажку. Том развернул ее. Последовал протяжный, тягучий, исполинский вздох, а затем сердце Тома разбилось. Взорам его предстала медная шишечка от каминной подставки для дров!

Последняя соломинка переломила спину верблюда.

Глава XI
Тома угрызает совесть

Около полудня городок всполошила страшная новость. Телеграф, о котором тогда никто еще и не мечтал, для этого не потребовался; известие о ней перелетало от человека к человеку, от дома к дому, от одного скопления людей к другому со скоростью лишь не намного меньшей, чем телеграфная. И разумеется, директор школы распустил ее учеников — поступи он иначе, его никто в городке не понял бы.

Говорили, что рядом с убитым найден окровавленный нож, и что кто-то признал в нем нож Мэффа Поттера. Говорили также, что один загулявшийся допоздна горожанин наткнулся часов около двух ночи на Поттера, омывавшегося в ручье, и что тот немедля удрал — поведение странное и особенно в том, что касается омовения, каковое в круг привычек Поттера никогда не входило. А еще говорили, что весь город уже обшарили в поисках «убийцы» (широкая публика справляется со скрупулезным изучением улик и вынесением приговора очень быстро), однако

найти Поттера не удалось. По всем уходящим от городка дорогам разослали верховых, а шериф «выразил уверенность» в том, что преступника схватят еще до наступления ночи.

Все население городка повлеклось к кладбищу. Сердечная мука Тома ослабла и он присоединился к процессии горожан, не потому, что не желал бы — в тысячу раз сильнее — отправиться куда-нибудь еще, но потому, что Тома притягивало к этому месту его ужасное, необъяснимое очарование. Достигнув страшной цели, он ужом проскользнул сквозь толпу и увидел зловещую картину. Тому казалось, что со времени, когда он побывал здесь в последний раз, прошло целое столетие. Кто-то ущипнул его за руку, и он, обернувшись, встретился глазами с Гекльберри. Оба мигом уставились в свою сторону каждый, гадая, не заметил ли кто, как они обменялись взглядами. Однако все вокруг переговаривались, не отрывая глаз от страшного зрелища.

— Бедняга!

— Несчастный молодой человек!

— Это послужит уроком грабителям могил!

— Мэффа Поттера за такое дело повесят, коли изловят!

Таковы были замечания наиболее частые, один

только священник сказал:

— То был суд Божий, ибо длань Его простерлась сюда.

К этому времени Том уже дрожал с головы до пят, поскольку взгляд его наткнулся на каменное лицо Индейца Джо. Но вдруг толпа качнулась, забурлила и редкие голоса закричали:

— Вот он! Это он! Сам сюда идет!

— Кто? Кто? — вырвалось из двух десятков глоток.

— Мэфф Поттер!

— О, встал!

— Смотрите, поворачивает! Не упустите его!

Люди, сидевшие над головой Тома на ветвях деревьев, заверили всех, что Поттер и не пытается убежать, — он лишь принял вид смущенный и озадаченный.

— Адская наглость! — заявил кто-то. — Решил прийти сюда, чтобы спокойно полюбоваться на дело своих рук, не думал, небось, что тут такая компания собралась.

Наконец, толпа расступилась, из нее вышел шериф и всем напоказ схватил Поттера за руку. Лицо бедняги осунулось, в глазах светился владевший им страх. Когда же его подвели к убитому, он весь затрясся, точно в падучей, закрыл лицо ладонями

и облился слезами.

— Не делал я этого, друзья, — рыдая, произнес он, — слово чести даю, не делал.

— А кто же тебя обвиняет? — осведомился чей-то внушительный голос.

Выстрел попал в цель, Поттер отнял от лица ладони и с трогательной безнадежностью заозирался вокруг. А увидев Индейца Джо, воскликнул:

— Эх, Индеец Джо, ты же пообещал, что никогда…

— Это твой нож? — спросил шериф, тыча ему в нос орудием убийства.

Поттер, наверное, упал бы, однако чьи-то руки подхватили его и мягко опустили на землю. И он сказал:

— Мне будто голос какой твердил, что, если я не вернусь и не заберу… — он содрогнулся, потом вяло махнул рукой, словно покоряясь неизбежному, и произнес: — Расскажи им, Джо, расскажи — чего уж теперь…

Гекльберри и Том, онемев и вытаращив глаза, слушали, как бессердечный лжец спокойно излагает свои измышления. Оба ждали, что на голову его вот-вот падет с чистого неба гром Господень, и гадали только, отчего эта кара так

сильно задерживается. Когда же Индеец закончил, оставшись целым и невредимым, робкий порыв нарушить данную ими клятву и спасти несчастного, введенного в заблуждение пленника, увял и уничтожился, ибо мальчики со всей ясностью поняли, что Индеец продал душу Сатане, а попытки потягаться с обладателем силы, столь необъятной, могли привести лишь к последствиям самым роковым.

— Чего же ты не сбежал? Зачем сюда-то вернулся? — спросил кто-то.

— Не мог я… не мог, братцы, — простонал Поттер. — И хотел удрать, да ноги сами сюда привели.

И он зарыдал с новой силой.

Несколько минут спустя началось официальное дознание и Индеец Джо, присягнув, с прежним спокойствием повторил свой рассказ, и мальчики, так никаких громов и не дождавшиеся, окончательно уверились в том, что Джо запродался дьяволу. В итоге, Индеец обратился для них в самое интересное и зловещее существо, какое они когда-нибудь видели, мальчики вглядывались в него, как завороженные, и оторваться не могли. Про себя они решили следить за ним по ночам, когда им будет выпадать такая

возможность, — а ну как удастся хоть краем глаза увидеть его устрашающего хозяина.

Индеец Джо помог поднять тело убитого и перенести его в повозку, при этом в дрогнувшей от ужаса толпе зашептали, что из раны выступило немного крови! Мальчики понадеялись было, что это счастливое обстоятельство направит всеобщие подозрения в правильную сторону, однако и тут их ждало разочарование, ибо далеко не один житель городка повторил:

— Так ведь до Мэффа Поттера от трупа всего фута три было.

Целую неделю после этого сон Тома нарушался и страшной тайной, и угрызениями совести, и как-то за завтраком Сид заявил:

— Из-за тебя, Том, я сегодня полночи заснуть не мог, все ты вертелся да во сне разговаривал.

Том побледнел и потупился.

— Это дурной знак, — сразу посерьезнев, сказала тетя Полли. — Что тебя мучает, Том?

— Да ничего. Я и сам не знаю.

Однако рука Тома задрожала так, что он расплескал кофе.

— И несешь ты какую-то ерунду, — продолжал Сид. — Прошлой ночью сказал вдруг: «Это кровь, это кровь, вот что это такое!» Много раз повто-

рил. А потом: «Не мучайте меня так — я во всем признаюсь!» А *в чем* признаешься-то? А?

Перед глазами Тома все поплыло. Трудно даже представить, чем бы мог закончиться этот разговор, однако, на счастье Тома, озабоченное выражение сошло с лица тети Полли и она, сама того не ведая, спасла его, сказав:

— А! Это все то страшное убийство. Оно и мне каждую ночь снится. Иногда я даже вижу во сне, что я-то его и совершила.

Мэри сказала, что убийство и на нее подействовало подобным же образом. Сида услышанное, похоже, удовлетворило. Том постарался убраться из столовой под первым же благовидным предлогом и после целую неделю жаловался на зубную боль и стягивал себе на ночь челюсти тряпицей. Он так никогда и не узнал, что по ночам Сид наблюдал за ним и не раз сдвигал повязку и долгое время вслушивался, приподнявшись на локте, в лепет Тома, а после возвращал повязку на прежнее место. Постепенно растревоженный разум Тома успокоился, а зубная боль надоела ему и получила отставку. Если Сиду и удалось вывести что-либо из бессвязного бормотания Тома, выводы эти он держал при себе.

Товарищи по школе увлеклись в это время

судебными дознаниями причин, по которым издыхала та или иная из находимых ими кошек, и Тому казалось, что это никогда Том никогда не набивался на таких дознаниях в коронеры, хотя прежде норовил играть во всех детских затеях самую видную роль; он даже свидетелем ни разу не выступил, отметил Сид, что также было странно; не миновало внимания Сида и то обстоятельство, что Том относился к этим расследованиям с явным отвращением и старался, как только мог, уклониться от участия в них. Сид дивился, но молчал. Впрочем, в конце концов, дознания вышли из моды и перестали терзать совесть Тома.

В это печальное время Том каждые день-два приходил, улучив время, к зарешеченному окошку маленькой городской тюрьмы и передавал сквозь него «убийце» утешительные подношения — любые, какими ему удавалось разжиться. Тюрьмой городку служила жалкая кирпичная лачуга, стоявшая на окраинном болоте, держать у нее охрану городок позволить себе не мог — да и то сказать, большую часть времени она пустовала. Подношения же эти очень и очень помогали Тому утихомиривать его назойливую совесть.

У жителей городка прямо-таки руки чесались вывалять Индейца Джо в смоле и перьях и про-

катить на шесте — в наказание за то, что он вытащил из могилы покойника, — однако Индеец наводил на всех такой страх, что никого, пожелавшего возглавить это предприятие, не сыскалось, и от мысли, действительно очень дельной, пришлось отказаться. Показания свои Джо оба раза начинал прямо с драки, опуская предварившее ее разорение могилы, и потому всем представлялось разумным не доводить пока это дело до суда общества.

Глава XII
Кот и «Болеутолитель»

Одна из причин, по которым Том отвлекся от своих тайных горестей, состояла в том, что у него появилась еще одна, более тяжкая. Бекки Тэтчер перестала ходить в школу. Несколько дней Том пытался, призывая на помощь всю свою гордость, махнуть на девочку рукой — не получилось. И скоро он уже слонялся ночами у дома ее отца, чувствуя себя совершенно несчастным. Бекки болела. А что если она умрет? Мысль эта мутила рассудок Тома. Сражения больше не привлекали его, не привлекало даже пиратство. Обаяние жизни развеялось, оставив взамен себя безнадежность. Том забросил обруч, а с ним и погонялку, ибо никакой радости они ему уже не доставляли. Тетушка его встревожилась. И принялась испытывать на Томе самые разные панацеи. Она принадлежала к числу людей, свято веривших в патентованные лекарства и новомодные средства укрепления и поправки здоровья, и очень любила проверять оные. Всякий раз, как появлялось нечто новое по этой части, ее охватывало лихорадочное, нетер-

пеливое желание попробовать его — не на себе, ибо она вообще никогда не болела, но на первом, кто подвернется под руку. Она подписывалась на все «оздоровительные» журналы и сочиняемые мошенниками френологические брошюрки, — важное невежество, их наполнявшее, было как дыхание духа жизни в ноздрях ее. Все их бредни касательно проветривания помещения, того, как следует ложиться спать и как вставать, что надлежит есть и что пить, сколько шагов проходить в день, в каком пребывать настроении и какую одежду носить, принимались ею, как святое писание, — она и не замечала никогда, что все наставления, даваемые ими в одном месяце, привычно опровергаются ими же в следующем. Женщиной она была на редкость простодушной, бесхитростной, отчего и обратилась в легкую добычу этих изданий. Она собирала шарлатанские журналы и снадобья, взгромождалась, во всеоружии смерти, на бледного, метафорически выражаясь, коня и ад следовал за нею. Тете Полли и в голову никогда не приходило, что ее страждущие ближние вовсе не усматривали в ней ангела-целителя и бальзам из Галаада.

Как раз в то время вошло в моду водолечение, и жалкое состояние Тома оказалось для тети

Полли даром небес. Каждое утро, на рассвете, она отводила его в дровяной сарай и обрушивала на беднягу потоки ледяной воды, а затем растирала, чтобы привести мальчика в чувство, кусачим, как наждак, полотенцем, оборачивала в сырую простыню и укладывала под одеяла, дабы он пропотел от души — Том и потел, пока у него, как он выражался, «желтые пятна этой самой души через поры наружу не вылезали».

Но, несмотря на ее усилия, Том впадал во все большую меланхолию, становился все более бледным и удрученным. Тетя добавила к описанной процедуре горячие ванны, ванны сидячие, стояние под душем и полное погружение в воду. Мальчик остался мрачным, как катафалк. Тетушка призвала на помощь водным процедурам диету из жидкой овсяной каши и пластыри от нарывов. А кроме того, прикинув вместительность Тома, принялась что ни день дополна заливать его, точно кувшин, всевозможными шарлатанскими снадобьям.

В конечном итоге, Том проникся ко всем этим мучениям совершенным безразличием. И это наполнило душу старушки испугом. Безразличие надлежало сломить любой ценой. Тут-то она и прослышала о новейшем «Болеутолителе». И

незамедлительно заказала большую его партию. Старушка испытала новинку на себе, и испуг сменился в ее душе восторгом. То был жидкий огонь, не больше и не меньше. Тетя Полли отказалась от водолечения и всем сердцем уверовала в «Болеутолитель». Скормив Тому чайную ложку этого зелья, она с величайшей тревогой стала ожидать результата. И все ее страхи вмиг улетучились, а душу овеял покой, ибо «безразличие» было сломлено. Более бурного и живого отношения к новому средству она не добилась бы, даже усадив Тома на костер.

Да он и сам почувствовал, что пора ему выходить из спячки: жизнь подобного рода, может, и выглядела — при сокрушенном его настроении, — вполне романтичной, однако в ней было слишком мало пищи для чувства и слишком много удручающего разнообразия. Том стал обдумывать планы спасения и вскоре придумал один: надо притвориться, что он всей душой полюбил «Болеутолитель». Он принялся выпрашивать его у тетушки так часто, что просьбы эти обратились для нее в истинную докуку и, в конце концов, она сказала Тому, чтобы он принимал это снадобье сам, а ее оставил в покое. Окажись на его месте Сид, она лишь обрадовалась бы и ничего дурного

не заподозрила, но, поскольку дело касалось Тома, старушка стала тайком приглядывать за бутылочкой с лекарством. Вскоре она обнаружила, что его становится все меньше — ей, конечно, и в голову не пришло, что мальчик испытывает целительные свойства «Болеутолителя» на щели в полу гостиной.

Как-то раз Том совсем уж было собрался попотчевать эту щель очередной дозой лекарства, но тут в гостиную вступил тетушкин желтый кот. Он устремил на чайную ложку с лекарством алчный взгляд и замурлыкал, умоляя угостить и его. Том сказал:

— Ты бы не просил, Питер, если тебе и вправду не хочется.

Питер дал ему понять, что хочется, да еще как.

— Ты уверен?

Питер подтвердил: уверен.

— Ну, раз ты так просишь, я тебя угощу, конечно, — я добрый, однако, если угощение тебе не понравится, пеняй на себя.

Питер согласился и на это, и Том, раскрыв ему пасть, вылил в нее ложку «Болеутолителя». Питер взвился на пару ярдов в воздух, издал боевой клич и понесся кругами по комнате, налетая на мебель, свергая с нее цветочные горшки и при-

водя гостиную в состояние общей разрухи. Затем он встал на задние лапы и в неистовой радости заплясал, склонив голову на плечо и подвывая от невыносимого счастья. А после помчал по дому, сея на своем пути хаос и разрушение. Тетя Полли вошла в гостиную как раз вовремя для того, чтобы увидеть, как кот, произведя несколько двойных сальто, в последний раз грянул могучее «ура» и вылетел в открытое окно, увлекая за собою остатки цветочных горшков. Старушка ошеломленно замерла, глядя поверх очков; Том лежал на полу, изнемогая от хохота.

— Что это нашло на кота, Том?

— Не знаю, тетя, — выдохнул мальчик.

— Никогда его таким не видела. В чем тут причина?

— Я и вправду не знаю, тетя Полли; коты всегда ведут себя так, если их что-то радует.

— Ах вот оно что?

Нечто в ее тоне заставило Тома насторожиться.

— Да, мэм. То есть, я так думаю.

— Ты думаешь?

Старушка наклонилась поближе к полу, Том наблюдал за ней с интересом и тревогой. Смысл этого движения тетушки он понял слишком

поздно. Из-под подзора кровати предательски торчала ручка чайной ложки. Тетя Полли взяла ее, поднесла к глазам. Том дрогнул и потупился. Тетя Полли подняла его с полу за привычный прихват — за ухо — и звучно стукнула наперстком по маковке.

— Ну-с, сэр, почему вы так обошлись с бедной, бессловесной тварью?

— Из жалости к ней — у нее же нет тети.

— Ах у нее тети нет! — вздорный ты мальчишка. При чем тут тетя, хотела бы я знать?

— Да при всем. Если бы у кота была тетя, так она сама бы ему все нутро пропекла. Зажарила бы его кишки, не посмотрела бы, что он кот, а не человек!

И тетю Полли вдруг уязвило раскаяние. Она увидела происшедшее в новом свете — то, что было жестоким по отношению к коту, *могло* быть жестоким и по отношению к мальчику. Сердце ее смягчилось, в него прокралось сожаление. Глаза старушки увлажнились, она положила на голову Тома ладонь и мягко произнесла:

— Я ведь хотела тебе только добра, Том. И, Том, тебе же это *пошло* на пользу.

Том взглянул ей в лицо глазами, в которых теплилась за серьезностью едва приметная искорка

веселья.

— Я знаю, что вы хотели мне добра, тетенька, — как и я Питеру. И *ему* это тоже пошло на пользу. Я и не видел, чтобы он так скакал, с тех пор, как…

— Ох, ну хватит, Том, не то ты меня снова рассердишь. Попробуй для разнообразия побыть сегодня хорошим мальчиком, а лекарство можешь больше не принимать.

В школу Том пришел задолго до начала уроков. Многими уже было отмечено, что в последнее время за ним водится эта странность. И, что также стало обычным в последние дни, застрял — вместо того, чтобы играть во дворе с товарищами, — у ворот. Он сказал им, что болен, да больным и выглядел. Том делал вид, будто поглядывает и туда, и сюда, но поглядывал все больше на дорогу. Вот на ней показался Джефф Тэтчер и лицо Тома озарилось надеждой — недолгой, впрочем, скоро он опять поскучнел. Когда Джефф вошел во двор, Том заговорил с ним, осторожно подбрасывая ему те или иные возможности рассказать что-нибудь о Бекки, однако пустоголовый Джефф ни на одну его приманку не клюнул. Том ждал, ждал, надежда вспыхивала в нем всякий раз, что вдали появлялось колеблемое ветерком платьице, однако стоило платьицу приблизить-

ся, и на смену надежде приходила ненависть к его обладательнице, в который раз не той. В конце концов, платьица появляться перестали, и на Тома напала хандра. Он вошел в пустое еще здание школы и сел, приготовившись к полному страданий дню. Но тут в воротах мелькнуло еще одно платье, и сердце Тома словно подпрыгнуло. В следующий миг он уже носился по двору, беснуясь, точно индеец: вопил, хохотал, гонялся за мальчиками, перепрыгивал, рискуя конечностями и жизнью, через забор, ходил колесом и стоял на голове — в общем, совершал все героические деяния, какие только мог придумать, и то и дело поглядывал украдкой на Бекки Тэтчер, дабы понять, замечает ли она их. Но девочка, похоже, их не замечала, и даже ни разу не посмотрела в его сторону. Возможно ли, чтобы она не сознавала его присутствия во дворе? Том перенес арену своих подвигов поближе к ней; он кружил вокруг Бекки испуская боевые клики, сорвал с одного мальчика шляпу и забросил ее на крышу, проскочил сквозь стайку мальчишек, разбросав их в разные стороны, и наконец, упал, перед Бекки на землю, распластавшись и едва не сбив ее с ног, — и она отвернулась, и вздернула носик повыше, и внятно произнесла:

— Пф! Некоторые воображают о себе, что они очень умные — вот и выставляются всем на показ!

Щеки Тома вспыхнули. Он встал и поплелся прочь от Бекки — раздавленный и уничтоженный.

Глава XIII
Пиратская ватага поднимает паруса

Том решился, раз и навсегда. Мрак и отчаяние поселились в душе его. Все отвернулись от него, он одинок, никто его не любит; вот когда все узнают, на что они его толкнули, им, может, и станет стыдно; он так старался быть хорошим, старался им всем угодить, да только они ему не позволили, ну и ладно, раз они спят и видят, как бы убрать его с глаз долой, пусть так и будет; и пусть они свалят вину за все последствия на *него* — чего же еще от них и ждать? Да, они, наконец, довели его до последнего края и теперь он встанет на путь преступлений. Иного выбора ему не оставили.

К этому времени Том уже добрался почти до конца Луговой улицы, и удары школьного колокола, сзывавшего учеников на урок, отдались в его ушах лишь легким треньканьем. Том заплакал, подумав, что никогда, никогда больше не услышит этих ударов, — как грустно, как тяжело, но ведь его же насильно вытолкали в холодный, пустой мир, и ему остается лишь подчиниться

— и простить их всех. От этой мысли рыдания Тома и участились, и усилились.

Тут-то и ему и повстречался душевный друг Джо Харпер — глаза у друга были на мокром месте, а сердцем явно владела одна только цель, великая и мрачная. Ясно, что это была встреча «двух душ, охваченных мыслью единой». Том вытер рукавом глаза и залепетал слова о том, что он решил бежать от тягот домашней жизни, в которой не встречает никакого сочувствия, уйти в огромный мир, и даже в другие страны и больше сюда не возвращаться, — закончил же он выражением надежды на то, что Джо никогда его не забудет.

И сразу же выяснилось, что Джо как раз собирался попросить о том же Тома, что для того-то он друга и искал. Мать высекла его за якобы выпитые им сливки, которых он не только не трогал, но даже и в глаза не видел; дело ясное, он надоел ей, мать хочет избавиться от него, ладно, пускай, он исполнит ее желание, и надеется только, что она будет счастлива и никогда не пожалеет о том, что изгнала несчастного мальчика в бесчувственный мир, на страдания и верную смерть.

Некоторое время друзья шли бок о бок, делясь своими печалями, а затем остановились и заклю-

чили новый договор: всегда стоять друг за друга, быть братьями и не расставаться, пока смерть не избавит их от скорбей этой жизни. После чего каждый изложил свой план. Джо склонялся к мысли податься в отшельники — поселиться в какой-нибудь укромной пещере, питаться сухими корками и со временем помереть от холода, лишений и горя; однако, выслушав Тома, признал, что жизнь преступника обладает очевидными преимуществами, и согласился уйти вместе с ним в пираты.

Тремя милями ниже Санкт-Петербурга, там, где Миссисипи приобретает ширину чуть большую мили, находился длинный, узкий, лесистый остров с отмелью на верхнем его конце — то есть, самым подходящим местом для стоянки пиратского судна. Остров был необитаемым, лежал ближе к противоположному берегу реки, поросшему частым лесом, в который почти никто не заглядывал. Вот на него, на остров Джексона, и пал выбор будущих пиратов. Кого, собственно, они будут там грабить — этот вопрос в головы их как-то не пришел. Они отыскали Гекльберри Финна, и тот без промедления согласился составить им компанию, ибо ему было все едино, какой стезею идти по жизни. Мальчики разо-

шлись, условившись встретиться в уединенном месте, — на берегу реки, в двух милях выше городка — и в излюбленный их час, то есть в полночь. Там стоял у берега маленький плот, который пираты решили захватить. Каждому надлежало принести с собой крючки, лесу и тот провиант, какой ему удастся похитить самым что ни на есть необъяснимым, таинственным образом. Еще и вечер не наступил, а они уже с упоением распространили по городку весть о том, что вскоре ему предстоит «кое-что узнать». И каждый, кто выслушивал их туманные иносказания, получал также предостережение касательно того, что ему надлежит «помалкивать и ждать».

Около полуночи Том, нагруженный вареным окороком и еще кой-какими мелочами, приблизился к густому подросту, тянувшемуся вдоль невысокого берегового обрыва, под которым находилось место встречи. Ночь стояла тихая, звездная. Могучая река лежала перед Томом, подобная спящему океану. Том прислушался — ни единый звук не нарушал тишину. Он свистнул, негромко, но отчетливо. Из-под обрыва донесся ответный свист. Том свистнул еще два раза — и на эти сигналы им тоже был получен должный ответ. А следом настороженный голос осведо-

мился:

— Кто идет?

— Том Сойер, Черный Мститель Испанских Морей. Назовитесь и вы.

— Гек Финн, Кровавая Рука, и Джо Харпер, Ужас Морских Просторов.

Клички эти Том позаимствовал из любимых книжек.

— Хорошо. Говорите пароль.

И в задумчивой ночи два хриплых голоса произнесли страшное слово:

— Кровь!

Том спустил с обрыва окорок и сполз следом, по пути ободравшись и порвав одежду. Вообще говоря, к воде вела с обрыва удобная, простая тропа, однако она не обещала ни трудностей, ни опасностей, без которых пирату и жизнь не в жизнь.

Ужас Морских Просторов принес здоровенный кусок свиной грудинки и едва не надорвался, пока волок его к месту условленной встречи. Финн, Кровавая Рука, спер где-то большую сковороду и пачку недосушенного табачного листа, плюс несколько кукурузных початков для изготовления трубок, даром, что из всех пиратов курил и жевал табак только он один. Черный Мститель Испанских Морей сказал, что, не раздобыв огня,

выступать в поход не стоит. Мысль была более чем разумная, поскольку о спичках в те дни почти никто еще и слыхом не слыхивал. В сотне ярдов вверх по течению стоял у берега огромный плот, и на нем горел костер. Мальчики прокрались к нему и стянули порядочную головню. Они обратили это предприятие в волнующее приключение, то и дело повторяя «Тсс!», замирая с прижатым к губам пальцем, хватаясь за рукояти воображаемых кинжалов и страшным шепотом отдавая друг другу приказы, суть которых сводилась к тому, что если «враг» шелохнется, должно будет «вонзить в него нож по самую рукоять», ибо «мертвые молчат». Мальчики, разумеется, знали, что плотовщики давно ушли в городок и слоняются сейчас по лавкам либо пьянствуют, однако не простили бы себя, совершив этот подвиг не на пиратский манер.

И наконец, их плотик отплыл от берега, — Том обратился в капитана, Гек правил кормовым веслом, Джо носовым. Том, стоявший в самой середке судна, насупив чело и скрестив на груди руки, негромким суровым шепотом отдавал приказы:

— Круче к ветру, по ветру держаааать!

— Есть, сэр!

— Так держаааать!

— Есть так держать, сэр!

— На румб впрааво!

— Есть на румб вправо, сэр!

Плот понемногу продвигался к середине реки, и мальчики, разумеется, понимали, что приказы эти отдаются только для шику, и ничего определенного не означают.

— На каких парусах идееем?

— На брифоках, топселях и бом-кливерах, сэр!

— Подняяять бом-брамселя! Эй, там, на реях, полдюжине матросов лиселя ставить! Да пожи-вей!

— Есть, сэр!

— Грот-брамселя развернуть! Шкоты и брасы! *Шевелись*, молодцы!

— Есть, сэр!

— Клади под ветер — лево руля! К абордажу товьсь! Лево, лево! *Ну*, братцы! Дружнее! Так держаааать!

— Есть, так держать, сэр!

Плот прошел середину реки, мальчики повернули его направо и налегли на весла. Вода в реке была невысокая, течение слабое — две-три мили в час. И в следующие три четверти часа на плоту едва ли прозвучало хоть одно слово. Вско-

ре на дальнем берегу показался городок. Лишь пара-тройка мерцающих огоньков указывала, где он раскинулся, мирно спящий за огромным, смутным, усыпанным звездами простором воды, ничего не ведающий о свершающемся на реке великом событии. Черный Мститель недвижно стоял, скрестив на груди руки, «вперяя прощальный взгляд» в места своих первых радостей и последних страданий и жалея, что «она» не может видеть сейчас, как он возвышается на палубе корабля посреди бушующих волн и бесстрашно смотрит в лицо опасностям и смерти, устремляясь с угрюмой улыбкой на устах в своему роковому концу. Для того, чтобы убрать остров Джексона подальше от городка — так, чтобы его и видно-то не было, — требовалось лишь малое усилие воображения, и Том, совершив его, «вперял прощальный взгляд» с сердцем разбитым и удовлетворенным сразу. Двое других пиратов тоже «вперяли», да так долго, что едва не позволили течению пронести их мимо острова. Впрочем, они вовремя заметили эту опасность и приняли меры, позволившие ее избежать. Около двух часов ночи плотик сел на мель в двух сотнях ярдов выше верхней оконечности острова, и пираты в несколько заходов перенесли свой груз

на сушу. Среди прочего, на плоту имелся старый парус, — мальчики натянули его над проходом в кустах, так что получился навес для хранения провианта, сами же они намеревались, как то и пристало изгнанникам, спать, если позволит погода, под открытым небом.

Углубившись на двадцать не то тридцать шагов в суровую глубь леса, они отыскали большое бревно, разожгли близ него костер и, решив поужинать, поджарили на сковороде грудинку, добавив к ней половину своего запаса кукурузных лепешек. Прекрасное получилось пиршество — на свободе, в глуши девственного леса, покрывавшего не исследованный, необитаемый остров, вдали от людских жилищ, — мальчики заверили друг друга, что к цивилизации они теперь нипочем не вернутся. Пламя костра освещало их лица, отбрасывало красноватые отсветы на колонны подпиравших своды лесного храма стволов, на глянец листвы и на плети дикого винограда.

Когда с последним хрустким ломтиком грудинки и последним куском кукурузной лепешки было покончено, мальчики, исполненные довольства, растянулись на траве. Можно, конечно, было подыскать местечко и попрохладнее, но кто же станет отказывать себе в такой романтиче-

ской радости, как жар бивачного костра?

— Здорово, а? — спросил Джо.

— Еще бы! — ответил Том. — Что сказали бы наши мальчишки, если бы увидели нас сейчас?

— Сказали? Да они бы жизнь отдали, лишь бы попасть сюда, — так, Гекки?

— Да наверное, — согласился Гекльберри, — мне, во всяком случае, такая жизнь подходит, лучше не надо. Я уж и не помню, когда наедался досыта, ей-богу, — опять же никто сюда не придет, никто к тебе не прицепится и бранить ни за что, ни про что не станет.

— Вот и по мне — самая распрекрасная жизнь, — сказал Том. — Ни тебе подниматься с утра пораньше, ни в школу тащиться, ни умываться и прочие глупости делать. Понимаешь, Джо, пират, когда он сходит на берег, вообще *ничего* делать не обязан, а отшельнику, ему же приходится помногу молиться, да и вообще в его жизни ничего веселого нет, сидит целыми днями один, как сыч.

— Да, тут ты прав, — отозвался Джо, — об этом я не подумал. А теперь вот попробовал пиратом пожить и понял, так-то куда лучше.

— Тут еще вот в чем дело, — сказал Том, — отшельников нынче не очень-то и жалуют, а пирату везде почет и уважение. И потом, отшельнику

приходится спать на самом жестком месте, какое он найдет, и возлагать на себя вретище и пепел, и под дождем все время стоять, и…

— Чего это ради он на себя вретище-то с пеплом возлагает? — поинтересовался Гек.

— А я откуда знаю? *Положено* ему, вот и возлагает. Отшельники всегда так делают. И ты бы делал, если б в отшельники подался.

— Черта с два я это делал бы, — сказал Гек.

— Ну а что бы ты тогда делал?

— Не знаю. Но этого делать не стал бы.

— Так ведь, Гек, ты бы *обязан* был. Как бы ты от этого отвертелся?

— Да просто не согласился бы и все. Ну, сбежал бы.

— Сбежал бы! Ну и получился бы из тебя не отшельник, а неумеха какой-то. Срамотища.

Кровавая Рука промолчал, он уже нашел для себя занятие по душе. Во время разговора он выдалбливал кукурузный початок и теперь, приладив к нему толстый стебель, набил получившуюся трубку табаком, приложил к нему уголек и выдохнул облачко ароматного дыма, — то был истинный пир его души. Прочие пираты с завистью наблюдали за тем, как он предается этому величавому пороку, и каждый из них втайне

решил, что в скором времени и сам освоит его. Наконец, Гек спросил:

— Ладно, а пираты что делать должны?

Том ответил ему так:

— О, пираты, они живут как у Христа за пазухой: захватят корабль и сожгут, а деньги зароют на своем острове, в каком-нибудь месте пострашнее, где водятся привидения и прочее, чтобы они никого к кладу не подпускали, а команду корабля поубивают — заставят их всех по доске прогуляться.

— А женщин они на остров свозят, — прибавил Джо, — женщин пираты не трогают.

— Точно, — согласился Том, — женщин они не трогают, потому что пираты люди великодушные. Да и женщины им непременно попадаются очень красивые.

— И одеваются они не во что попало! Это уж дудки! У них вся одежда сплошь в золоте, серебре и брильянтах, — с пылким восторгом сообщил Джо.

— У кого? — спросил Гек.

— У кого — у пиратов.

Гек уныло оглядел свой наряд.

— Сдается, в моей одежке меня в пираты не примут, — с горестным сожалением сообщил

он, — а другой у меня и нету.

Однако друзья заверили Гека, что изысканные наряды появятся у него очень скоро, после первой же пиратской вылазки. А для начала сгодятся и нынешние жалкие лохмотья, хоть у состоятельных пиратов и принято выходить на первое дело, одевшись поприличнее.

Мало-помалу разговор стал замирать, веки маленьких беглецов утяжелила дремота. Трубка выпала из пальцев Кровавой Руки, и он заснул мирным сном усталого, не ведающего угрызений совести человека. А вот Ужасу Морских Просторов и Черному Мстителю Испанских Морей сон дался с гораздо большим трудом. Оба прочитали молитву — мысленно, не вставая с земли, поскольку никого, кто мог бы заставить их преклонить колени и помолиться вслух, поблизости не наблюдалось. Сказать по правде, они подумывали о том, чтобы молитву и вовсе не читать, однако заходить столь далеко побоялись — так ведь недолго и специально для тебя заготовленной молнией по башке получить. И оба сразу же приблизились к самому краешку неминучего, казалось бы сна, — однако к обоим явилась нежданная и совершенно неугомонная гостья. А именно, совесть. Их начали томить смутные

опасения, что сбежав из дома, они поступили нехорошо, затем явились мысли об украденной свинине, а следом начались мучения уже настоящие. Мальчики пытались отогнать их, напоминая совести, что им и прежде не раз случалось тибрить всякие там сладости да яблоки, однако ее такого рода мелкие увертки не брали, и в конце концов, они поняли, что факты — упрямая вещь, что хищение сладостей это всего лишь «баловство», присвоение же таких ценностей, как окорок и грудинка — уже чистой воды *кража*, а на ее счет в Библии особая заповедь имеется. И оба дали себе слово, что, предаваясь пиратству, они никогда не запятнают себя преступным воровством. Тут совесть пошла на мировую, и наши на редкость непоследовательные пираты спокойно заснули.

Глава XIV
Счастливое становище корсаров

Проснувшись поутру, Том поначалу удивился — куда это его занесло? Он сел, протер глаза, огляделся. И, наконец, понял. Занималась прохладная, серенькая заря, от наполнявшего лес безмолвного покоя веяло упоительной безмятежностью и миром. Ни единый листок не шевелился в лесу, ни единый звук не нарушал величавых размышлений Природы. Бисерные капли росы покоились на травинках и листьях. Костер покрылся слоем белесого пепла, прямая струйка синеватого дыма поднималась из него в небо. Джо и Гек спали.

И вот далеко в лесу вскрикнула птица, ей ответила другая, потом послышался дробный стук дятла. Постепенно прохладная серость утра сменялась белизной, звуки множились, все вокруг оживало. Перед замечтавшимся мальчиком разворачивалось чудо Природы, восстающей от сна и принимающейся за дневные труды. По росистому листу пополз зеленый червячок, время от времени приподнимавший в воздух две трети своего тельца, «принюхиваясь», а затем

продолжавший путь — это он мерку снимает, сказал себе Том; когда червячок по собственному почину пополз в его сторону, Том замер, словно окаменев, надежды его то возрастали, то никли, ибо маленькое создание то направлялось к нему, то проявляло склонность свернуть в сторону; когда же оно на мучительный миг задумалось, искривив в воздухе тельце, а затем решительно спрыгнуло на ногу Тома и поползло по ней вверх, душа мальчика возликовала, ибо случившееся означало, что ему в самом скором времени достанется новый наряд — роскошный мундир пирата, тут и сомневаться нечего. Следом откуда ни возьмись появилась и приступила к обычным трудам своим процессия муравьев; один из них отважно вцепился в дохлого паука, и поволок эту в пять раз превосходившую его размерами добычу вверх по древесному стволу. Коричневатая божья коровка забралась по травинке на головокружительную высоту; Том склонился к ней, прошептал: «Божья коровка, пора полетать, дом твой горит, надо деток спасать», и она, расправив крылья, полетела проверить, правду ли он ей сказал, — чем вовсе не удивила мальчика, который давно уже знал, что букашка эта с легкостью верит любым измышлениям насчет

пожаров, и не раз пользовался ее простодушием. Затем показался навозный жук, натужно толкавший перед собой скатанный им шарик, Том тронул жука пальцем, чтобы посмотреть, подожмет ли он ножки, изображая покойника. Птицы к этому времени уже просто-напросто бесчинствовали. Прямо над головой Тома уселся на ветку дерева дрозд, северный пересмешник, и залился трелями, с наслаждением передразнивая своих пернатых ближних; мелькнула, как всполох синего пламени, горластая сойка: она опустилась на сук совсем рядом с мальчиком — руку протяни, — и, склонив головку набок, принялась с неутолимой любознательностью разглядывать чужаков; серая белочка и какой-то зверек покрупнее, сильно смахивавший на лису, заскакали вокруг, то и дело присаживаясь, чтобы осмотреть мальчиков и обменяться впечатлениями — похоже, здешние обитатели человека сроду не видели и не знали, стоит его бояться или не стоит. Теперь Природа проснулась окончательно и все в ней пришло в движение; длинные копья солнечного света пробивали там и сям густую листву, и между ними порхали бабочки.

Том растолкал остальных пиратов, все трое с гиком и треском понеслись по лесу и через пару

минут уже гонялись, голые, друг за другом по прозрачной воде, под которой белел песок отмели. Никакой тоски по городку, спавшему вдали, за величавым речным простором, они не испытывали. Некое заблудившееся течение или просто легкий подъем воды сняли с отмели и унесли их плот, но мальчиков случившееся только обрадовало, ибо оно отзывалось сожжением мостов, еще соединявших их с цивилизацией.

Они возвратились в свой лагерь освеженными, довольными и до жути голодными, и вскоре костер запылал снова. Гек отыскал неподалеку родник, из которого била чистая, холодная вода; мальчики соорудили из широких листьев дуба и ореха подобия чашек и обнаружили, что вода, подслащенная очарованием дикого леса, вполне заменяет кофе. Джо принялся нарезать к завтраку ветчину, однако Том и Гек попросили его повременить немного, направились к реке, к многообещающей с виду заводи, забросили удочки и были немедленно вознаграждены за это. Джо не успел еще и соскучиться, как они вернулись, неся изрядных размеров окуня, двух ершей и соменка — провизию, которой хватило бы на пропитание целой семьи. Мальчики поджарили свой улов вместе с ветчиной и изумились, ибо

такой вкусной рыбы прежде еще не едали. Они не знали, что чем быстрее речная рыба попадает из воды на сковородку, тем лучше для едока, и совсем не думали о том, что наивкуснейшая приправа к любому блюду создается сном под открытым небом, беготней, купанием ну и, конечно, голодом.

Позавтракав, они полежали немного в тени, Гек выкурил трубку, а после все трое отправились исследовать лес. Они шли, весело топая, перепрыгивая через рухнувшие стволы, продираясь сквозь густой подлесок, проходя под напыщенными лесными монархами, с корон которых, подобно регалиям, свисали до земли плети дикого винограда. А время от времени им встречались укромные полянки, устланные травой и украшенные цветами.

Они обнаружили множество такого, что их порадовало, но ничего, способного по-настоящему поразить. Выяснилось, что остров имеет примерно три мили в длину и четверть мили в ширину, что от ближайшего берега его отделяет протока шириной едва ли в две сотни ярдов. Каждый час они купались и потому в лагерь вернулись уже под вечер. Слишком проголодавшиеся, чтобы заниматься рыбалкой, они набили

животы холодным окороком и разлеглись в тени, побеседовать. Однако разговор скоро начал выдыхаться, а там и замер вовсе. Пронизывавшая лес торжественная тишина, ощущение одиночества начали сказываться на настроении мальчиков. Они задумались. Некое неопределимое томление овладело их душами. В конце концов, оно приобрело неясные, но все же очертания, — то была понемногу набиравшая силу тоска по дому. Даже Финн, Кровавая Рука вдруг размечтался о ступеньках привычных крылечек и пустых бочках. Впрочем, каждый из них устыдился этой слабости, а отваги высказать свои мысли ни одному не хватило.

Вот уже немалое время мальчики смутно сознавали, что до них долетает издалека странный звук, — так каждый из нас слышит порой тиканье часов, но сознательно его не отмечает. Однако теперь загадочный звук стал более явственным и силой добился признания. Мальчики дрогнули, переглянулись и навострили уши. Последовало долгое молчание, совершенное, ничем не нарушаемое, а затем издали приплыло по воздуху низкое, мрачное «бумм».

— Что это? — вполголоса спросил Джо.

— Хотел бы я знать, — шепотом ответил Том.

— Это не гром, — испуганно сообщил Гекльберри, — потому как гром, он…

— Тихо! — потребовал Том. — Не говори — слушай.

Они прождали сто, как им показалось, лет, и снова торжественную тишину нарушило приглушенное буханье.

— Пошли, посмотрим.

Вскочив на ноги, мальчики поспешили к смотревшему на городок берегу, а там, раздвинув приречные кусты, окинули взглядом простор воды. Примерно в миле ниже городка шел по течению пароходик, обычно перевозивший желающих с одного берега на другой. На широкой палубе его, похоже, толпились люди. Множество яликов сновало вокруг пароходика или просто сплывало за ним по течению, однако, чем были заняты сидевшие в них люди, мальчики разобрать не смогли. И вот с борта пароходика сорвалась огромная струя белого дыма, а пока она расплывалась и поднималась неторопливым облаком вверх, до слушателей снова долетел все тот же глухой удар.

— Понял! — воскликнул Том. — Там кто-то утонул!

— Точно! — согласился Гек. — Прошлым летом,

когда Билл Тернер утоп, то же самое было. Палили из пушки над водой, пока тело не всплыло. Да, а еще они кладут в булки ртуть и отпускают их по воде и, если где утопленник лежит, так булка подплывает прямо к нему и останавливается.

— Да, я слышал об этом, — сказал Джо, — только понять никогда не мог, почему булка так делает.

— Не в булке дело, — ответил Том. — Я так понимаю, тут главное то, что они *говорят* над ней, прежде чем отпустить ее по воде.

— Так они ничего и не говорят, — сказал Гек. — Я своими глазами видел.

— А вот это странно, — сказал Том. — Хотя, может, они про себя что-нибудь бормочут. Ну *конечно*. Ясное дело!

Мальчики сошлись на том, что доводы Тома основательны, потому что ждать от бестолковой, не получившей заклинательных наставлений, булки сколько-нибудь разумного поведения при выполнении ею столь серьезной задачи, никак не приходится.

— Черт, хотел бы я быть там сейчас, — сказал Джо.

— Да и я тоже, — согласился Гек. — Я бы много чего отдал, лишь бы узнать, кто же у них утоп.

Они сидели, вслушиваясь и наблюдая. И на-

конец, в голове Тома блеснула все озарившая мысль, и он воскликнул:

— Так я же знаю, кто утоп — мы!

И они мгновенно почувствовали себя героями. То был великий триумф — по ним скучали, их оплакивали, из-за них разбивались сердца и проливались слезы, из памяти людей выползали наружу язвящие душу воспоминания о том, как нехорошо они обходились с бедными, погибшими детьми, воспоминания эти сменялись угрызениями совести; и что самое замечательное, они, усопшие, обратились в предмет разговоров всего городка и зависти всех его мальчишек — по крайней мере, зависти к их ослепительной славе. Как здорово! Все-таки, они правильно поступили, подавшись в пираты.

Наступали сумерки, пароходик вернулся к исполнению обычных его обязанностей, ялики уплыли. Пираты возвратились в лагерь. Их новое величие, обильные хлопоты, причиненные ими городку, наполняли души мальчиков тщеславным ликованием. Они наловили рыбы, поужинали, а после принялись строить догадки относительно того, что думают и говорят о них в городке; рисуемые ими картины всеобщего горя были весьма утешительными — с их точки

зрения. Однако тени ночи сгущались, разговор постепенно иссяк, мальчики сидели, глядя в огонь, а мысли их блуждали далеко отсюда. Возбуждение спало, Тому и Джо не удавалось отогнать от себя мысли о кое-ком из их домашних, людях, коим затеянная детьми игра вовсе не доставляла такого же наслаждения, какое испытывали они сами. За этими мыслями пришли дурные предчувствия, встревожившие и опечалившие мальчиков, раз или два они даже вздохнули, совсем того не заметив. В конце концов, Джо попытался робко «прощупать» друзей, выяснить, как бы они отнеслись к возвращению в лоно цивилизации — не сейчас, конечно, но…

Том осыпал его насмешками! Гек, которому тосковать было особенно не по кому, принял сторону Тома, и отступник быстро пошел на попятную, радуясь уже тому, что смог выкрутиться из пикового положения, почти не запятнав себя позором малодушной тоски по дому. Бунт был подавлен — на какое-то время.

Час стоял уже поздний. Гек начал клевать носом, а скоро и захрапел. Джо последовал его примеру. Том неподвижно лежал, опираясь на локоть и внимательно вглядываясь в друзей. В конце концов, он осторожно встал на колени,

и пошарил в траве, освещенной неровными отблесками костра. Он отыскал в ней и осмотрел несколько свернувшихся в трубки лент белой коры платана и, наконец, выбрал две отвечавших его целям. Затем, подойдя к костру и опустившись у него на колени, с немалым трудом нацарапал на каждой красной охрой несколько слов. Один из этих цилиндриков он сунул в карман своей куртки, другой опустил в шляпу Джо и отодвинул ее подальше от владельца. В нее же Том сложил кое-какие из почти не поддающихся оценке, но имевшихся у каждого школьника сокровищ — кусок мела, каучуковый мячик, три рыболовных крючка и шарик из тех, что именовались «совсем хрустальными». А покончив с этим, осторожно, на цыпочках удалился между деревьями на расстояние, с которого шагов его расслышать было уже нельзя, и бегом припустился к отмели.

Глава XV
Том украдкой навещает родных

Через несколько минут Том уже брел по мелководью, направляясь к иллинойскому берегу. Прежде, чем вода дошла ему до пояса, он успел проделать половину пути, потом течение усилилось, не позволяя и дальше идти вброд, и Том самонадеянно бросился в воду, чтобы проплыть оставшиеся сто ярдов. Плыл Том наискосок, навстречу течению, и все же его сносило быстрее, чем он ожидал. Впрочем, в конце концов, он достиг берега, немного спустился вдоль него по течению, отыскивая место пониже, а там и выбрался на сушу. Он сунул руку в карман куртки, убедился, что кусок коры никуда не делся, и пошел, мокрый, хоть выжимай, по прибрежному лесу. Незадолго до десяти вечера Том вышел на открытое, лежавшее напротив городка место и увидел под деревьями высокого берега знакомый пароходик. Все безмолвствовало под мерцающими звездами. Том, не спуская с пароходика глаз, прокрался вдоль берега, соскользнул в воду, в три-четыре гребка достиг привязанного к корме этого

судна ялика, и забрался в него. А забравшись, заполз под скамейку и стал, отдуваясь, ждать.

Спустя недолгое время на пароходике ударил колокол и чей-то голос приказал «отдать швартовы». Еще через пару минут нос ялика высоко подняла над водой волна, созданная колесами пароходика, и плавание началось. Том был рад своему успеху, поскольку знал, что этот рейс — последний. По прошествии долгих минут, тринадцати, а то и пятнадцати, колеса замерли, а Том, перевалившись через борт ялика, поплыл в сумраке к берегу и выбрался на него ярдах в пятидесяти вниз по течению, подальше от возможных припозднившихся пассажиров.

Миновав бегом самые безлюдные переулки, он в скором времени оказался у тетушкиного заднего забора. Том перелез через него, приблизился к «флигелю» и заглянул в освещенное изнутри окно гостиной. В ней сидели бок о бок, разговаривая, тетя Полли, Сид, Мэри и матушка Джо Харпера. Сидели они у кровати, отделявшей их от двери. Том подошел к ней и тихо приподнял щеколду, потом нажал на дверь, немного приотворив ее, нажал еще и еще, вздрагивая при каждом скрипе, и наконец, решив, что сможет протиснуться на карачках в образовавшуюся щель, просунул в

гостиную голову и осторожно пополз к кровати.

— Что это пламя свечи так легло? — произнесла тетя Полли. Том прибавил ходу. — Сдается мне, дверь у нас отворилась. Ну да, так и есть. Странные здесь нынче вещи творятся. Встань, закрой ее, Сид.

Том уже успел забраться под кровать. Некоторое время он пролежал, передыхая, а затем подобрался так близко к тете, что мог бы коснуться ее ноги.

— Да, так я и говорю, — продолжала тетя Полли, — он не был *дурным*, что называется, мальчиком — просто шалуном. Ветреным, безалаберным, понимаете? Чувства ответственности у него было не больше, чем у жеребенка. Но зла он никому не желал, сердце у мальчика было золотое, я такого и не встречала никогда…

И она заплакала.

— Вот и мой Джо был таким же — вечные проказы, одно озорство на уме, но такой добрый, никакой в нем корысти не было, — а я-то, господи прости, высекла его за то, что он сливки выпил, и ведь думать забыла, что сама же их и вылила, потому как они прокисли, а теперь уж никогда его на этом свете не увижу, никогда, никогда, никогда, бедного, понапрасну обиженного мной

мальчика.

И миссис Харпер зарыдала так, точно у нее сердце разрывалось.

— Надеюсь, Тому хорошо, там где он сейчас, — сказал Сид, — да только, если бы он здесь вел себя немного лучше…

— *Сид!* — Том, хоть и не мог видеть глаз старушки, понял, что они гневно вспыхнули. — Чтобы я больше ни слова плохого о моем Томе не слышала — теперь, когда он ушел! О *нем* Бог позаботится, так что *вы*, сэр, не извольте трудиться! Ах, миссис Харпер, уж и не знаю, как я это переживу! Просто не знаю! Он был для меня таким утешением, хоть и истерзал мое старое сердце, то есть, почти.

— Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно! Но как это тяжко, как тяжко! Всего лишь в прошлую субботу мой Джо у меня прямо под носом хлопушку взорвал, а я его стукнула, да так, что он на пол полетел. Знала бы я тогда, как скоро… Ах, я бы прижала его к груди да спасибо сказала.

— Да, да, да, я понимаю ваши чувства, миссис Харпер, ах, как я их понимаю. Да вот еще вчера мой Том накачал кота «Болеутолителем», я думала бедная тварь весь дом разнесет. И да простит меня Бог, я стукнула Тома наперстком по голове,

моего бедного, усопшего мальчика. Но теперь все его горести позади. И ведь последним, что он от меня услышал, были упреки…

Это воспоминание оказалось для старушки слишком тяжелым, и она разрыдалась. Том и сам уже шмыгал носом — более из жалости к себе, чем к кому-либо другому. Он слышал плач Мэри, также время от времени вставлявшей в разговор доброе слово о нем. Самого же себя он ценил теперь даже выше, чем прежде. И все-таки, горе старушки растрогало Тома настолько, что его так и подмывало выскочить из-под кровати и ошеломить, осчастливить тетушку — театральное великолепие такого поступка с великой силой влекло к себе сердце мальчика, однако он справился с искушением и остался лежать под кроватью.

Он продолжал слушать разговор, и понемногу у него составилась из обрывочных слов собеседниц следующая картина: поначалу все думали, что мальчики утонули, купаясь; затем кто-то хватился маленького плота; затем кое-кто из школьников припомнил слова пропавших о том, что вскоре городку предстоит «кое-что узнать»; самые умные его головы, «обмозговав» все это, решили, что мальчики-то плот и угнали и нахо-

дятся сейчас в следующем по течению городе; однако около полудня был обнаружен плот, прибитый течением к миссурийскому берегу милях в пяти-шести ниже городка — и надежды стали угасать: похитители его наверняка утонули, иначе голод пригнал бы их домой еще до наступления ночи, а то и раньше. Поиски их тел все полагали делом бессмысленным, поскольку утонули они наверняка на самой быстрине, будь это иначе, хорошо умевшие плавать мальчики наверняка добрались бы до берега. Сейчас была ночь со среды на четверг. Если до воскресенья тела так и останутся не найденными, от всех надежд придется отказаться и провести утром этого дня заупокойную службу. Тома пробила дрожь.

Наконец, продолжавшая рыдать миссис Харпер пожелала всем спокойной ночи и встала, чтобы уйти. Две осиротевшие женщины бросились, движимые единым порывом, в объятия друг дружки, вдосталь наплакались, а там и расстались. Тетя Поли с гораздо большей, чем обычная ее, ласковостью попрощалась на ночь с Сидом и Мэри. Сид тихо всхлипывал, Мэри плакала навзрыд.

Оставшись одна, тетя Полли опустилась на колени и помолилась за Тома — так трогательно, с такой мольбой, с такой звучавшей в ее словах

и в дрожавшем старческом голосе безмерной любовью, что мальчик облился слезами задолго до окончания молитвы.

После того, как тетя легла, ему пришлось еще долгое время провести под кроватью, поскольку старушка время от времени жалостно вскрикивала, беспокойно подергивалась и переворачивалась с боку на бок. Но в конце концов, она утихла и лишь постанывала во сне. Только тогда Том выскользнул из-под кровати, медленно поднялся на ноги и, заслонив ладонью свечу, постоял немного, вглядываясь в тетю. Сердце его переполняла жалость к ней. Он достал из кармана свиток коры и положил его рядом со свечой. Однако тут его осенила новая мысль, которую стоило обдумать. И вот лицо Тома осветилось — решение было найдено, и очень удачное; он торопливо схватил кору и вернул ее в карман. Затем склонился к тете, поцеловал ее в поблекшие губы и быстро покинул флигель, закрыв за собой дверь на щеколду.

Он дошел до переправы, где никого уже не было, и смело поднялся на борт пароходика, поскольку знал, что там нет сейчас ни души, если не считать ночного сторожа, неизменно спавшего где-нибудь мертвым сном. Том отвязал от кормы

ялик, спустился в него и скоро уже осторожно греб, забирая вверх по течению. Поднявшись на милю от городка, он стал, налегая на весла, пересекать реку. Причалил он точно у пристани — такие переправы давно уже стали для него привычными. Очень ему хотелось присвоить ялик, — как-никак судно, и стало быть, законная пиратская добыча, однако Том знал: такую пропажу будут искать весьма основательно, а это может закончится его поимкой. И потому он просто сошел на берег и углубился в лес.

Долгое время он просидел там, отдыхая, щипля себя, чтобы не заснуть, за руку, а затем, поглядывая по сторонам, приступил к последнему за эту ночь переходу. Ночь была на исходе. Когда Том увидел прямо напротив себя островную отмель, уже совсем рассвело. Он посидел еще, ожидая, когда поднимется и вызолотит великую реку солнце, а дождавшись, вошел в воду. Недолгое время спустя он, мокрый до нитки, остановился в лесу у самого лагеря и услышал голос Джо:

— Да нет, Гек, Том свое слово всегда держит, он вернется. Не сбежит. Он же знает, для пирата это чистый позор, а Том слишком гордый, чтобы так осрамиться. Он что-то задумал, Гек. Узнать бы только — что.

— Ладно, вещички-то его все равно теперь наши, так?

— Почти да не совсем, Гек. В записке же сказано: будут наши, если он не вернется к завтраку.

— А он взял, да и вернулся! — воскликнул Том, величаво вступая в лагерь. Очень драматичный получился эффект.

Роскошный завтрак из рыбы и ветчины изготовился быстро и, когда мальчики принялись за еду, Том поведал им (со множеством прикрас) о своих приключениях. И к концу его повести, они успели обратиться в чванливых, сильно склонных к бахвальству героев. Том удалился на тенистую полянку, чтобы проспать на ней до полудня, а прочие пираты занялись приготовлениями к рыбной ловле и дальнейшим исследованиям острова.

Глава XVI
Первые трубки — «я тут где-то ножик посеял»

Отобедав, шайка пиратов выступила к отмели, на охоту за черепашьими яйцами. Пираты тыкали палками в песок и, найдя местечко помягче, опускались на колени и зарывались в песок руками. Время от времени им попадалось, в одной только ямке по пятьдесят, а то и по шестьдесят яиц — идеально круглых, белых, размером чуть меньших грецкого ореха. В этот вечер мальчики славно попировали, объедаясь яичницей, и в пятницу утром тоже.

После завтрака они, гикая, поскакали к отмели, норовя обогнать один другого, на бегу срывая одежду, пока не остались совсем голыми, а затем в буйном восторге помчались по мелководью туда, где течение вымывало песок из-под их ступней, еще пуще веселя мальчишек. Время от времени они вставали в кружок и принимались плескаться водой в лица друг друга, понемногу сходясь, отворачиваясь от перебивающих дыхание брызг, и в конце концов, сцеплялись и боролись, пока

кто-нибудь не окунал противника с головой, после чего начиналась совершенная куча мала, в которой только и можно было различить, что переплетавшиеся белые руки и ноги, струи воды, вылетавшие изо ртов, смех и пыхтение.

И наконец, они, изнемогшие, выбрались из реки и упали на сухой, горячий песок и полежали, зарывшись в него, а после опять бросились в воду и все повторилось заново. А потом им пришло в голову, что нагая кожа их сильно смахивает на телесного цвета трико, и мальчики нарисовали на песке большой круг и устроили цирк — с тремя клоунами, ибо ни один из них не пожелал уступить эту наиважнейшую должность другому.

По окончании представления состоялась игра в шарики — в «костяшки», в «кружочек», в «держалки» — пока и эта забава не прискучила мальчикам. Джо и Гек снова пошли купаться, но Том в воду лезть не рискнул, поскольку обнаружил, что, сдирая с себя штаны, содрал заодно и украшавший его лодыжку браслетик из «погремков» гремучей змеи и теперь пытался понять, как это ему до сих пор не свело в воде ногу, не защищенную сим мистическим амулетом. Не отыскав его, Том соваться в воду не решался, а когда, наконец, отыскал, двое других мальчиков

совсем уже выбились из сил и думать могли только об отдыхе. Постепенно они разбрелись по берегу и всех троих одолела хандра — каждый с тоской поглядывал через широкую реку туда, где лежал, купаясь в солнечном свете, их городок. Том поймал себя на том, что большим пальцем ноги выводит на песке «БЕККИ». Он тут же стер это имя и обругал себя за слабодушие. И однако же, вскоре опять написал то же самое — не смог ничего с собой поделать. Том снова стер написанное и, чтобы избавиться от соблазна, подозвал к себе товарищей.

А между тем, Джо пал духом окончательно и бесповоротно. Тоска по дому стала для него нестерпимой. Он даже боялся расплакаться. Да и Гек тоже впал в меланхолию. Собственно, и Тома одолевало уныние, однако он старался этого не показать. У него имелась тайна, делиться которой с друзьями ему пока не хотелось, и тем не менее, Том понимал: если ему не удастся одолеть, и как можно скорее, их чреватое бунтом уныние, тайну придется раскрыть. И он с деланной веселостью сказал:

— Спорим, на этом острове уже побывали пираты. Надо бы осмотреть его снова. Где-то здесь наверняка зарыты сокровища. Как вам понра-

вится наткнуться на трухлявый сундук, набитый золотом и серебром, а?

Однако эта перспектива вызвала лишь незначительное воодушевление, которое тут же и сникло, не породив ответа. Том попытался раззадорить товарищей еще одним-двумя соблазнительными предложениями и тоже безрезультатно. Джо сидел, ковыряя палочкой песок, и вид у него был мрачнее тучи. В конце концов, он сказал:

— Ладно, ребята, пора кончать. Я хочу домой. Уж больно тут одиноко.

— Да нет, Джо, тебе еще получшеет, дай только срок, — сказал Том. — Сам подумай, рыбалка-то здесь какая!

— На что мне твоя рыбалка? Я домой хочу.

— Но, послушай, Джо, где еще можно так хорошо покупаться?

— И купание мне ни к чему. Толку-то от него, если никто купаться не запрещает? Я лучше вернусь домой.

— Чушь какая! Дитя малое! По мамочке соскучился.

— Да, *соскучился* — и ты бы соскучился, если б она у тебя была. Сам ты дитя малое!

И Джо шмыгнул носом.

— Ладно, разрешим этому плаксе вернуться

к мамаше, а, Гек? Бедняжка — никак без мамы не может. Ну и пусть идет к ней. Тебе-то здесь нравится, верно, Гек? Мы с тобой отсюда никуда не уйдем, правда?

— Да-а-а, — ответил Гек, но как-то без души.

— Я с тобой вообще больше разговаривать не буду, никогда, — объявил, вставая с песка, Джо. — И все!

И он угрюмо побрел туда, где валялась его одежда.

— Подумаешь! — сказал ему в спину Том. — Больно надо мне с тобой разговаривать. Отправляйся домой, иди, как раз посмешищем станешь. Пират, тоже мне. Вот мы с Геком не плаксы вроде тебя. Мы тут останемся, верно, Гек? А он пусть идет, если хочет. Как-нибудь и без него обойдемся.

Однако на сердце у него было невесело: Джо, надувшись, стал одеваться и это встревожило Тома. А тут еще Гек смотрел на сборы Джо с явной завистью, да и молчание хранил самое зловещее. И вот, наконец, Джо, не произнеся ни слова прощания, побрел по воде в сторону иллинойского берега. Сердце Тома упало. Он взглянул на Гека. И Гек, встретившись с ним глазами, потупился, а после сказал:

— Я, пожалуй, пошел бы с ним, Том. Здесь и так-то тоскливо было, а теперь еще хуже станет. Давай все вместе пойдем, а, Том?

— Никуда я не пойду! Хотите, уходите. А я останусь.

— Тогда я лучше пойду, Том.

— Ну и иди — никто тебя не держит.

Гек начал собирать свою разбросанную одежду. И сказал:

— Шел бы ты с нами, Том, а? Ты посиди, подумай. А мы тебя на берегу подождем.

Грустный Гек поплелся следом за Джо. Том стоял, глядя на уходивших товарищей и сердце его сжимало желание махнуть рукой на гордость и присоединиться к ним. Он надеялся, что мальчики остановятся, но они все шли и шли, бороздя ногами воду. И Том вдруг понял, какое одиночество, какое безмолвие ожидают его. В последний раз схватился он со своей гордыней, а затем побежал за друзьями, крича:

— Постойте! Постойте! Мне нужно вам кое-что рассказать!

Мальчики остановились, обернулись. Подбежав к ним, Том принялся излагать свою тайну. Поначалу они слушали его хмуро, но, когда, наконец, поняли, к чему он клонит, завопили от

радости, захлопали в ладоши, назвали его идею «роскошной!» и заявили, что, если бы он сразу им все рассказал, то они никуда уходить и не подумали бы. Том мигом сочинил правдоподобное объяснение своей скрытности, хотя подлинная ее причина состояла в томившем его страхе, что даже эта тайна не сможет удержать их на достаточно долгое время, — вот он и хранил ее про запас, как последнее обольщение.

Повеселевшие, они вернулись назад и предались прежним забавам, без устали обсуждая при этом изумительный план Тома и вознося хвалы его гениальности. После изысканного обеда (яйца и рыба) Том заявил, что хочет научиться курить — не сходя с этого места. Джо его мысль понравилась, он сказал, что тоже не прочь попробовать. Гек вырезал две трубки, набил их. До сих пор нашим неофитам ничего, кроме свернутых из виноградных листьев сигар, курить не доводилось, а сигары эти «кусали» язык, да и вообще не считались принадлежностью настоящего мужчины.

Теперь мальчики лежали, подпираясь локтями и попыхивали трубками, осторожно и не очень уверенно. Вкус у дыма был неприятный, они немного давились им, но Том все же сказал:

— Надо же, дело-то легче легкого! Знал бы, что

все так просто, давным-давно научился бы.

— И я тоже, — подтвердил Джо. — Пустяк дело.

— И ведь сколько раз я смотрел на тех, кто курит, завидовал им, но никогда не думал, что у меня получится, — прибавил Том.

— Вот и со мной то же самое было, ведь так, Гек? Ты же слышал, как я говорил об этом точь-в-точь такими же словами, — слышал? Вот пусть Гек скажет.

— Ага — много раз, — подтвердил Гек.

— А я не говорил что ли? — сказал Том. — Сто раз говорил. Один раз около бойни сказал. Ты помнишь, Гек? Там еще Боб Таннер был, и Джонни Миллер, и Джефф Тэтчер, я при них и сказал. Помнишь, Гек, как я это говорил?

— А как же, помню, — ответил Гек. — Это было в аккурат через день после того, как я белый шарик потерял. Хотя нет, через два.

— Ну, я же говорил, — сказал Том. — Гек, он все помнит.

— Я бы, наверное, целый день мог трубку курить, — сказал Джо. — И не тошнит совсем.

— И меня тоже, — подхватил Том. — Я бы тоже курил целый день. А вот Джефф Тэтчер не смог бы, об заклад бьюсь.

— Джефф Тэтчер! Да он после двух затяжек ско-

пытился бы. Ты бы ему дал разок пыхнуть. Чтобы *знал*, каково оно!

— Точно. И Джонни Миллер — посмотрел бы я, как он с этим справится.

— Да уж и я посмотрел бы! — согласился Джо. — Господи, да Джонни Миллер вообще ни на что не годен. Ему только нюхнуть табаку дай — и нет его.

— Что верно, то верно, Джо. Эх, жалко другие мальчишки нас сейчас не видят.

— Да, это жалко.

— Знаешь, — только вы, ребята, не проговоритесь никому, — когда мы с ними опять встретимся, я подойду к тебе и скажу: «У тебя трубочки не найдется, Джо? Мне что-то покурить охота». А ты ответишь, небрежно, как будто это самое обычное дело: «Да, я нынче при моей *старой* трубке и еще одна есть. Правда, табачок у меня так себе». А я скажу: «Ну и ладно, главное, чтоб *крепкий* был». А после ты вытащишь трубки и мы их раскурим, спокойненько так — представляешь, какой у них будет видок?

— Черт, отличная мысль, Том! Жаль, что мы *сейчас* этого сделать не можем.

— А то не жаль! А уж, когда мы им скажем, что научились курить, пока были пиратами, дума-

ешь, они нам не позавидуют?

— Еще как! *Головой* ручаюсь!

Так этот разговор и тянулся. Впрочем, понемногу он начал прерываться, становиться отчасти бессвязным. Паузы удлинялись, мальчики сплевывали все чаще, чаще. Каждая пора их ртов обратилась в бесперебойно работающий фонтан; под языками образовалось что-то вроде затопляемых погребов, из которых они едва успевали откачивать влагу, влага эта переполняла горло, а старания протолкнуть ее вниз приводили лишь к позывам на рвоту. Оба неопытных курильщика побледнели и вид имели прежалкий. Трубка Джо выпала из его обессилевших пальцев. Вскоре то же проделала и трубка Тома. Фонтаны били теперь с яростной силой и работавшие изо всей мочи насосы с ними уже не справлялись. Джо тонким голосом сказал:

— Я тут где-то ножик посеял. Пойду, поищу.

На что Том дрожащими губами ответил, запинаясь:

— Я помогу. Ты иди вон туда, а я у ручья пошарю. Нет, Гек, ты не ходи… мы его сами найдем.

Гек снова уселся на землю и прождал целый час. Наконец, ему это наскучило, и он пошел искать своих товарищей. Он нашел их, очень

бледных, крепко спавших в разных, далеко отстоявших один от другого уголках леса. Впрочем, приглядевшись к каждому, Гек понял: если с его друзьями и случилось что-то неладное, они с этим уже справились.

За ужином они все больше униженно помалкивали, когда же Гек набил свою трубку и взялся за их, оба сказали — не надо, им как-то не по себе, наверное, съели в обед что-то не то.

Около полуночи Джо проснулся и разбудил товарищей. Какое-то задумчивое, томительное ожидание висело в воздухе. Мальчики сбились в кучку, поискали дружеского утешения у костра, даром что воздух и без того был жарок и душен. Они сидели, настороженные, неподвижные, и ждали. Стояла торжественная тишь. Все, что лежало за кругом излучаемого костром света, поглощала непроглядная тьма. Но вот трепетный, тусклый всполох на миг вырвал из нее листву и тут же угас. Спустя недолгое время за ним явился другой, поярче. За ним еще один. А следом какой-то тихий стон прозвучал среди ветвей леса, и мальчики ощутили коснувшееся их лиц легкое дуновение и задрожали, решив, что это сам Дух Ночи пронесся мимо них. Снова безмолвие. И внезапно жутковатая вспышка обратила ночь в

день, показав мальчикам каждую травинку, что росла у их ног, отдельно и явственно. Показала она и три белых испуганных лица. Глухой раскат грома прокатился по небесам, обратившись вдали в угрюмый гул и стихнув. За ним последовал порыв холодного ветра, взъерошивший листву и взметнувший над костром белые хлопья пепла. Еще одна яростная вспышка озарила лес, и сразу за нею последовал страшный треск, заставивший, как показалось мальчикам, деревья пригнуться. По листьям ударили редкие, крупные капли дождя.

— Живо, ребята, под навес! — воскликнул Том.

Они вскочили на ноги и побежали кто куда, спотыкаясь во мраке о корни, увязая в плетях дикого винограда. Бешенный порыв ветра пронесся по лесу, заставив его взвыть. Била одна слепящая молния за другой, и их сменяли оглушительные раскаты грома. И наконец, ударил ливень, и ураганный ветер понес над землей полотнища воды. Мальчики перекликались, но голоса их тонули в реве ветра и громовых раскатах. Впрочем, им все же удалось отыскать друг друга и забиться под навес — продрогшим, перепуганным и мокрым до нитки, — а обрести в такой беде компанию, это уже утешение, за которое следует быть благо-

дарным. Они не разговаривали — старый парус колыхался и хлопал с таким неистовством, что заглушил бы их голоса даже в отсутствие прочего шума. Гроза все разгуливалась и, в конце концов, ветер сорвал парус и унес его с собой. Мальчики схватились за руки и побежали, спотыкаясь, падая и покрываясь ссадинами, под защиту огромного дуба, стоявшего на берегу реки. Небесная битва достигла теперь высшего ее разгара. Непрестанные молнии сжигали небо, и все под ним словно замирало в резко очерченной, лишенной теней отчетливости: гнущиеся деревья, покрытая волнами и кипенью река, хлопья сорванной с нее пены, смутные, едва различимые за летящими клочьями тумана и завесой косого дождя силуэты высоких обрывов противоположного берега. Время от времени какой-нибудь лесной великан не выдерживал натиска бури и с треском рушился в юный подлесок; неустанные раскаты грома обратились в надрывавшие уши взрывы, резкие, мощные, неописуемо страшные. И наконец, буря набрала новую, невиданную до этого силу, способную, казалось, разодрать остров на куски, спалить его, затопить по самые верхушки деревьев, сорвать с места и оглушить на нем каждое живое существо — и все это в

одно и то же мгновение. Страшная была ночь для бесприютных мальчишек.

И все-таки, битва закончилась, небесные армии разошлись со становившимися все слабее угрозами и ропотом, и на землю вновь опустился мир. Перетрусившие мальчики вернулись в свой лагерь и обнаружили, что им есть, за что благодарить судьбу, — огромный платан, под которым они ночевали, разбила молния, а они, когда это случилось, были вдали от него.

Все в лагере пропиталось водой, в том числе и костер, — беспечные, как то и положено в их возрасте, мальчики не потрудились принять какие-либо меры предосторожности на случай дождя. Отсутствие огня привело их в уныние, ибо они промокли насквозь и озябли. Они принялись описывать друг другу свое горе, прибегая к выражениям самым живописным, но вскоре обнаружили, что огонь успел проложить себе путь под упавшее дерево, у которого был разведен костер (там, где оно изгибалось, приподнимаясь над землей), и под ним сохранилась в сухости покрытая горячими углями полоска земли примерно в ладонь шириной; мальчики начали терпеливо обхаживать эти угли, подкармливая их щепками и кусками коры, которые они отдирали с испо-

дов других лежачих стволов, и наконец, костер разгорелся снова. Мальчики наваливали на него давно иссохшие сучья, пока пламя не заревело, точно в топке, наполнив радостью их сердца. Они обсушили на нем ветчину, поели, а затем уселись у огня и до самого утра, благо ни одного сухого места, на котором можно было прилечь, вокруг все равно не осталось, обсуждали свое полуночное приключение, обраставшее, что ни миг, новыми, великолепными подробностями.

Когда же к ним начали подбираться первые лучи солнца, на мальчиков напала сонливость и они, выйдя на песчаный берег, завалились спать. Но скоро солнце стало припекать всерьез, и они проснулись, и хмуро занялись приготовлением завтрака. После еды они помрачнели еще пуще, руки и ноги не слушались их и каждый снова затосковал по дому. Быстро заметивший дурные предзнаменования Том постарался, как мог, развеселить пиратов. Однако друзьям его не милы уже были ни каменные шарики, ни цирк, ни купание, ни вообще все на свете. Том напомнил им об их замечательной тайне, сумев немного поднять настроение друзей. И пока оно не упало снова, постарался увлечь их новой затеей. Состояла она в том, чтобы на время забросить

пиратство и побыть, разнообразия ради, индейцами. Идея пришлась им по душе и скоро все трое, сбросив одежду, с головы до пят изукрасились полосками черной грязи, обратившись в подобия зебр — каждый, разумеется, стал вождем своего собственного племени, — и помчались по лесу, намереваясь разорить поселение англичан.

Затем они разделились на три враждебных племени и принялись, испуская ужасные боевые кличи, наскакивать один на другого из засады, убивая и скальпируя друг друга целыми тысячами. Кровавый выдался денек. А стало быть, и до крайности удовлетворительный.

К ужину мальчики вернулись в лагерь счастливыми и голодными. И тут возникло серьезное затруднение — враждующие индейцы ну никак не могут преломлять друг с другом хлеб гостеприимства, не заключив прежде мира, а заключить его без *трубки мира* дело решительно немыслимое. О других возможностях мальчики отродясь не слыхали. И двое из дикарей почти пожалели о том, что не остались пиратами. Однако иного выхода не было, и они, изобразив, насколько им то было по силам, радостную веселость, раскурили трубку и положенным образом сделали по затяжке каждый.

И нате вам — вскоре Том и Джо уже радовались, что подались в дикари, ибо это наделило их новым опытом: они обнаружили, что могут курить понемногу, не ощущая потребности отправляться на поиски посеянных ножиков: их, конечно, мутило, но не так уж и сильно. Упускать, по одной только лености, такую многообещающую возможность не следовало. И потому после ужина они осторожно попрактиковались еще раз — и добились порядочного успеха, так что вечер у них получился просто-напросто праздничный. Новое достижение наполнило их гордостью и счастьем, каких они не изведали бы, даже оскальпировав и освежевав всю Лигу ирокезов. Что же, оставим их ненадолго — пусть себе курят, болтают и хвастаются, нам они пока не нужны.

Глава XVII
Пираты являются на собственные похороны

В городке же тем же тихим субботним днем никакой веселости не наблюдалось. Семейства тети Полли и Харперов облачились, проливая горестные слезы, в траур. Необычная тишь пала на городок, бывший, сказать по правде, и так-то не очень шумным. Обитатели его предавались своим обычным занятиям с каким-то отсутствующим видом, разговаривали мало, зато часто вздыхали. Детям субботняя свобода показалась просто-напросто тягостной. Игры у них не задавались и вскоре были заброшены.

Бекки Тэтчер бродила после полудня по пустому школьному двору, изнывая от великой печали. А умерить эту печаль ей было нечем. Она сказала себе:

— Ах, если бы я сохранила ту медную шишечку! А теперь у меня ничего на память о нем не осталось, — и Бекки с трудом подавила рыдание.

А затем:

— Вот здесь это и было. Ах, если бы все повтори-

лось снова. Я бы не сказала ему таких слов — ни за что на свете не сказала бы. Но его больше нет, и я никогда, никогда, никогда не увижу его.

Мысль эта сразила ее окончательно и Бекки, заливаясь слезами, покинула двор. Скоро в нем появилась стайка детей, девочек и мальчиков, друзей Тома и Джо, — они постояли, глядя на забор и делясь благоговейными воспоминаниями о Томе, сделавшем, в последний раз, как они видели его, то-то и то-то, о Джо, сказавшем такие-то незначительные слова (теперь дети хорошо понимали, какое ужасное пророчество крылось в его высказываниях!) — и каждый указывал точное место, на котором стояли в то время погибшие мальчики, и добавлял что-нибудь наподобие «а я вот здесь стоял — совсем как сейчас, а он там, где ты, — и я подошел к нему, — а он улыбнулся, вот так, — и на меня как будто что-то нашло — ужас такой, понимаете? — я, конечно, не задумался тогда, что бы это значило, но уж теперь-то мне все понятно!».

Следом затеялся спор о том, кто видел усопших мальчиков самым последним, на это скорбное отличие претендовали многие и предлагали тому доказательства, более или менее подтверждаемые свидетелями; и когда было, наконец

установлено, *кто именно* последним попрощался с усопшими и обменялся с ними последними словами, эти удачливые ребятишки исполнились значения почти священного, а все прочие стали взирать на них с завистью. Один бедолага, у которого никаких иных притязаний на славу не отыскалось, не без скромной гордости поделился со всеми таким достижением:

— А меня Том Сойер однажды здорово вздул.

Однако это покушение на величие обернулось провалом. Похвастаться подобным успехом могло большинство мальчиков городка, и это сильно сбавляло его цену. И дети медленно покинули двор, продолжая пересказывать почтительными голосами все, что они помнили о падших героях.

На другое утро, по окончании занятий в воскресной школе, церковный колокол зазвонил не весело, как то бывало обычно, но погребально. Этот День отдохновения выдался очень тихим и скорбные звуки колокола казались вполне уместными в задумчивом безмолвии, осенившем природу. К церкви начали сходиться горожане, останавливавшиеся ненадолго у входа в нее, чтобы прошептать друг другу несколько слов о скорбном событии. В самой же церкви никто не шептался, безмолвие нарушалось здесь лишь

траурным шелестом платьев, с которым рассаживались по своим местам женщины. Никто не помнил, чтобы в церкви когда-нибудь собиралось столько народу. И наконец, наступила полная ожидания пауза, настороженная тишь, и вошла тетя Полли, за нею Сид с Мэри, а следом и семейство Харперов, все в черном, — прихожане вместе со старым священником встали, как один человек, и стояли, пока скорбящие не опустились на первую скамью. Еще одна минута общего молчания, нарушаемого лишь приглушенными рыданиями, а затем священник простер перед собою руки и приступил к молитве. Прихожане пропели трогательный гимн, за ним последовала проповедь на тему: «Я есмь воскресение и жизнь».

Служба продолжалась, священник рисовал картины такой добродетельности, обаяния и редкостной одаренности усопших детей, что каждый из прихожан, признавая истинность этих картин, проникся горькими сожалениями о том, что не смог углядеть в бедных мальчиках всех названных достоинств, а видел одни лишь изъяны да недостатки. Затем священник стал пересказывать трогательные случаи из жизни покойных, также доказывавшие доброту их и

великодушие, и у всякого, кто слушал его, открылись глаза, всякий увидел, сколько благородства и красоты содержали в себе поступки мальчиков, и укорил себя за то, что счел когда-то каждый из них шкодливой выходкой, заслуживавшей лишь хорошей порки. Прихожане умилялись все пуще, речи священника становились все более трогательными и, наконец, вся церковь соединилась со скорбящими родственниками мальчиков в хоре горестных рыданий, — да и сам священник дал волю чувствам и заплакал, склонившись над кафедрой.

Между тем, с хоров донеслись некие шорохи, коих никто не заметил; а миг спустя скрипнула дверь церкви. Священник отнял от мокрых очей носовой платок и ошеломленно замер! Одна, другая пара глаз последовала за взглядом священника, и вот вся паства в едином порыве вскочила на ноги и уставилась на троицу вышагивавших по проходу новопреставленных отроков — впереди шел Том, за ним Джо, а следом оробелый, весь в обвислых лохмотьях Гек! До этой минуты они прятались на пустых хорах, слушая посвященную им заупокойную службу!

Тетя Полли, Мэри, Харперы бросились к своим воскресшим детям и осыпали их поцелуями, воз-

нося благодарения богу, а бедный Гек стоял тем временем в сторонке, сконфуженно переминаясь с ноги на ногу, не понимая, как ему поступить и куда укрыться от множества неприязненных взглядов. Постояв так немного, он совсем уж собрался улизнуть, но тут Том схватил его за руку и сказал:

— Это неправильно, тетя Полли. Должен же кто-то и Геку обрадоваться.

— И обрадуются, все обрадуются! Я так рада видеть его, бедного сиротку!

И любовное внимание тети Полли излилось на Гека, сконфузив его еще и сильнее прежнего.

Но тут священник воскликнул во весь голос:

— Восславим Господа, подателя всех благ — *и споем!* — споем от всего сердца нашего!

И все запели. Благодарственный гимн вознесся в торжествующем порыве к стропилам церкви и сотряс их, а Том Сойер Пират, оглядев обступивших его, снедаемых завистью мальчиков, признался себе, что это — величайший миг его жизни.

Покидая церковь, «облапошенные» прихожане говорили друг другу, что готовы еще раз оказаться в дураках, лишь бы услышать такое же исполнение старинного гимна.

В этот день Том получил больше подзатыльников и поцелуев — настроение тети Полли то и дело менялось, — чем зарабатывал прежде за год, однако решить, которые из них лучше выражают ее благодарность Богу и любовь к нему, так и не смог.

Глава XVIII
Том пересказывает свой удивительный сон

Вот в этом-то и состояла великая тайна Тома — в замысле касательно того, как он и его собратья-пираты вернутся в родной городок, чтобы поприсутствовать на собственных похоронах. До миссурийского берега они добрались, едва забрезжила субботняя заря, переплыв реку верхом на бревне и высадившись в пяти-шести милях ниже городка, потом поспали немного на опушке ближайшего к нему леса, а когда совсем рассвело, прокрались задними проулками и улочками к церкви и доспали свое на хорах, среди неразберихи поломанных скамей.

В понедельник утром, за завтраком, тетя Полли и Мэри обходились с Томом необычайно ласково, наперебой исполняя любое его желание. Да и разговор за столом велся непривычно живой. И, помимо прочего, тетя Полли сказала:

— Что же, Том, я бы не назвала это удачной шуткой, — заставить всех промучиться почти неделю, пока вы, мальчики, весело проводили

время, и уж совсем нехорошо, что тебе хватило жестокосердия причинить такие страдания *мне*. Если ты смог переплыть на бревне реку, чтобы явиться на ваши похороны, то мог бы, наверное, переплыть ее и раньше, и подать мне какой-нибудь знак, что ты не *умер*, а всего-навсего убежал.

— Верно, Том, уж это ты сделать мог бы, — сказала Мэри, — да я не сомневаюсь, и сделал бы, если бы подумал об этом.

— Ведь правда, Том? — спросила тетя Полли и лицо ее осветила робкая надежда. — Скажи, сделал бы, если бы подумал?

— Я… ну, не знаю. Ведь я тогда все испортил бы.

— Ах, Том, я надеялась, что ты меня любишь хотя бы настолько, — сказала тетя Полли горестным тоном, от которого сердце мальчика сжалось. — Как было бы хорошо, если бы ты оказался до того заботливым, чтобы хоть *подумать* об этом, пусть даже не *сделать*.

— Право, тетушка, он же это не со зла, — заступилась за Тома Мэри, — а от одного только легкомыслия. Таков уж наш Том — все впопыхах, а подумать у него и времени нет.

— Ну и тем хуже. Вот Сид подумал бы. И не

только подумал, Сид вернулся бы и *сделал* это. Когда-нибудь, Том, ты оглянешься назад и пожалеешь, что совсем обо мне не заботился, хоть это ничего тебе и не стоило, пожалеешь — да поздно будет.

— Но, тетя, вы же знаете, как я вас люблю, — сказал Том.

— Знала бы, если бы за твоими словами следовали поступки.

— И я сам жалею теперь, что не подумал об этом, — покаянно сказал Том, — зато вы мне приснились, это ведь тоже что-нибудь да значит, правда?

— Не так уж и много, — меня вон и кот во сне видит, — но все-таки лучше, чем ничего. И что же тебе приснилось?

— Да вот, ночью в среду мне привиделось, что вы сидите здесь, у кровати, а вон там, у дровяного ящика, Сид сидит и Мэри тоже.

— Да, так мы и сидели. Мы всегда так садимся. Что же, спасибо и на том, что ты потрудился хотя бы во сне повидаться с нами.

— И еще мне приснилось, что здесь была мать Джо Харпера.

— Верно, была! А что еще ты видел?

— Да много чего. Правда, теперь у меня все

как-то смазалось, замутилось.

— Ну, постарайся, припомни, — ведь ты же можешь!

— Я вроде бы помню, что ветер… ветер чуть не задул эту… ну как ее…

— Ах, да постарайся же, Том! Ветер чуть не задул… Ну же!

Том с минуту просидел, прижав ко лбу пальцы, а после объявил:

— Вспомнил! Вспомнил! Свечу он чуть не задул!

— Милость Господня! Продолжай же, Том — продолжай!

— И вы, помнится, сказали: «Сдается мне, дверь у нас…».

— Да продолжай же, Том!

— Постойте, дайте подумать немного — ну хоть секунду. Ах да… вы сказали, что, кажется, она отворилась.

— Не сойти мне с этого места, так все и было! Ведь правда, Мэри? А дальше?

— А дальше… дальше… ну, тут я не уверен, но, по-моему, вы велели Сиду встать и… и…

— Ну? Ну? Что я ему велела, Том? Что велела сделать?

— Вы велели ему … вы… А, дверь велели за-

крыть!

— Боже ты мой! Отродясь такого не слышала! И не говорите мне теперь, будто в снах нет никакой правды. Вот непременно расскажу об этом Сирини Харпер, еще и на час постареть не успею. Она все время о суевериях рассуждает — интересно будет посмотреть, что она скажет *об этом*. Продолжай, Том!

— О, теперь-то я уже ясно все вижу, ясно, как день. Потом вы сказали, что я не был *дурным* мальчиком, просто безалаберным шалуном и ответственности у меня было не больше, чем… чем… по-моему, вы сказали, у жеребенка или еще кого.

— Так все и было! Господь всемилостивый! Продолжай, Том!

— А потом заплакали.

— Истинно так. Истинно. И не в первый раз, надо сказать. А потом…

— Тут миссис Харпер тоже заплакала и сказала, что Джо точно такой же, и пожалела, что высекла его за сливки, которые она сама же и вылила…

— Том! Это на тебя Святой Дух снизошел. Ты пророчествовал — вот что ты делал! Боже праведный, продолжай, Том!

— А после Сид сказал… он сказал…

— По-моему, я ничего не говорил, — встрял Сид.

— Говорил, Сид, — одернула его Мэри.

— Закрой рот и дай Тому продолжить! Так что он сказал, Том?

— Он сказал… *по-моему*, он сказал, будто надеется, что мне хорошо там, куда я ушел, но, если бы я *здесь* вел себя получше…

— *Вот оно*, слышите?! Точные его слова!

— И вы велели ему замолчать.

— Да еще как велела! Нет, здесь наверняка ангел был. Где-то здесь *прятался* ангел!

— А миссис Харпер рассказала, как Джо напугал ее хлопушкой, а вы ей про Питера и «Болеутолитель»…

— Воистину так!

— Потом вы все заговорили о том, как нас в реке искали, и про похороны в воскресенье, а после вы с миссис Харпер обнялись, и она ушла.

— Все так и было! Все так и было, не сойти мне с этого места. Том, большего ты рассказать не смог бы, даже если бы сам тут с нами сидел. А что было после? Продолжай, Том!

— После вы, помнится, помолились за меня, и я видел вас и слышал каждое ваше слово. И вы легли спать, а мне стало так жалко вас, что я взял да

и написал на кусочке коры: «Мы не умерли — мы только в пираты ушли» и положил его на стол у свечи; а вы спали и выглядели такой доброй, что, по-моему, я наклонился к вам и поцеловал вас в губы.

— Ты поцеловал меня, Том, *поцеловал*! Вот за это я тебе все готова простить! — и старушка сжала мальчика в объятиях столь крепких, что он почувствовал себя окончательным негодяем.

— Очень мило с его стороны, даже при том, что это всего только… сон, — еле слышно произнес Сид.

— Умолкни, Сид! Всякий человек поступает во сне так, как поступал бы наяву. Вот тебе самое большое яблоко, Том, для тебя берегла, все думала, а вдруг он вернется, — а теперь иди в школу. Благодарение Господу и Отцу всех живущих за то, что Он вернул мне тебя, за долготерпение и милосердие, которое Он являет всем, кто верит в Него и блюдет заповеди Его. Бог видит, конечно, что я Его милостей недостойна, так ведь, если бы только достойные и получали благословение Господне, если бы только к ним простирал Он длань Свою и выручал из беды, мало кто улыбался бы здесь и мало кто вкушал бы покой Его долгими ночами. Да ступайте же, Сид, Мэри, Том, — уби-

райтесь, хватит уже путаться у меня под ногами!

И дети отправились в школу, а старушка поспешила к миссис Харпер, чтобы ниспровергнуть ее материализм пересказом чудесного сна Тома. Сиду хватило ума не высказать, покидая дом, мысль, которая вертелась у него в голове. А мысль была вот какая: «Странно, однако ж, — такой длинный сон и ни единой ошибки!».

Но в какого героя обратился теперь Том! Он больше уж не подпрыгивал на ходу и ногами кренделей не выписывал, но выступал горделиво, как и положено пирату, сознающему, что к нему приковано всеобщее внимание. А так оно и было; Том делал вид, что не замечает бросаемых на него взглядов, не слышит никаких замечаний на свой счет, однако они были для него все равно, что хлеб и вода. Мальчики помладше толпой валили за Томом, так же гордясь тем, что их видят с ним рядом, что он терпит их общество, как если бы Том был возглавлявшим некое шествие барабанщиком или слоном, вступающим в город, ведя за собой бродячий зверинец. Мальчики же его возраста притворялись, будто и не слышали о побеге Тома, и тем не менее, их снедала злая зависть. Чего бы они только ни отдали за его густой загар, за блеск его славы, которую сам он

не согласился бы обменять и на целый цирк.

В школе дети подняли вокруг него и Джо столько шума, из всех обращенных на них глаз изливалось такое восхищение, что в самом скором времени два героя преисполнились несносного высокомерия. Они начали рассказывать жадным слушателям о своих приключениях, но всего только начали — конца их рассказу не предвиделось, поскольку воображение подкидывало им все новые и новые подробности. А уж когда оба достали трубки и принялись невозмутимо попыхивать ими, слава обоих достигла наивысших пределов.

Том решил, что может теперь обойтись и без Бекки Тэтчер. Довольно с него и славы. Ради нее и будет он жить отныне. Теперь, когда он стал такой знаменитостью, Бекки, наверное, захочет с ним помириться. Что же, пусть попробует — увидит, что и он может быть таким же холодным, как некоторые другие. И вот она появилась. Том притворился, что не замечает ее. Отошел в сторонку и завел разговор с компанией мальчиков и девочек. Вскоре он отметил, что Бекки резво носится по двору, что лицо ее раскраснелось, а глаза пританцовывают, что она делает вид, будто увлеченно гоняется за подругами, что заливается

тонким смехом, когда ей удается поймать одну из них. Отметил он и то, что такая удача неизменно постигает Бекки вблизи от него, что при каждой поимке она поглядывает в его сторону. Наблюдения эти польстили обозленному тщеславию Тома, но сердца его не смягчили, нет, они лишь распалили мальчика еще пуще и заставили с еще большим усердием следить за тем, чтобы не показать ненароком, будто ему есть до нее дело. Кончилось тем, что резвиться Бекки перестала, — она нерешительно подошла поближе к Тому и даже вздохнула раз или два, украдкой бросая на него томные взгляды. А затем сообразила вдруг, что с рассказами своими Том обращается скорее к Эмми Лоренс, чем к кому-либо другому. Острая боль пронзила сердце Бекки, она смутилась, вознегодовала — и все это сразу. Ей захотелось уйти, однако ноги ее не послушались и понесли прямиком к тем, кто окружал Тома. И Бекки с деланной живостью сказала девочке, стоявшей бок о бок с ним:

— О, Мэри Остин! Какая ты нехорошая — ты почему не пришла прошлый раз в воскресную школу?

— Я пришла — разве ты меня не видела?

— Да нет! Пришла? Но где же ты была?

— Где и всегда, в классе мисс Питерс. Я-то тебя видела.

— Правда? Как странно, что я тебя проглядела. Ведь мне так хотелось рассказать тебе про пикник.

— Ой как интересно. А кто его устраивает?

— Моя мама хочет устроить его для меня.

— Как хорошо! А *мне* она позволит прийти?

— Конечно, позволит. Это же мой пикник. Кого я приглашу, тем она прийти и позволит, а я тебя приглашаю.

— Какая ты милая. А когда?

— Да скоро уже. Может быть, на каникулах.

— Замечательно! Ты думаешь всех девочек и мальчиков пригласить?

— Да, каждого, кто дружит со мной — или хочет дружить, — и Бекки исподволь взглянула на Тома, однако Том продолжал описывать Эмми Лоренс ужасную грозу на острове и то, как молния разбила «в щепу» огромный платан, от которого он стоял «всего в трех футах».

— А можно и я приду? — спросила Грейси Миллер.

— Да.

— А я? — спросила Салли Роджерс.

— Да.

— И мне тоже можно? — спросила Сьюзи Харпер. — И Джо?

— Конечно.

Так оно и тянулось, пока все, радостно хлопая в ладоши, не напросились на приглашение — все, кроме Тома и Эмми. Том, продолжая свой рассказ, холодно отвернулся и отошел вместе с Эмми в сторонку. Губы Бекки задрожали, на глаза навернулись слезы, однако она укрыла обиду под натужной веселостью и продолжала щебетать, хоть мысль о пикнике и утратила для нее обаяние, да и все остальное тоже. Девочка поспешила укрыться от чужих глаз и проделала то, что называется у представительниц ее пола «вдоволь нареветься». А потом просто сидела, угрюмая, терзаемая израненой гордостью, пока не ударил школьный колокол. И тогда Бекки встала, тряхнула косами и сказала себе, с мстительным блеском в глазах, что теперь она *знает*, как ей поступить.

На перемене Том, охваченный самодовольным ликованием, снова принялся ухаживать за Эмми. И все разгуливал с ней по двору, стараясь отыскать Бекки и уязвить ее представлением, которое он разыгрывал. И, наконец, отыскал, а отыскав, тут же и скис. Бекки, с удобством расположившись на скамеечке за зданием школы,

разглядывала вместе с Альфредом Темплом картинки в какой-то книжке, — и оба были до того поглощены этим занятием, что забыли, казалось, обо всем на свете. Эти двое еще и щеками едва не касались друг дружки! Жгучая ревность опалила Тома. Он уже возненавидел себя за то, что отверг все предпринятые Бекки попытки примирения. Он назвал себя идиотом и осыпал всеми ругательствами, какие только сумел припомнить. Его обуяла такая досада, что он чуть не расплакался. Эмми, чье сердце пело от счастья, весело тараторила что-то, шагая с ним рядом, а он словно язык проглотил. Он не слышал того, что говорила Эмми, и когда она умолкала, ожидая ответа, лишь бормотал в знак согласия нечто бессвязное, да по большей части и неуместное. Ноги же Тома раз за разом приносили его на задний двор, чтобы еще раз обжечь ему душу ненавистной картиной. Он просто не мог ничего с ними поделать. В особое же исступление приводило его то, что Бекки Тэтчер, казалось (то есть это Тому так казалось), забыла даже о том, что он вообще существует на свете. Хотя она, разумеется, видела его и понимала, что выигрывает сражение, и радовалась, что Том страдает так же, как заставил страдать ее.

Радостная болтовня Эмми становилась невы-

носимой. Том пару раз намекнул ей, что у него имеются некие не терпящие отлагательств дела. Тщетно — девочка продолжала щебетать, как ни в чем не бывало. «Ах, пропади ты пропадом, как же мне от тебя избавиться?» — думал Том. В конце концов, он заявил напрямик, что должен заняться этими самыми делами, — она же простодушно сообщила, что после уроков «будет здесь». И Том поспешил покинуть Эмми, возненавидев ее еще сильнее.

«Ну хоть бы другой кто-нибудь! — думал Том, скрежеща зубами. — Любой мальчишка, а не этот расфуфыренный хлыщ, прикативший из Сент-Луиса и строящий из себя аристократа! Ну ладно, я уже накостылял тебе в день твоего приезда и еще накостыляю! Подожди, попадешься ты мне в руки! Вот уж тогда я...».

И Том вступил в бой с воображаемым врагом — месил кулаками воздух, лягался и уворачивался от ударов. «Ну что, получил, получил? Пощады просишь? Так вот тебе напоследок, чтобы знал!». В общем, будущее побоище завершилось полной его победой.

А в полдень Том сбежал домой. Совесть его не могла и дальше сносить благодарное счастье Эмми, а ревность — терпеть то, другое злосчастье.

Бекки вновь принялась рассматривать с Альфредом картинки, однако минуты шли, страдающего Тома нигде видно не было, торжество ее начало омрачаться, и она утратила к книжке всякий интерес — на смену ему явилась рассеянная хмурость, а там и грусть; раза два или три она навостряла уши, заслышав чьи-то шаги, однако надежда обманывала ее — Том не появлялся. В конце концов, она совершенно пала духом и пожалела, что зашла так далеко. Бедный Альфред, заметив ее непонятное равнодушие, продолжал восклицать: «А вот еще интересная картинка! Посмотрите!», и Бекки, потеряв, наконец, терпение, сказала: «Да отстаньте вы! Не нужны мне ваши картинки!» — и залилась слезами, и встала, и пошла прочь от него.

Альфред засеменил следом, пытаясь утешить девочку, но Бекки заявила:

— Уйдите, оставьте меня в покое! Я вас ненавижу!

Мальчик замер на месте, гадая, что он такого сделал — она же обещала смотреть с ним картинки всю полуденную перемену, — а плачущая Бекки удалилась. Альфред, теряясь в догадках, забрел в опустевшую школу. Он был унижен и зол. И вскоре истина открылась ему — Бекки просто-

напросто воспользовалась им, чтобы насолить Тому Сойеру. От этой мысли ненависть к Тому вспыхнула в нем с новой силой. Ему захотелось устроить этому негодяю какую-нибудь пакость, но так, чтобы не пострадать самому. И тут он увидел на парте оставленный Томом учебник. Удобнейший случай! Альфред, возблагодарив судьбу, открыл его на предстоящем уроке и залил страницу чернилами.

Бекки, заглянувшая в этот миг в окно, к которому Альфред стоял спиной, увидела, что он делает, и тихонько, не обнаружив себя, отступила от окна. Она поспешила домой, намереваясь найти Тома и все ему рассказать — Том поблагодарит ее и все их горести останутся позади. Однако, пройдя всего лишь половину пути, Бекки передумала. Ей вспомнилось, как обошелся с ней Том, когда она приглашала всех на пикник, и стыд ожег ее душу. Нет уж, пусть его высекут за испорченный учебник, она не станет мешать этому, потому что ненавидит его и будет ненавидеть до конца своих дней!

Глава XIX
Жестокое «Я не подумал»

Домой Том пришел в настроении пресумрачном, однако первые же слова, услышанные им от тети Полли, показали, что здесь ему утешения не найти.

— Том, я с тебя шкуру заживо сдеру!

— Но что я такое сделал, тетя?

— Да уж сделал, и предостаточно. Я прихожу к Сирини Харпер, думаю, старая дура, что она поверит во всю чепуху, которую ты нагородил тут насчет твоего сна, и пожалуйста, она уже слышала от Джо, что ты побывал той ночью в доме и подслушал все наши разговоры. Не знаю, Том, кто может вырасти из мальчика, который позволяет себе такие поступки. Мне так горько думать, что ты мог, не сказав ни слова, позволить мне пойти к Сирини Харпер, чтобы я выставила себя на посмешище.

Да, теперь Том увидел случившееся с новой для него стороны. До этой минуты, утренняя уловка его представлялась мальчику и остроумной, и изобретательной. Теперь же она выглядела

попросту убогой и подлой. Он свесил голову и поначалу не смог найти никаких слов. Но затем сказал:

— Тетушка, мне жаль, что я так поступил — я не подумал.

— Ах, дитя, ты никогда не думаешь. Ни о чем, кроме собственных удовольствий. Ты вон додумался приплыть сюда ночью с острова Джексона, чтобы посмеяться над нашими бедами, додумался, как одурачить меня враньем про твой сон, а додуматься до того, что нас можно бы и пожалеть, уберечь нас от горя, — куда там.

— Тетушка, теперь я понимаю, что это было низко, но я тогда ничего низкого и в мыслях не имел. Честное слово, не имел. И потом, я пробрался сюда вовсе не для того, чтобы смеяться над вами.

— А для чего же еще?

— Я хотел дать вам знать, что горевать по нам не надо, потому что мы вовсе не утонули.

— Ах, Том, Том, да если бы я поверила, что ты способен на такую заботливость, благодарнее меня не было бы человека на свете, но ты же знаешь — нет, не способен, — и я это знаю, Том.

— Но я же для этого и переплыл реку, тетя, — вот провалиться мне на этом месте.

— Ах, Том, не лги, не надо. Мне от этого только в сто раз хуже станет.

— Я не лгу, тетя, я правду говорю. Я не хотел, чтобы вы убивались, только потому и приплыл.

— Я отдала бы все на свете, лишь бы поверить тебе, Том, — такой поступок искупил бы все твои грехи. Я даже порадовалась бы тому, что ты убежал из дома и вел себя так дурно. Да ведь как в это поверишь, ты же так ни о чем нам знать и не дал, а почему?

— Понимаете, тетя, когда вы заговорили о похоронах, я вдруг представил, как мы приплывем сюда и спрячемся в церкви, ну и не смог отказаться от такой хорошей мысли. Поэтому я засунул кору обратно в карман и ушел.

— Какую еще кору?

— Ну, ту, на которой написал, что мы ушли в пираты. Теперь-то я думаю, что лучше бы вы проснулись, когда я вас поцеловал, — я правда так думаю.

Морщинистое лицо тети Полли разгладилось, в глазах ее засветилась нежность.

— Так ты *поцеловал* меня, Том?

— Ну конечно, тетя.

— Ты в этом уверен?

— Ну а как же, тетя, — конечно, уверен.

— А почему ты меня поцеловал, а, Том?

— Потому что я так вас любил в ту минуту, а вы лежали здесь и стонали, и мне стало вас очень жалко.

Что же, слова эти походили на правду. И старушка, не справившись с дрожью в голосе, сказала:

— Поцелуй меня еще раз, Том! — ну вот, а теперь беги в школу, не мешай мне.

Как только он удалился, тетя Полли подбежала к чулану и вытащила из него то, что еще уцелело от куртки, в которой пиратствовал Том. Но тут же и замерла, держа крутку в руках, и сказала себе:

— Нет, не решусь я на это. Бедный мальчик, конечно же, он солгал мне, — но ведь это святая ложь, святая, и она так меня утешила. Я надеюсь, Господь… нет, я *знаю*, Господь простит его, потому что солгал он от доброты сердечной. А я не хочу убеждаться в том, что он солгал. Не буду ничего проверять.

Она вернула куртку в чулан, постояла с минуту, раздумывая. Дважды рука ее снова тянулась к куртке и дважды отдергивалась. Но, наконец, тетя Поли протянула руку в третий раз, укрепив свою решимость мыслью: «Это благая ложь — да, благая — и она ничуть меня не огорчит». Старушка залезла в карман куртки и миг спустя уже

читала сквозь слезы слова, которые Том написал на коре, и говорила себе: «Вот теперь я прощу моего мальчика, даже если он совершит миллион грехов!».

Глава XX
Том спасает Бекки от порки

Что-то, присутствовавшее в поцелуе тети Полли, сняло подавленность Тома, как рукой, на сердце у него снова стало легко и весело. Он направился к школе и в самом начале Луговой улицы удача свела его с Бекки Тэтчер. А поскольку настроение Тома всегда определяло его поступки, он, ни секунды не поколебавшись, подбежал к ней и сказал:

— Сегодня я вел себя очень гадко, Бекки, и жалею об этом. Я никогда, никогда больше так не поступлю, до конца моих дней — прости меня, ладно?

Девочка остановилась и смерила его презрительным взглядом:

— Спасибо, что не стали навязывать мне ваше общество, мистер Томас Сойер. Я с вами больше не разговариваю.

И, тряхнув головой, пошла дальше. Тома ее слова огорошили до того, что ему не хватило даже присутствия духа сказать: «Ну и наплевать, мисс Воображала!», а когда он собрался с

мыслями, подходящее для такого высказывания время было уже упущено. Поэтому Том не сказал ничего. Но разозлился ужасно. В школьный двор он вступил, помрачнев пуще прежнего, жалея, что Бекки не мальчишка, и воображая, как бы он тогда ее отмутузил. Столкнувшись с ней во дворе, он произнес пару язвительных слов. Она выпалила в ответ, нечто под стать им и разрыв детей стал окончательным. Негодование Бекки ощущала такое, что ждала и дождаться не могла начала урока, уж больно ей хотелось увидеть, как Тома высекут за испорченный учебник. Если ее и посетило ненадолго желание разоблачить Альфреда Темпла, то теперь оно сгинуло, не оставив и следа.

Бедная девочка, она и ведать не ведала, какие неприятности ждут ее в самом что ни на есть близком будущем. Учитель, мистер Доббинс, достиг средних лет, так и не удовлетворив своих честолюбивых устремлений. Главным из них было желание стать врачом, однако бедность распорядилась так, что выше положения учителя в захудалом городишке подняться ему не удалось. Каждый день он доставал из своего стола некую загадочную книгу и, если никто из учеников не отвечал в это время затверженного урока, углуб-

лялся в нее. Книгу свою он держал под замком. Не было в школе ребенка, не мечтавшего заглянуть в нее хоть краешком глаза, однако такой случай никому еще не представился. У каждого мальчика и у каждой девочки имелась теория касательно ее содержания, но ни одна из них не походила на другую, а факты, способные подкрепить хоть какую-то, отсутствовали. Теперь же Бекки, проходя мимо стоявшего у самой двери класса учительского стола, заметила, что из ящика его торчит ключ! Какая бесценная удача! Она огляделась вокруг — никого не увидела и в следующий миг уже держала книгу в руках. Титульный лист: профессор Такой-то, «Анатомия», — ничего ей не сказал, и Бекки перелистнула страницу. И сразу же увидела прекрасно награвированный и расцвеченный фронтиспис — изображение совершенно голого мужчины. Но тут на книгу легла тень, это Том Сойер, вступив в класс, тоже увидел картинку. Бекки схватилась за книгу, чтобы захлопнуть ее, и, себе на беду, разодрала картинку почти до середины. Она бросила книгу в ящик стола, повернула ключ и закричала в стыде и страхе:

— Том Сойер, как вам хватает низости подкрадываться к людям и подглядывать, на что они

смотрят?

— Откуда ж мне было знать, что ты на что-то смотришь?

— Стыдитесь, Том Сойер, вы же знаете, что донесете на меня, и что мне тогда делать, о, что мне делать? Меня высекут, а меня никогда еще не секли.

Бекки притопнула ножкой и прибавила:

— Ну и ладно, *хотите* подличать, пожалуйста! *Я* тоже про вас кое-что знаю. Вот подождите, увидите что с вами будет! Гадкий, гадкий, гадкий! — и, восклицая так, Бекки выскочила из класса.

Том постоял немного, озадаченный ее вспышкой. А затем сказал себе:

«Удивительная, все-таки, дура! Не секли ее никогда! Тоже мне, невидаль, порка! Девчонки они все такие — неженки и трусихи. Я-то, конечно, ничего старику Доббинсу не скажу, найду, как с ней поквитаться, и без такой подлости, да толку-то! Старик Доббинс спросит, кто порвал его книгу. Никто не признается. И тогда он проделает то же, что и всегда, — начнет спрашивать каждого по очереди и, когда дойдет до нее, поймет все и без ответа. Девчонок же вечно лица выдают. Твердости характера, вот чего им не хватает. И

ее высекут. Да, положение у Бекки Тэтчер безвыходное.»

Том поразмыслил еще немного и добавил:

«А, ладно, если бы я в такую передрягу попал, она бы только обрадовалась — вот и пусть теперь узнает, где раки зимуют!»

И Том присоединился к резвившимся во дворе школьникам. Через пару минут появился учитель и начался урок. Большого интереса к занятиям Том не испытывал. Он поглядывал в сторону девичьей половины класса и лицо Бекки пугало его все сильнее. Вообще говоря, жалеть ее он вовсе не собирался, однако жалел и ничего с собой поделать не мог. Как-то не испытывал он торжества, достойного такого названия. Затем учитель обнаружил ущерб, нанесенный учебнику Тома, и на какое-то время мысли мальчика полностью отвлеклись от Бекки. Она же очнулась от горестного оцепенения и принялась с изрядным интересом наблюдать за происходившим. Бекки не ожидала, что Тому удастся отвертеться от наказания с помощью уверений в том, что никаких чернил он на учебник не проливал, и оказалась права. Когда учитель протянул руку к розге, Бекки вновь охватило желание встать и обличить Альфреда Темпла, однако она, сделав

над собою усилие, осталась сидеть — потому, сказала себе Бекки, что «он же донесет, что это я порвала картинку. Ни слова не произнесу, даже ради спасения его жизни!».

Том получил порцию розог и вернулся на свое место отнюдь не убитым горем, поскольку думал, что, может, и вправду залил учебник чернилами во время какой-то возни во дворе и сам того не заметил; вину свою он отрицал проформы ради, а еще потому, что этого требовал обычай, вот он и отнекивался — из принципа.

Прошел час, учитель сидел, клюя носом, на своем троне, воздух класса наполняло дремотное гудение зубрежки. Но наконец, мистер Доббинс выпрямился, зевнул, отпер ящик стола и протянул руку к книге, — казалось, впрочем, что он еще не решил, достать ее или оставить на месте. Некоторое время мистер Доббинс рассеянно постукивал по ней пальцами, но затем вынул книгу из ящика и поудобнее устроился в кресле, собираясь приступить к чтению! Том бросил взгляд на Бекки. Она походила на затравленного, беспомощного кролика, в которого уже прицелился охотник. И Том мгновенно забыл о ссоре с ней. Скорее — нужно что-то сделать! сейчас же! Однако сама неотвратимость нависшей на Бекки

беды сковала изобретательность Тома. Да! — вот оно! Он выхватит книгу из рук учителя, бросится с ней к двери и удерет! Но нет — решение это чуть-чуть запоздало, шанс оказался упущенным — учитель открыл книгу! Ах, если бы Тому снова представилась такая возможность! А теперь уже поздно. Теперь, сказал он себе, Бекки уже не спасти. В следующее мгновение учитель обвел класс взглядом. И было в этом взгляде нечто такое, от чего страх пронял даже детей решительно ни в чем не повинных. Молчание длилось долго, можно было успеть до десяти сосчитать, — учитель наливался гневом. И наконец, он спросил:

— Кто из вас порвал эту книгу?

Ни звука. Урони кто-нибудь из детей булавку, все бы это услышали. Новое молчание, учитель вглядывался в лица школьников, ища среди них виноватое.

— Бенджамин Роджерс, это вы порвали книгу?

Отрицание. Новая пауза.

— Джозеф Харпер, вы?

Снова отрицание. От этой медленной пытки тревога Тома все росла и росла. Учитель перебрал всех мальчиков, ненадолго задумался и принялся за девочек.

— Эмми Лоренс?

Эмми покачала головой.

— Грейси Миллер?

То же самое.

— Сьюзен Харпер, это ваших рук дело?

Нет, не ее. Следующей была Бекки Тэтчер. Тома трясло от волнения, от ощущения безнадежности.

— Ребекка Тэтчер — (Том увидел ее лицо, оно было белым от ужаса), — это вы разорвали… нет, смотрите мне в глаза — (девочка умоляюще подняла перед собой ладони) — это вы разорвали книгу?

Мысль, озарившая Тома, походила на молнию. Он вскочил на ноги и крикнул:

— Это *я* ее разорвал!

Все глаза устремились — вытаращенные — на невиданного безумца. Том постоял, собираясь с пошедшими вразброд мыслями, а когда шагнул навстречу наказанию, изумление, благодарность, преклонение, засветившиеся в глазах бедной Бекки, показались ему наградой, за которую он пошел бы и на сотню порок. Вдохновленный величием своего поступка, он, не пикнув, выдержал самую жестокую из расправ, какой мистер Доббинс когда-либо подвергал школьника, и с безразличием принял дополнительную же-

стокость учителя: приказ на два часа остаться в школе после окончания уроков, — ибо знал, кто будет ждать снаружи конца его заточения, и потому не считал, что эти томительные часы окажутся для него потерянными.

В тот вечер Том улегся в постель, обдумывая планы отмщения Альфреду Темплу, — охваченная стыдом и раскаянием Бекки рассказала ему все, не забыв и о собственном предательстве. Но даже жажда мести сменилась вскоре воспоминаниями куда более сладкими и, засыпая, Том все еще слышал ее прощальные слова:

— Ах, Том, как *мог* ты быть таким великодушным!

Глава XXI
Красноречие — и раззолоченная макушка учителя

Приближались каникулы. Школьный учитель, и всегда-то строгий, стал еще строже и взыскательнее, ибо желал, чтобы в день «экзамена» ученики его блеснули, как никогда. Теперь его розга и линейка бездействовали редко — по крайней мере, в младших классах. От порки были избавлены лишь самые старшие мальчики да девицы лет восемнадцати-двадцати. А рука у мистера Доббинса была тяжелая, — он хоть и укрывал под париком поблескивавшую лысину, однако достиг всего лишь зрелых лет и мышцами обладал далеко не слабыми. По мере приближения великого дня, в учителе все яснее обозначалась врожденная склонность к тиранству, — казалось, он испытывал мстительное наслаждение, карая учеников за малейшие проступки. В результате, мальчики помладше проводили дни в страхе и страданиях, а по ночам обдумывали планы мести. Они не упускали ни единой возможности подложить учителю

свинью. Однако учитель и тут брал над ними верх. За каждым их успехом следовало возмездие столь сокрушительное и грозное, что мальчики неизменно покидали поле брани разбитыми наголову. В конце концов, они составили заговор и измыслили план, обещавший блистательный триумф. Они привели к присяге сына местного маляра, открыли ему свой замысел и попросили его о помощи. У мальчика имелись свои причины для того, чтобы с наслаждением присоединиться к ним, поскольку учитель квартировал у его отца и давал ему множество поводов для неприязни. Супруге мистера Доббинса предстояло в скором времени отбыть с визитом к сельской родне, и стало быть, помешать исполнению плана ничто не могло, — благо, метода, посредством которой учитель готовился к важным событиям, состояла в том, что он напивался допьяна. Сын маляра заверил заговорщиков, что, когда школьный пастырь достигнет под вечер Экзаменационного Дня должного состояния и задремлет в кресле, он, сын маляра, «провернет все дельце», а после разбудит учителя в такое время, что ему придется спешно бежать в школу.

И вот знаменательный день настал. К восьми вечера школа была ярко освещена и украшена

свитыми из цветов и листьев венками и гирляндами. Учитель сидел на своем троне посреди высокого помоста, за спиной его стояла аспидная доска. Вид учитель имел пьяноватый, но в пределах терпимого. Ряды скамей — три по каждую сторону от него и шесть прямо перед ним — были заняты именитыми гражданами городка и родителями учеников. Слева от учителя, за рядами достойных граждан, возвышался еще один помост, на нем сидели ученики, которым предстояло принять участие в торжествах этого вечера — шеренги маленьких мальчиков, отмытых и принаряженных до состояния нестерпимого неудобства; шеренги нескладных мальчиков постарше; и похожие на снежные наносы шеренги девочек и девиц в батисте и муслине, явно стеснявшихся своих обнаженных рук, бабушкиных браслетов и причесок с розовыми и синими лентами и цветами в них.

Испытания начались. Первым встал совсем маленький мальчик, прочитавший, сильно стесняясь, стишок:

Вы вряд ли ждали, что малыш незрелый

Пред вами будет выступать столь

ну и так далее, — декламация сопровождалась мучительно точными, судорожными жестами, какие мог бы производить некий механизм, слегка, впрочем, разладившийся. Однако, малышу, как ни был он перепуган, удалось добраться, не сбившись, до конца стишка и заслужить аплодисменты, под которые он натужно поклонился и покинул сцену.

Следом маленькая девочка стыдливо прошепелявила «У Мэри был ягненок» и проч., присела в жалостном книксене, получила свою порцию аплодисментов и возвратилась на место покрасневшей, но счастливой.

За нею с дерзостной самонадеянностью выступил вперед Том Сойер, начавший с положенным пылом и отчаянной жестикуляцией декламировать неувядающую и бессмертную речь: «Дайте мне свободу или дайте мне смерть», однако дойдя до середины ее, запнувшийся. Страх сцены внезапно накатил на беднягу, ноги его задрожали, казалось, он того и гляди задохнется. Конечно, он получил безусловное сочувствие публики, но получил и ее молчание, а оно было похуже любого сочувствия. Учитель нахмурился и это довершило беду. Том еще немного поборолся с речью, но

затем ретировался — поражение было полное. Слабые хлопки в зале замерли, едва начавшись.

Далее последовали «Мальчик стоял на пылающей палубе», «Ассиряне шли» и прочие перлы декламации, а за ними — чтение вслух и диктант. Отчитал положенное худосочный латинский класс. Настал черед гвоздя программы — оригинальных творений девиц из старшего класса. Девицы поочередно выходили к краю помоста, откашливались, поднимали к глазам рукописи (щегольски перевязанные ленточками) и приступали к зачтению оных, старательно налегая на «выразительность» и знаки препинания. Темы сочинений были теми же, какие назначались в подобных случаях их матерям, бабушкам и, вне всяких сомнений, каждому из предков девочек по женской линии, начиная еще с крестовых походов. «Дружба», разумеется; «Память о былом», «Религия и история», «Страна грез», «Блага цивилизации», «Сравнение и сопоставление форм политического правления», «Меланхолия», «Дочерняя любовь», «Упования сердца» и проч., и проч.

Преобладающей особенностью этих сочинений была усердно взлелеянная, забалованная меланхоличность; еще одной — расточительно

обильный поток «изысканных выражений»; еще одной — склонность тянуть в них за уши особо почитаемые слова и фразы, пока те не протрутся до дыр; и наконец, явственно отмечавшая и маравшая их закоснелая, невыносимая назидательность, вилявшая своим обгрызенным хвостом в конце всех и каждого из девичьих творений. Какими бы ни были темы сочинений, девицы норовили, вывихивая мозги, втиснуть в них нечто такое, над чем человек высоконравственный и религиозный мог бы поразмыслить с большой для себя пользительностью. Вопиющей неискренности этих назиданий явно не хватало для того, чтобы изгнать моду на них из школы; не хватает ее и ныне, да, верно, покуда стоит наш мир, так и не хватит. Нет во всей нашей стране школы, выпускницы которой не считают себя обязанными завершать свои опусы назиданием, и, внимательно приглядевшись, вы обнаружите, что самые пространные и безжалостно благочестивые из таковых выходят из-под перьев наиболее распущенных и наименее религиозных школьниц. Но довольно об этом. Горькая правда не всякому по вкусу.

Вернемся к «экзамену». Первое из зачитанных на нем творений называлось: «Так, значит, это

и есть жизнь?». Возможно, читателю удастся осилить небольшую выдержку из него:

Как упоительны чувства, с коими юная дева предвкушает, вступая на жизненную стезю, картины праздничного веселья! Воображение прилежно рисует ей радостные сцены и окрашивает их в розовые тона. В фантазиях своих сластолюбивая поборница моды видит себя окруженной нарядной толпой, все взгляды коей устремлены на нее. Ее убранное в белоснежные одеяния грациозное тело, несется и кружит в вихре счастливого танца, взоры ее блистают всех ярче, поступь ее легче, чем у всякого, кто явился в беспечное собрание это.

В таких упоенных фантазиях время летит неприметно, и вот приходит желанный час, и она вступает в сей сладостный мир, о котором столь страстно мечтала. Какие сказочные картины открываются ее зачарованным взорам! Каждая новая очаровательнее предыдущей. Однако проходят дни и она узнает, что под благовидной оболочкою этой кроется одна только суетность, что льстивые речи, которые некогда пленяли душу ее, ныне лишь ранят ей слух, что бальный зал лишился обаяния своего, и она отвращается от него, подорвав здоровье, ожесточив сердце и

уверившись, что земным удовольствиям не по силам удовлетворить посягновения души!

И так далее, и тому подобное. Время от времени по залу прокатывался удовлетворенный шумок, кое-кто даже восклицал, правда, шепотом: «Как мило!», «Какое красноречие!», «Ах, как верно!» и прочее; когда же чтение завершилось — особенно горестным назиданием, — публика разразилась восторженной овацией.

Затем встала тощая, меланхоличная девица с лицом, покрытым «интересной» бледностью, происходящей обычно от пристрастия к пилюлям и несварения желудка, и зачитала «поэму». Двух ее строф нам, думаю, будет довольно:

ПРОЩАНИЕ МИССУРИЙСКОЙ ДЕВЫ С АЛАБАМОЙ

Прощай, Алабама! Хоть райский ты сад,
Тебя я пока покидаю!
Печальные мысли мне сердце теснят
И воспоминанья чело обжигают!
В твоих я бродила цветущих лесах,
Гуляла, читала у вод Таллапусы,

Я слышала ропот в Таллассы струях,
До прихода Авроры мечтала у Кусы.
Нет, я не стыжусь любови моей
И слез, что очи мои опаляют,
Ведь не чужаку твержу я о ней
И не чужака покидаю.
В сем штате я знала приют и привет,
Все долы его в душе я лелею,
И пусть хлад гробовой поразит мою têteˣ[3],
Когда, Алабама, к тебе охладею!

Лишь очень немногие из слушателей знали, что такое *tête*, тем не менее, поэма всем изрядно понравилась.

Следом явилась девица смуглая, черноглазая и черноволосая, явилась, выдержала внушительную паузу, сделала трагическое лицо и начала читать, торжественно и мерно:

ВИДЕНИЕ

Темной и бурной была та ночь. Ни единой звезды не подрагивало у пре-

---

[3] Примечания: 3
Голова (*фр.*).

стола небес и лишь гулкие интонации могучего грома то и дело вибрировали в ушах, между тем как грозная молния свершала гневное пиршество свое в облачных горницах небес, словно презирая ту властность, с коей превозмог все ее ужасы прославленный Франклин! Даже неистовые ветра и те покинули свои мистические обители и бушевали, словно желая усилить дикую мрачность этой сцены.

В эту пору, столь темную, столь страшную, душа моя изнывала по человеческому участию, но вместо него явилась она:

> *«Подруга, наперсница и наставница, всегда внимавшая мне в тишине,*
>
> *Моя радость в печали, блаженство в восторгах» внезапно явилась ко мне.*

Она шла, подобная одному из тех великолепных существ, кои рисуются романтическому воображению юности блуждающими по солнечным тропам

Эдема, королевой красоты, украшаемой лишь собственной ее светозарной прелестью. Столь мягка была ее поступь и столь беззвучна, что, когда бы не магический трепет, которым пронзило меня ласковое ее прикосновение, она, подобно иным ненавязчивым красавицам, миновала бы меня, оставшись не замеченной мною, не узнанной. Странная грусть осенила ее черты, как осеняют мантию декабря льдистые слезы, когда она указала мне на противуборствующие стихии и повелела приступить к созерцанию тех двоих, что стояли близ нас.

Жуть эта занимала десять исписанных страниц и завершалась назиданием, с такой могучей силой сокрушавшим все надежды тех, кто не исповедует пресвитерианство, что она удостоилась первой премии. Ее сочли утонченнейшим из всех прозвучавших в тот вечер творений. Мэр городка произнес, вручая сочинительнице премию, горячую речь, заявив, в частности, что с подобным «красноречием» ему до сей поры встречаться не доводилось и что им вполне мог бы гордиться и сам Дэниел Уэбстер.

Отметим, кстати, что число сочинений, свидетельствовавших о пылкой привязанности их авторов к слову «чарующий», а также тех, в которых всякого рода житейские неурядицы именовались «страницей жизни», не превышало обычного среднего.

Далее ученикам надлежало показать знание географии, и учитель, которого уже развезло почти до благодушия, выбрался из кресла и, обратившись к публике спиной, начал изображать на доске карту Америки. Увы, рука его твердостью не отличалась и потому карта получилась столь неказистой, что по залу прокатились придушенные смешки. Понимая, что стало их причиной, учитель принялся вносить в карту исправления — стер губкой несколько линий и начертал их заново, однако новые вышли еще и покривее прежних и смешки усилились. Теперь он отдался работе целиком, решив, надо полагать, что не позволит общему веселью сбить его с избранного им пути. Он чувствовал устремленные на него взгляды, ему казалось, что дело у него идет на поправку, а между тем смех продолжался и даже усиливался. Да и было отчего! Прямо над головой учителя находился чердачный люк, а из этого люка опускалась на веревке, привязанной к ее

задним лапкам, кошка. Чтобы бедняга не мяукала, голова и челюсти ее были туго обмотаны тряпкой, кошка медленно снижалась, извиваясь, пытаясь ухватиться передними лапками за неуловимый воздух. Смех все усиливался, усиливался — кошке оставалось пропутешествовать до головы поглощенного работой учителя всего шесть дюймов, — вот она опустилась ниже, еще ниже и, наконец, сцапала отчаявшимися коготками парик учителя и в тот же миг взлетела обратно в люк, унеся с собой эту добычу! И над лысиной мистера Доббинса воссиял ослепительный свет, — ибо сын маляра *позолотил* ее!

Чем торжества и завершились. Мальчики были отомщены. Каникулы начались.[4]

---

[4] Примечания: 4

ПРИМЕЧАНИЕ. Так называемые «творения», процитированные в этой главе, позаимствованы без каких-либо изменений из книги, озаглавленной «Проза и поэзия», в качестве ее автора указана некая «Леди из западного штата». Они с такой дотошной точностью воспроизводят слог обычной школьницы, что никакие его имитации сравнения с ними не выдержали бы.

Глава XXII
Гек Финн цитирует Святое Писание

Том вступил в только что созданное «Общество юных поборников воздержания», привлеченный, главным образом, его пышными «регалиями». Он дал зарок не курить, не жевать резинку и не ругаться — во всяком случае, пока он состоит в этом обществе. И сразу же узнал нечто новое: самый верный способ заставить человека сделать что-то состоит в том, чтобы взять с него зарок именно этого и не делать. Спустя совсем недолгое время Том уже попросту изнывал от желания напиться и сквернословить, и желание это понемногу обретало такую силу, что только надежда покрасоваться перед всеми в красном шарфе Общества и удерживала Тома от выхода из него. Близилось Четвертое июля; впрочем, вскоре, — проносив свои оковы всего пару суток, — Том и думать о нем забыл, ибо возложил все упования свои на престарелого мирового судью Фрейзера, лежавшего на смертном одре, что обещало пышные похороны, коими непременно увенчалась бы

кончина столь высокопоставленного лица. Три дня Том только и жил, что новостями о состоянии судьи. По временам надежды его возвышались настолько, что он позволял себе попозировать в новых регалиях перед зеркалом. Однако судья вел себя самым неподобающим образом — то ему лучше становилось, то хуже. Наконец, было объявлено, что он пошел на поправку, — а там и о полном его выздоровлении. Тому поступок судьи внушил отвращение и обиду. Он немедля покинул Общество — и в ту же ночь судью хватил смертельный удар. Вот и верь после этого людям.

Хоронили судью с большой помпой. Юные поборники воздержания прошли по городку маршем, словно для того и задуманным, чтобы заставить их былого соратника лопнуть от зависти. Зато теперь он был сам себе господин — и на том спасибо. Теперь он мог пьянствовать и ругаться, сколько душе угодно, — но к удивлению своему обнаружил, что ему этого вовсе не хочется. Сама доступность этих тонких удовольствий уничтожала и обаяние их, и желание им предаваться.

А еще пуще удивился Том, поняв, что долгожданные каникулы стали для него тяжким бременем.

Он затеял вести дневник, однако за три дня в городке решительно ничего не произошло, и дневник был заброшен.

Затем городок посетила одна из только-только начавших возникать тогда трупп белых исполнителей негритянской музыки. Том и Джо Харпер тут же собрали собственную и были счастливы целых два дня.

Даже достославное Четвертое июля не оправдало ожиданий Тома, поскольку весь этот день лил дождь, вследствие чего шествие не состоялось, а тут еще величайший (как полагал Том) в мире человек, мистер Бентон, самый настоящий сенатор Соединенных Штатов, напрочь разочаровал его, ибо росту в нем было никаких не двадцать пять футов, даже и не близко к тому.

Приехал цирк. После его отбытия дети три дня подряд давали цирковые представления в сооруженном из драных ковров шатре, беря за вход по три булавки с мальчика и по две с девочки, но затем и цирк был упразднен.

Потом появились френолог и гипнотизер, после отбытия которых городок стал еще более унылым и скучным, чем был.

Время от времени кто-нибудь устраивал вечеринки для мальчиков и девочек, но происходили

они так редко, что мучительная пустота, разделявшая эти события, становилась лишь более мучительной.

Бекки Тэтчер уехала на каникулы к родителям, в Константинополь, лишив жизнь Тома последнего проблеска радости.

А тут еще непрестанно изводившая его страшная тайна убийства, мучительная, как открытая рана.

Кончилось все тем, что он заболел корью.

Две долгих недели Том пролежал дома, ничего не ведая ни о мире, ни о событиях, в нем происходивших. Болел он так тяжело, что утратил интерес решительно ко всему. Когда же он встал, наконец, на ноги и вышел, пошатываясь от слабости, из дому, то обнаружил, что все и вся в городке претерпело изменения самые прискорбные. В нем состоялось «религиозное возрождение» и каждый его обитатель «обрел веру» — не только взрослые, но и дети тоже. Том прошелся по городку, питая вопреки всему надежду увидеть хоть одну греховную физиономию, однако на каждом шагу его встречало разочарование. Джо Харпера он обнаружил изучающим Библию и горестно отвратился от этого гнетущего зрелища. Бен Роджерс навещал бедных, таская с собой набитую

брошюрками корзину. Джим Холлис попытался уверить Тома, что корь была ниспослана ему свыше — в виде предостережения. Каждый мальчик, какого он встречал, добавлял новую тонну к грузу, гнувшему душу Тома к земле, когда же он, впав в отчаяние, обратился за утешением к последней своей надежде, к Гекльберри Финну, а тот встретил его цитатой из Святого Писания, сердце Тома разбилось, он побрел домой и снова улегся в постель, поняв, что остался единственным в городе человеком, обреченным на вечную погибель.

В ту же ночь разразилась буйная гроза — с проливным дождем, страшными раскатами грома и ослепительными молниями. Том, накрывшись с головой одеялом, в ужасе ожидал разрешения своей участи, ибо не питал и малейшего сомнения в том, что весь этот шум поднят из-за него. Он искренне верил, что исчерпал терпение вышних сил, довел их до последней крайности — и вот вам результат. Если бы кто-то приказал артиллерийской батарее палить по некой мелкой букашке, Том счел бы это помпезной тратой боеприпасов, однако в том, что небеса послали столь дорогостоящую грозу для истребления насекомого вроде него, ничего несообразного не усматривал.

Мало-помалу буря стала стихать, а там и ушла, не исполнив поставленной перед ней задачи. Первый порыв мальчика состоял в том, чтобы возблагодарить судьбу и навсегда исправиться. Второй — в том, чтобы подождать: может, никаких гроз больше и не будет.

Назавтра в дом снова пришли доктора — у Тома начался рецидив кори. Три недели, проведенные им в постели, показались ему столетием. А выбравшись из нее, Том никакой благодарности за спасение не ощутил, ибо знал, что отныне он одинок и всеми покинут, что во всем свете нет у него ни единого друга. Вяло побрел он по улице и первым делом наткнулся на Джима Холлиса, возглавлявшего суд мальчишек, который рассматривал дело о совершенном кошкой убийстве — присутствовала на этом суде и жертва, а именно, птичка. А в ближайшем проулке обнаружились и Джо Харпер с Геком Финном, уплетавшие краденую дыню. Бедные дети! Их тоже — совершенно как Тома, — постиг рецидив.

Глава XXIII
Спасение Мэффа Поттера

Наконец, сонный городок всколыхнулся — и весьма основательно: дело об убийстве передали в суд. И оно мгновенно стало темой самых увлекательных бесед. Укрыться от них Тому было негде. Сердце его вздрагивало при каждом упоминании об убийстве; растревоженная совесть и тайные страхи склоняли к мысли о том, что все эти разговоры суть «пробные шары» — трудно было представить, конечно, что его могли заподозрить в какой-то осведомленности об убийстве, и все же, от этих пересудов ему было не по себе. Ну то есть, просто холодная дрожь пробирала. В конце концов, он увел Гека в укромное место — для разговора. Хоть ненадолго снять с уст печать молчания, разделить бремя бед своих с другим таким же страдальцем — это уже было утешением. А кроме того, Тому требовалась уверенность в том, что Гек никому не проболтался.

— Гек, ты говорил кому-нибудь насчет… ну, про это?

— Про что?

— Сам знаешь.

— А… ясное дело, не говорил.

— Ни одного слова?

— Вот ни единого, чтоб мне пропасть. А чего это ты спрашиваешь?

— Да так, боязно что-то.

— Слушай, Том Сойер, да если бы что вышло наружу, мы бы с тобой и двух дней не протянули. Уж *ты-то* знаешь.

На душе у Тома стало немного спокойнее. Затем, поле паузы:

— Гек, ведь никто же тебя заставить проговориться не сможет, верно?

— Меня-то? Вот если бы мне позарез понадобилось, чтобы чертов полукровка в реке меня утопил, тогда, может, кто и смог бы. А другого способа нет.

— Ну тогда, хорошо, ладно. Я так понимаю, пока мы помалкиваем, мы и живы. Но только, давай еще разок поклянемся. Все-таки надежнее будет.

— Согласен.

Они еще раз принесли клятву, торжественную и страшную.

— О чем теперь говорят в городке, а, Гек? Я чего только не наслушался.

— Говорят? А все об одном — Мэфф Поттер, Мэфф

Поттер да Мэфф Поттер. Меня аж пот прошибает, то и дело, иногда прямо спрятаться куда-нибудь хочется.

— Вот и со мной то же самое. Я так думаю, ему крышка. Ты жалеешь его, хоть иногда?

— Почти все время, Том, почти все время. Конечно, человек он никудышный, но ведь и вреда от него никому не было. Порыбачит немного, чтобы деньжат на выпивку раздобыть, а потом баклуши бьет — так, господи, мы же все такие, ну, по крайности, большинство, проповедники там и прочие. А он еще и добряк — как-то отдал мне половину улова, которого на двоих ну никак не хватало, а сколько раз заступался за меня, когда я в передряги попадал.

— Да, а мне он змея починил, Гек, и крючки к моей леске привязывал. Если бы мы могли вытащить его из тюрьмы, вот здорово было бы.

— Ну вот! как же мы его вытащим-то, Том? Да и толку от этого не было бы, его бы опять поймали.

— Да, это точно. Но я просто слушать не могу, как его грязью поливают, будто он дьявол какой, а он ничего такого и не сделал.

— Я тоже не могу, Том. Господи, я знаешь чего слышал? Он, дескать, самый кровавый изверг во всей стране и удивительно, как это его до сих пор

не повесили,

— Да, все только об этом и говорят. А еще я слышал, что, если он все же выйдет из тюрьмы, так его непременно линчуют.

— И линчуют, это для них пара пустяков.

В общем, разговор у мальчиков получился долгий, но утешения никакого не принес. А при наступлении сумерек они обнаружили, что прибрели к маленькой, стоявшей на отшибе тюрьме, — быть может, в смутной надежде, что произойдет нечто такое, что избавит их от страданий. Однако ничего не произошло — похоже, ни ангелов, ни добрых фей бедный узник нисколько не интересовал.

Мальчики проделали то, что не раз делали прежде — подошли к зарешеченному окошку камеры и поделились с Поттером табаком и спичками. Камера находилась на первом этаже, а сторожа у тюрьмы не имелось.

Благодарность, с которой Поттер принимал их подарки и раньше-то надрывала мальчикам души, а в этот раз уязвила еще и сильнее. И уж совсем распоследними трусами и предателями почувствовали они себя, когда Поттер сказал:

— Какие ж вы добрые, ребятки, — добрее всех в городе. И я этого не забуду, нет. Я ведь часто

говорю себе, я говорю: «Я ж всем мальчишкам и змеев чинил, и прочее, и где рыба лучше ловится, показывал, помогал им, чем мог, а как случилась со старым Мэффом беда, все его и забыли; но только не Том и не Гек — *они* его не забыли, — говорю я, — и я их не забуду. Ладно, ребятки, я страшное дело сделал — пьяный же был все время, совсем не себе, — иначе этого не объяснишь, — и теперь меня вздернут и правильно сделают. Так оно будет правильнее и *лучше всего*, по крайности, я на это надеюсь. А ладно, не будем об этом. Я вам вот чего сказать хотел — не берите вы в рот спиртного, тогда и сюда не попадете. Отступите-ка малость к западу — вот, хорошо, — такое утешение: видеть лица друзей, когда в беду попадешь и никто к тебе не приходит, только вы. Лица добрых друзей, да, лица добрых друзей. Заберитесь один другому на плечи, чтобы я мог вас потрогать. Вот так. Хоть руки вам пожать — ваши-то сквозь решетку пролазят, а у меня вон какая лапища здоровенная. Маленькие ручки, слабые — но они так помогли Мэффу Поттеру, и помогли бы еще больше, кабы могли!

Домой Том вернулся несчастным до крайности, а снились ему в эту ночь сплошные ужасы. Весь следующий день и следующий за ним он просло-

нялся у здания суда, его почти неодолимо тянуло зайти туда, однако он себе этого не позволил. То же самое происходило и с Геком. Мальчики старательно избегали друг друга. Время от времени, они уходили от суда подальше, однако зловещие чары его вскоре снова притягивали их. Том вслушивался в разговоры выходивших из суда людей и узнавал новости все более гнетущие — тенета, в которые попал несчастный Поттер, затягивались на нем туже и туже. Под конец второго дня все разговоры в городке свелись к тому, что Индеец Джо держится своих показаний твердо и неколебимо, и ни малейших сомнений в том, какой приговор вынесут присяжные, не остается.

В эту ночь Том улизнул из дому в час очень поздний, а вернулся через окно. Взволнован он был ужасно. На следующее утро в зал суда стекся весь городок — день предстоял из ряда вон выходящий. Оба пола были представлены в переполненном зале поровну. После долгого ожидания появились и расселись по своим местам присяжные; вскоре после этого в зал ввели Поттера — закованного в цепи, бледного, осунувшегося, робкого, лишившегося всяких надежд, — ввели и усадили так, что его могла ясно видеть каждая находившаяся в зале пара

любопытных глаз. Не менее приметным был и Индеец Джо, как и всегда бесстрастный. Еще одна пауза, затем появился судья, и шериф объявил заседание суда открытым. Последовало обычное перешептывание законников и складывание документов в аккуратные стопки. Пустая возня эта погрузила зал в нетерпеливое ожидание, столь же волнующее, сколь и завораживающее.

Наконец, вызвали свидетеля, показавшего, что ранним утром того дня, когда было обнаружено тело убитого, он застал Мэффа Поттера умывавшимся в ручье, а тот, увидев его, немедля удрал. Задав свидетелю несколько вопросов, обвинитель сказал защитнику:

— Свидетель ваш.

Подсудимый на миг поднял взгляд, но потупился снова, поскольку защитник его произнес:

— У меня нет к нему вопросов.

Следующий свидетель подтвердил, что рядом с трупом был найден нож. Обвинитель:

— Свидетель ваш.

— У меня нет к нему вопросов, — отозвался защитник Поттера.

Третий свидетель поклялся, что видел этот нож в руках Поттера.

— Свидетель ваш.

Защитник Поттера отказался допрашивать и его. На лицах сидевших в зале людей стало обозначаться недовольство. Неужели этот стряпчий собирается отправить Поттера на тот свет, не ударив даже пальцем о палец?

Еще несколько свидетелей показали, что, когда Поттера привели на место убийства, он повел себя, как человек кругом виноватый. Защитник отпустил без перекрестного допроса и их.

Каждое уличавшее несчастного обстоятельство, обнаружившееся в то столь памятное всем присутствовавшим в зале утро, подтверждалась одним надежным свидетелем за другим, а защитник Поттера ни одного из них перекрестному допросу так и не подверг. Недоумение и неудовольствие публики породило в зале ропот и разговоры, каковые судье пришлось строжайшим образом пресечь. И наконец, обвинитель заявил:

— Основываясь на данных под присягой показаниях граждан этого города, правдивость которых выше любых подозрений, мы доказали, не оставив места каким-либо сомнениям, что это ужасное преступление совершено несчастным заключенным, пребывающим ныне за решеткой. Более нам сказать по этому делу нечего.

Бедный Поттер застонал, закрыл ладонями ли-

цо и начал медленно раскачиваться взад-вперед, в зале же воцарилось мучительное молчание. Многие из мужчин были тронуты, в глазах многих женщин стояли слезы сострадания. Вот тогда защитник поднялся со своего места и сказал:

— Ваша честь, произнося при открытии судебного заседания вступительное слово, мы ставили себе целью доказать, что наш клиент совершил это страшное дело, находясь в состоянии слепого и безответственного исступления, порожденного выпитым им спиртным. Теперь же мы отказываемся от такого намерения. Этого довода мы выдвигать не станем. — И он обратился к секретарю суда: — Вызовите Томаса Сойера!

Озадаченное изумление озарило все лица, не исключая и Поттерова. Взоры всех и каждого обратились к Тому, поднявшемуся в зале и прошедшему к свидетельскому месту. Вид у перепуганного до смерти мальчика был, надо сказать, ошалелый. Его привели к присяге.

— Томас Сойер, где вы находились около полуночи семнадцатого июня?

Том взглянул в каменное лицо Индейца Джо и почувствовал, что язык его немеет. Публика затаила дыхание, однако слова из горла Тома просто-напросто не шли. Впрочем, через несколь-

ко мгновений ему удалось собраться с силами и препоручить эти слова своему голосу, каковой и произнес — но так тихо, что его услышали лишь в первых рядах зала:

— На кладбище.

— Чуть громче, пожалуйста. Не бойтесь. Итак, вы находились…

— На кладбище!

По лицу Индейца Джо скользнула презрительная улыбка.

— Находились ли вы вблизи могилы «Коняги» Уильямса?

— Да, сэр.

— Говорите немного громче. В какой именно близи?

— Так же близко, как сейчас к вам.

— Вы прятались?

— Прятался.

— Где?

— За вязами, которые рядом с могилой растут.

Индеец Джо чуть приметно дрогнул.

— Кто-нибудь еще был с вами?

— Да, сэр. Я пришел туда с…

— Минутку… подождите минутку. Называть имя вашего спутника пока не обязательно. В должное время мы представим его суду. Вы что-

нибудь принесли с собой?

Том замялся, на лице его отразилось смущение.

— Говорите же, мой мальчик, не робейте. Правда всегда почтенна. Что вы с собой принесли?

— Одну только… э-э… дохлую кошку.

По залу прокатился смешок, немедля остановленный грозным взглядом судьи.

— Скелет этой кошки мы еще предъявим суду. Теперь же, мой мальчик, расскажите нам обо всем, что там произошло, расскажите как можете, — ничего не упуская и ничего не боясь.

И Том приступил к рассказу — поначалу с запинками, однако понемногу он увлекся, заговорил все живее, живее; и скоро в зале стихли все звуки, которые могли бы прервать его, все глаза были устремлены на Тома, люди, приоткрыв рты и едва дыша, впитывали каждое слово мальчика, они словно забыли о времени, увлеченные жутким очарованием его рассказа. Сила сдерживаемых ими чувств достигла высшей точки, когда Том сказал:

— …и как только доктор стукнул Мэффа Поттера доской, тот повалился, а Индеец Джо подскочил к доктору с ножом и…

Хрясь! Быстрый, как молния, метис метнулся к

окну, раскидал тех, кто пытался удержать его, и скрылся из глаз!

Глава XXIV
Прекрасные дни и ужасные ночи

Том вновь обратился в блистательного героя — баловня взрослых, предмет зависти юных. Имя его обессмертила пресса — местная газетка тиснула восхвалявшую Тома статью. Некоторые полагали даже, что рано или поздно он станет президентом страны — если, конечно, его до того времени не повесят.

Что же касается Мэффа Поттера, то, как это обычно бывает, наш непостоянный, нерассудительный мир принял его в свои объятия и принялся обласкивать с таким же пылом, с каким прежде поносил. Впрочем, поведение подобного рода лишь делает миру честь и осуждать его за это нехорошо.

Дни Тома были исполнены блеска и упоения, зато ночами он изнывал от ужаса. Индеец Джо вторгался во все его сны, неизменно грозя ему страшной расправой. Вряд ли нашелся бы теперь соблазн, который выманил бы мальчика из дому после наступления темноты. В том же жалком состоянии вечного страха пребывал и несчаст-

ный Гек, ибо в ночь перед великим днем суда Том рассказал защитнику все, и Гек, хоть и спасенный бегством Индейца от муки, коей грозила ему дача показаний в суде, все-таки страшно боялся, что сведения о его причастности к этой истории возьмут да и выплывут наружу. Бедняга добился от защитника обещания сохранить все в тайне, но толку-то? С той ночи, в которую истерзанная совесть Тома вынудила его прокрасться в дом защитника и разверзнуть там уста, запечатанные самыми жуткими, самым зловещими клятвами, Гек практически утратил веру в род человеческий. В дневные часы Том, слушая благодарные излияния Мэффа Поттера, радовался тому, что не стал молчать, в ночные же сожалел, что не смог удержать язык за зубами.

Половину времени Том страшился, что Индейца так никогда и не схватят, половину — боялся его поимки. Он был уверен, что не сможет вздохнуть спокойно, пока полукровка не умрет, а он, Том, не увидит труп его своими глазами.

За поимку негодяя объявили награду, весь округ старательно прочесали, однако Индейца Джо так и не нашли. Из Сент-Луиса прибыло одно из всеведущих, повергающих всякого в трепет чудес света — настоящий сыщик, — прибыло,

обшарило и обнюхало все вокруг, глубокомысленно покачало головой и добилось такого же поразительного успеха, какого обычно добиваются люди его ремесла. А именно, «напало на след». Однако «след» за убийство не повесишь, и потому Том — после того, как сыщик, исполнив свою задачу, убыл восвояси, — спокойнее чувствовать себя не стал.

Впрочем, неспешные дни тянулись своей чередой и каждый уносил с собой малую толику тяготившего Тома груза страшных предчувствий.

Глава XXV
Поиски клада

В жизни каждого правильно устроенного мальчика настает миг, когда его обуревает неотступное желание пойти куда-нибудь — все равно куда — и откопать клад. В один прекрасный день такое желание овладело и Томом. Он отправился на поиски Джо Харпера, но не нашел его. Затем он вспомнил о Бене Роджерсе — выяснилось, что тот пошел удить рыбу. В конце концов, ему повстречался Гек Финн, Кровавая Рука. Что же, сойдет и Гек. Том отвел его в очередное укромное место и посвятил в свой план. Гек сказал, что готов присоединиться к Тому. Гек всегда готов был присоединиться к предприятию, обещавшему развлечения и не требовавшему вложения капитала, ибо обладал, и в томительном избытке, временем особой разновидности — тем, которое никто не назвал бы деньгами.

— Где будем копать? — спросил Гек.

— Да где угодно.

— Они что же, везде позарыты?

— Ну, не везде, конечно. Клады закапывают в

особых местах, Гек, — иногда на островах, иногда укладывают в прогнившие сундуки и зарывают под самой длинной веткой высохшего дерева, в точности там, где заканчивается тень, которую она отбрасывает в полночь, но чаще всего — под полом какого-нибудь дома с привидениями.

— А кто же их закапывает-то?

— Ясное дело, грабители. А ты думал кто? Директора воскресных школ?

— Ну, я не знаю. Попадись мне в руки сокровище, я бы его в землю зарывать не стал. Потратил бы, повеселился, да и дело с концом.

— Да и я бы тоже. Но грабители так не поступают. Они всегда закапывают сокровище и больше его пальцем не трогают.

— И что, никогда за ним не приходят?

— Нет, они, когда закапывают, то думают, что придут, но потом обычно забывают приметы, а то и просто помирают. В общем, лежит оно себе, лежит, ржавеет понемножку, и тут кто-нибудь находит пожелтевший листок бумаги, на котором написано, как эти приметы выглядят, — но только листок этот приходится еще расшифровывать целую неделю, потому что его покрывают все больше закорючки да гироглифы.

— Гиро… чего?

— Гироглифы — это картинки такие, загогулины, которые с виду ничего и не значат.

— А у тебя такая бумажка есть, Том?

— Нет.

— Как же ты тогда приметы узнаешь?

— Да нужны они мне! Клады же всегда зарывают в доме с приведениями, или на острове, или под сухим деревом, у которого одна ветка длиннее всех прочих. Ну вот, на острове Джексона мы уже поискали немножко и можем еще поискать, когда время найдется. Старый дом с привидениями у нас тоже есть — у ручья Стилл-Хаус, — а сухих деревьев вокруг хоть пруд пруди.

— И под каждым клад лежит?

— Сказал тоже! Нет, конечно.

— Как же ты узнаешь, под каким копать?

— А мы под всеми копать будем!

— Слушай, Том, да ведь этак мы все лето провозимся.

— Ну и что? Ты вот представь, что нашел медный горшок, в котором сто долларов лежит, или набитый брильянтами трухлявый сундук. Как тебе это понравится?

У Гека загорелись глаза:

— Еще как понравится! Дай мне сотню долларов, так я и без брильянтов обойдусь!

— Ну как знаешь. А вот я брильянтами бросаться не стану, не дождешься. Да из них некоторые по двадцать долларов за штуку идут — не все, конечно, но уж по шесть или по одному, это будь спокоен.

— Да быть того не может! Неужели?

— Точно — это тебе любой скажет. Ты хоть один брильянт видел, а, Гек?

— Чего-то не припоминаю.

— Ну вот, а у королей их целые кучи.

— Так я же с королями не знаюсь, Том.

— Да уж где уж тебе. Но если бы ты съездил в Европу, так увидел бы уйму королей, их там, как блох.

— И что, все скачут?

— Скачут? Вот дурень! Нет, конечно!

— Ты же сам сказал, они, как блохи.

— Да ладно тебе, я только одно и сказал: если бы ты поехал в Европу, то сразу бы их и увидел, — не скачущими, конечно, на что им скакать? — а просто они там у всех под ногами путаются, вроде того горбатого Ричарда.

— Ричарда? А по фамилии как?

— Не было у него фамилии. У королей только имена и бывают.

— Будет врать-то!

— Точно тебе говорю — одни имена и все.

— Ну, если им это по душе, Том, так и пусть их, но я бы не хотел быть королем, у которого фамилии и той нет, совсем как у негра. Ладно, ты мне вот что скажи, где мы копать-то начнем?

— Вообще-то, не знаю. Может, попробуем старое сухое дерево на холме за Стилл-Хаусом?

— Согласен.

Они разжились увечной киркой, лопатой и выступили в трехмильный путь. До сухого дерева мальчики добрались потными, запыхавшимися и потому прилегли в тени стоявшего рядом с ним вяза, чтобы отдышаться и покурить.

— Мне тут нравится, — сказал Том.

— И мне.

— А скажи, Гек, вот найдем мы с тобой сокровище, на что ты свою долю потратишь?

— Ну, буду покупать каждый день по пирожку и стаканчику содовой, да во все цирки ходить, какие приедут. В общем, поживу в свое удовольствие.

— И откладывать ничего не станешь?

— Откладывать? А на что мне это?

— Как на что — на потом, на жизнь.

— Да нет, это мне без пользы. Если я не поспешу, так дождусь того, что папаша вернется в город и

заграбастает все мои денежки. Уж он их мигом спустит, это можешь не сомневаться. А ты свои на что потратишь?

— Куплю новенький барабан, самую настоящую саблю, красный шейный платок и щеночка, бульдога, а после женюсь.

— Женишься!

— Непременно.

— Слушай, Том… а ты не спятил?

— Вот погоди, сам увидишь.

— Ну и ну, глупее тебе ничего не выдумать, Том. Взять хоть моих папашу с мамашей — они ж только и знали, что дрались с утра до вечера. Уж я-то помню.

— Ничего-ничего. Девочка, на которой я женюсь, драться не станет.

— Том, я так понимаю, они все на одну колодку скроены. Им бы только ругаться да драться. Ты, все-таки, подумай немного. Как эту девчонку зовут-то?

— Она не девчонка, она девочка.

— Да это один шут, Том, — кто говорит «девочка», кто «девчонка», и все правы. В общем, как ее зовут, а?

— Я тебе потом скажу, не сейчас.

— Ладно, потом так потом. Но только, если ты

женишься, мне совсем одиноко станет.

— Не станет. Ты со мной будешь жить. А теперь давай подыматься, копать пора.

Они проработали, потея, полчаса. Безрезультатно. Попотели еще полчаса. То же самое. Гек спросил:

— Их всегда так глубоко зарывают?

— Бывает, конечно, — но не всегда. И не все. Сдается мне, мы место неправильно выбрали.

Мальчики перешли на другое место и начали копать заново. Теперь работа шла медленнее, но все же, в землю они зарывались. Какое-то время они сражались с нею, не произнося ни слова. Потом Гек разогнулся, оперся о лопату, вытер рукавом бисерины пота со лба и спросил:

— Если и здесь ничего не найдем, где думаешь снова рыть?

— Я думаю, не попробовать ли нам старое дерево на Кардиффской горе, за домом вдовы.

— Да, место вроде хорошее. А вдова у нас клад не отнимет, Том? Это ж ее земля.

— *Отнимет*! Пусть только попробует. Клад принадлежит тому, кто его находит. А на чьей земле, это без разницы.

Гека эти сведения порадовали. Работа продолжилась. И в конце концов, Гек сказал:

— Черт, похоже, опять не то место. Как думаешь?

— Очень странно, Гек. Ничего не понимаю. Бывает, правда, людям ведьма какая-нибудь под руку подсунется. Похоже, и тут без нее не обошлось.

— Да ну! Ведьмы днем ничего не могут.

— Тоже верно. Об этом я не подумал. О, я понял в чем дело! Ну и обормоты же мы с тобой! Надо ж было найти место, где тень от длинной ветки в самую полночь кончается, да там и копать!

— Проклятье, выходит, мы тут с тобой зазря дураков изображали. Теперь придется сюда ночью тащиться, а путь-то эвон какой. Ты как, из дома выбраться сможешь?

— Да, конечно. Только нужно нынче же ночью все сделать, потому что, если кто-нибудь увидит наши ямы, так мигом сообразит, что тут к чему, и сам в землю за кладом полезет.

— Ладно, тогда я приду к тебе, помяукаю.

— Идет. А инструменты мы вон в тех кустах спрячем.

Мальчики вернулись к дереву незадолго до полуночи. Они посидели в его тени, ожидая. Место было глухое, а времени этому традиция сообщала значение самое мрачное. Духи шепта-

лись в шелестевшей листве, по темным углам прятались привидения, откуда-то издалека доносился глухой собачий лай и ему похоронным голосом отвечала сова. Все это заставило мальчиков притихнуть, они почти и не разговаривали. В конце концов, они решили, что двенадцатый час настал, пометили место, на которое падала тень и принялись за работу. Надежды их росли, росли, желания обострялись и потому трудились они от души. Яма становилась все более глубокой, время от времени мальчики слышали, как кирка ударяется обо что-то, и сердца их подпрыгивали, однако за каждым таким ударом следовало новое разочарование, ибо всякий раз выяснялось, что под кирку подвернулся либо камень, либо ком слежавшейся земли. И наконец, Том сказал:

— Без толку, Гек, опять мы маху дали.

— Ну уж теперь-то мы маху дать *не могли*. Мы же точно, где тень лежала, копаем.

— Я знаю, но тут причина в другом.

— А в чем?

— Мы же с тобой времени наверняка не знали. Могли поспешить или опоздать.

Гек даже лопату уронил.

— Верно, — сказал он. — В этом вся и беда. Придется нам бросить это место. Мы ж никогда

правильного времени не узнаем, да и жутко здесь, мочи нет, ведьмы с призраками так вокруг и шастают. Мне все время кажется, будто у меня за спиной кто-то стоит, а обернуться боязно, потому как, может, и впереди тоже кто стоит, и только случая ждет, чтобы на меня сзади наброситься. Я как сюда пришел, у меня с первой минуты мурашки по коже ползают.

— Вот и у меня то же самое, Гек. И знаешь, они ведь почти всегда, если под деревом клад зарывают, так мертвеца рядом кладут, чтобы, значит, присматривал.

— Господи!

— Да, так и есть. Мне про это сто раз говорили.

— Том, мне чего-то не хочется рядом с мертвецами корячиться. С ними знаешь какие неприятности можно нажить?

— Да и мне их тревожить неохота. Вдруг тот, который здесь лежит, высунет череп из земли да чего-нибудь скажет.

— Не надо, Том! Жуть какая.

— Твоя правда, Гек. Мне здесь совсем не по себе.

— Знаешь, Том, давай-ка мы это место бросим и какое-нибудь другое попробуем.

— Давай, по-моему, так лучше будет.

— А какое?

Том ненадолго задумался, а потом сказал:

— Дом с привидениями. Вот какое!

— Черт, Том, не люблю я домов с привидениями. Они ж еще хуже покойников. Покойники, может, и разговаривают, но хоть тайком к тебе в саванах не подкрадываются, через плечо не заглядывают и зубами не скрипят. Я таких дел не переживу, Том, да и никто не переживет.

— Это верно, Гек, но ведь привидения только ночами разгуливают, днем они нам копать не помешают.

— Так-то оно так, но ты ж и сам знаешь, в дома с привидениями никто соваться не любит, что ночью, что днем.

— Ну, это потому, что никому нет охоты заходить туда, где человека убили, но ведь в этом доме днем никто ничего такого не видел, только ночью, да и то всего-навсего голубые огоньки, которые в окошках плавают, а не настоящих призраков.

— Знаешь, Том, если увидишь где голубой огонечек, так спорь на что хочешь — призрак тоже где-то рядом болтается. Это ж яснее ясного. Сам же знаешь, никому эти огоньки кроме призраков не нужны.

— Да, ты прав. Но ведь мы все равно туда днем пойдем, так чего ж нам бояться?

— Ну ладно. Раз так, попробуем дом с привидениями, — но попомни мои слова, рискуем мы с тобой — будь здоров.

Мальчики уже начали спускаться с холма. Под ними в самой середке залитой лунным светом долины стоял «дом с привидениями», совсем заброшенный — забор его давным-давно сгинул, ступеньки крыльца заросли сорной травой, печная труба обрушилась, оконные рамы опустели, кровля с одного боку провалилась внутрь. Мальчики какое-то время вглядывались в него, наполовину ожидая, что в окне проплывет голубой огонек, а затем, разговаривая вполголоса, как того требовало и время, и обстоятельства, взяли вправо, чтобы обогнуть дом по широкой дуге, и пошли к городку лесом, осенявшим тыльный склон Кардиффской горы.

Глава XXVI
Ларец с золотом достается настоящим грабителям

Около полудня мальчики пришли к сухому дереву — за инструментами. Тому не терпелось отправиться в дом с привидениями, Геку тоже, более-менее, однако он вдруг сказал:

— Послушай-ка, Том, а ты знаешь, какой нынче день?

Том мысленно перебрал дни недели и уставился на друга испуганными глазами…

— О Боже! А я и не подумал об этом, Гек!

— Да и я тоже, просто мне вдруг в голову стукнуло, что сегодня пятница.

— Черт! Осторожность никогда не бывает лишней, Гек. Мы же могли в такую историю вляпаться, начав это дело в пятницу!

— *Могли*! Не могли, а непременно вляпались бы. Может, и есть в неделе счастливые дни, но уж точно не пятница.

— Это каждый дурак знает. Не ты первым додумался, Гек.

— Так я и не говорю, что я первый. Да и не в

одной пятнице дело. Мне этой ночью до того уж паршивый сон приснился — про крыс.

— Да что ты! Ну, это, как пить дать, к беде. Они что, дрались?

— Нет.

— А, тогда еще куда ни шло, Гек. Знаешь, если они не дерутся, это означает только, что беда где-то рядом ходит. Нужно просто держать ухо востро да увиливать от нее. Ладно, на сегодня мы это дело отставим и просто поиграем. Ты когда-нибудь слышал о Робин Гуде, Гек?

— Нет, не слышал. А он кто?

— Ну, один из величайших людей, какие только жили в Англии, — и самый лучший. Он был грабителем.

— С ума сойти. Я бы тоже не отказался. И кого он грабил?

— Только шерифов, епископов, богачей да королей — ну и прочую публику в этом роде. Бедных никогда не трогал. Он их любил. И всегда делился с ними по честному.

— Хороший, видать, был малый.

— Еще какой, Гек! Да он был самым благородным человеком на свете. Больше там таких нет, точно тебе говорю. Он мог отдубасить любого мужчину Англии, даже если бы ему одну руку

за спину привязали, а из своего тисового лука с первой стрелы пробивал монету в десять центов, до которой от него было полторы мили.

— А тисовый лук это что?

— Откуда ж мне знать? Лук, наверное, такой, что же еще? И если он попадал только в край монеты, то бросался на землю и плакал — ну и ругался, конечно. Так что, давай поиграем в Робин Гуда — это самая что ни на есть благородная игра. Я тебя научу.

— Давай.

И они проиграли в Робин Гуда до самого вечера, время от времени бросая тоскующие взгляды вниз, на дом с привидениями, и обмениваясь замечаниями о своих ожиданиях на завтра. Когда же солнце стало клониться к западу, мальчики отправились, перерезая длинные тени, к дому и вскоре скрылись из виду в лесу Кардиффской горы.

В субботу, сразу после полудня, они снова появились у сухого дерева. Покурили в тени, поболтали, покопались немного в последней вырытой ими яме — без особой надежды, просто потому, что, по словам Тома, много было случаев, когда люди сдавались, остановившись в каких-нибудь шести дюймах от клада, а потом приходил кто-то другой

и забирал его, разок ткнув лопатой в землю. На сей раз этого не случилось и мальчики, положив на плечи кирку и лопату, пошли прочь от дерева, довольные тем, что не стали шутить шутки с фортуной, но исполнили все, чего она требует от кладоискателей.

Когда они подошли к дому с привидениями, безмолвие, облекавшее его под палящим солнцем, показалось им таким жутким и страшным, а уединенность и заброшенность такой гнетущей, что они испугались и какое-то время не решались войти в него. Но, наконец, подкрались к двери и, трепеща, заглянули внутрь. И увидели лишенную пола, заросшую травой комнату, неоштукатуренные стены, древний очаг, зияющие окна, почти развалившуюся лестницу и свисавшую отовсюду драную, заброшенную ее изготовителями паутину. Они вошли в дом, осторожно, с учащенно бьющимися сердцами, разговаривая шепотом, ловя ушами малейший звук, тела их были напряжены, а сами они — готовы мгновенно удариться в бегство.

Однако мало-помалу они освоились и на смену страху пришел критический, заинтересованный осмотр комнаты, — производя его, мальчики и любовались своей отвагой, и дивились ей. А

завершив осмотр, надумали подняться наверх. Конечно, это отрезало бы им путь к отступлению, однако они принялись подзадоривать друг друга, что привело, разумеется, к единственно возможному результату — мальчики бросили кирку и лопату в угол и полезли по лестнице вверх. Там царила все та же разруха. Правда, в углу обнаружился обещавший множество тайн чулан, однако обещания его оказались надувательством — ничего интересного в чулане не нашлось. К этому времени мальчики расхрабрились окончательно. Они совсем уж собрались спуститься вниз и приняться за работу, как вдруг…

— Чш! — произнес Том.

— Что там? — белея от страха, спросил Гек.

— Чш!.. Вот!.. Слышишь?

— Да!.. О, Господи! Давай сбежим!

— Сиди! Не шевелись! Они прямо к двери идут.

Мальчики растянулись на полу, припав глазами к дыркам от выпавших сучков, которых немало было в его досках, и замерли в ожидании, в жалком страхе.

— Остановились… Нет — подходят… Вошли. Не шепчи больше ни слова, Гек. Боже ты мой, лучше бы я сюда не совался!

В дом вошли двое мужчин. Каждый из мальчи-

ков сказал себе: «Один — это старый глухонемой испанец, который в последнее время пару раз забредал в городок, а другого я никогда раньше не видел».

«Другой» был существом оборванным и косматым, а физиономию имел до крайности неприятную. Лицо же кутавшегося в мексиканский плащ испанца украшали косматые седые бакенбарды, длинные седые же волосы, спадавшие из-под сомбреро, и зеленые очки. Приближаясь к дому, «другой» что-то негромко говорил; войдя, оба уселись на землю лицом к двери, привалились спинами к стене, и «другой» заговорил снова. Говорил он теперь без опаски, так что различить его слова мальчикам оказалось нетрудно:

— Нет. Подумал я, подумал, не нравится мне это. Уж больно опасно.

— Опасно! — пробормотал — к великому удивлению мальчиков — «глухонемной» испанец. — Тряпка!

Услышав его голос, мальчики внутренне ахнули и задрожали. Это был голос Индейца Джо! Наступило недолгое молчание. Затем Джо сказал:

— Ничем оно не опаснее последнего дельца, — а мы его провернули и ничего, не попались.

— Там все было по-другому. И по реке выше, и рядом ни одного дома. Никто и не узнает теперь, что это была наша работа, хоть она нам и не удалась.

— Ладно, а что может быть опаснее, чем тащиться сюда среди бела дня? Да на нас взглянуть довольно, чтобы заподозрить неладное.

— Я знаю. Но куда ж еще было податься после того дурацкого дела? Пора нам кончать с этой хибарой. Я бы еще вчера отсюда убрался, да на холме те чертовы мальчишки играли, никак мимо них проскочить не получалось.

От этих слов «чертовых мальчишек» снова пробила дрожь, ибо они поняли, как повезло им, вспомнившим про пятницу и решившим денек обождать. Жалели они теперь только о том, что не надумали обождать целый год.

Двое пришлецов вытащили какую-то провизию, перекусили. И наконец, Индеец Джо, все это время молча размышлявший о чем-то, сказал:

— Слушай, приятель, уходи-ка ты вверх по реке, к своим. И жди там вестей от меня. А я загляну еще раз в городок, осмотрюсь. Это «опасное» дельце мы обделаем после того, как я кое-что выведаю и как следует все обдумаю. А после в Техас! Вместе туда и рванем.

Товарища его это устроило. Вскоре оба они раззевались, и Индеец Джо сказал:

— Смерть как спать хочется. Давай, покарауль, теперь твой черед.

Он улегся, свернувшись в клубок, на траву и вскоре захрапел. Оборанец потряс его за плечо — раз, другой — Индеец затих. Прошло недолгое время и караульный тоже стал клевать носом; голова его клонилась все ниже, ниже — кончилось тем, что захрапели оба.

Мальчики вздохнули, протяжно и облегченно. Том прошептал:

— Другого случая не будет — пошли.

На что Гек ответил:

— Не могу — если они проснутся, я помру со страху.

Том настаивал, Гек упорствовал. В конце концов, Том поднялся на ноги и медленно двинулся к лестнице, один. Но первый же его шаг сопроводился таким жутким скрипом ополоумевшего пола, что Том упал на него, полуживой от страха. И на вторую попытку уже не решился. Мальчики лежали, подсчитывая тягучие секунды, пока им не стало казаться, что время скончалось и настала серенькая вечность — и потому они обрадовались, заметив вдруг, что солнце уже садится.

Наконец, один храпун умолк. Индеец Джо сел, огляделся по сторонам, сумрачно улыбнулся, увидев своего товарища, чья голова покоилась на приподнятых коленях, пнул его ногой и сказал:

— Эй! Тоже, караульщик! Ну да ничего, все обошлось.

— Черт! Я что, заснул?

— Да заснул малость. Ладно, партнер, еще немного и пойдем. Что будем делать с остатками хабара?

— Не знаю, — может, оставим здесь, как раньше делали? А тронемся на юг, заберем. Шестьсот пятьдесят серебром — не натаскаешься.

— Ну что же, годится… лишний раз сюда заглянуть — дело нехитрое.

— Верно — только давай ночью, как раньше, — так оно надежнее будет.

— Да, но послушай: мало ли что, случай обделать то дельце, может, еще не скоро представится, а место это не очень надежное, так что давай-ка мы денежки наши зароем — да поглубже.

— Это мысль, — согласился второй и, перейдя комнату, опустился на колени у очага, сунул в него руку, приподнял одну из его подовых плит, самую дальнюю, и вытащил из-под нее приятно зазвеневший мешок. Затем он извлек из мешка

двадцать, не то тридцать долларов — себе на расходы — и столько же для Индейца Джо, а после отдал мешок ему. Индеец отнес мешок в угол комнаты, опустился на колени и стал копать длинным ножом яму.

Мальчики вмиг позабыли все свои страхи и с вожделением следили за каждым движением Джо. Удача! — и блеск ее превосходил всяческое воображение! Шесть сотен долларов — деньги, способные сделать богатеев из дюжины мальчишек! О таком счастье любой искатель сокровищ мог только мечтать — теперь им не придется строить утомительные догадки насчет того, где лучше копать. Они то и дело подпихивали друг друга локтями — движения красноречивые и удобопонятные, означавшие: «Ну что, не жалеешь теперь, что мы сюда забрались?».

И тут клинок Джо ударил во что-то.

— Вот те на! — произнес Индеец.

— Что там? — спросил его товарищ.

— Подгнившая доска — да нет, по-моему, сундучок какой-то. Ну-ка, помоги, посмотрим, что это. Хотя погоди, я в нем и так уж дыру пробил.

Он сунул в яму руку и извлек на свет…

— Ишь ты, да это же деньги!

Оба уставились на извлеченную из земли

горсть монет. Золотых. Затаившиеся наверху мальчики взволновались не меньше грабителей — и возликовали тоже.

Напарник Джо сказал:

— Ладно, сейчас мы с этим сундучком управимся. У очага валяется ржавая кирка, я ее минуту назад заприметил.

Он метнулся к очагу и принес брошенные мальчиками кирку и лопату. Индеец Джо взял кирку, окинул ее критическим взором, покачал, бормоча себе что-то под нос, головой и принялся за работу. И скоро из земли был извлечен ларец. Не очень большой и когда-то, до того, как его попортили годы, очень крепкий, ибо он был окован железом. Некоторое время двое грабителей разглядывали его в блаженном безмолвии.

— Слушай, партнер, а ведь тут тысячи долларов, — сказал, наконец, Индеец Джо.

— Поговаривали, что в этих местах одно лето орудовала банда Маррела, — заметил его товарищ.

— Знаю, — сказал Индеец Джо, — что же, сильно на то похоже.

— Ну, теперь тебе и дельце твое ни к чему.

Метис насупился и сказал:

— Плохо же ты меня знаешь. Или, по край-

ности, не понимаешь, о чем я толкую. Дело не в ограблении — дело в *мести.* — В глазах его вспыхнул злобный свет. — И мне понадобится твоя подмога. А как закончим — махнем в Техас. Поезжай домой, к твоей Нэнси и малышам, и жди там весточки от меня.

— Ладно, как скажешь. Ну а с этим что будем делать — снова зароем?

— Да. [Взрыв ликования наверху.] Нет! Клянусь великим сейчемом[5], нет! [Наверху — приступ глубочайшего уныния.] Надо же, чуть не забыл. Эта кирка была перемазана свежей землей. [Мальчиков затошнило от страха.] А откуда здесь взялись кирка с лопатой? Да еще и со свежей землей на них? Кто принес их сюда — и куда эти люди подевались? Ты кого-нибудь слышал? Видел? Что? — закопать золото снова, а после прийти и увидеть пустую яму? Ну уж нет — нет. Мы отнесем его в мое логово.

— Точно! Мог бы и сам додуматься. В какое, в Номер Первый?

— Нет, во Второй — под крестом. Первый ненадежен — слишком много людей там толчется.

— Ладно. Ну что, почти стемнело, пора и в

---

[5] Примечания: 5
Вождь индейского племени или конфедерации племен.

дорогу.

Индеец Джо встал, прошелся от окна к окну, опасливо выглядывая в них. А после сказал:

— Кто же, все-таки, притащил сюда кирку и лопату? Как думаешь, не могут они наверху сидеть?

Мальчики и дышать-то забыли. Индеец Джо положил ладонь на рукоять ножа, постоял и направился к лестнице. Мальчики вспомнили о чулане, но силы, потребные для того, чтобы достичь его, уже покинули их. Заскрипели ступени — первая, вторая, — и нестерпимый ужас пробудил в мальчиках оцепеневшую было решимость, — они совсем уж собрались метнуться к чулану, но тут послышался треск гнилых досок, и Индеец Джо полетел на землю вместе с остатками окончательно развалившейся лестницы. А когда он, ругаясь, поднялся на ноги, товарищ его сказал:

— Сдалась тебе эта морока! Если наверху кто и есть, пусть они там и сидят — кому какая разница? А захочется им вниз соскочить да шеи себе посворачивать — я тоже не против. Минут через пятнадцать темно уже будет, пускай они тогда гонятся за нами, если им охота придет, — на здоровье. Но я так думаю: те, кто приволок сюда эту

дрянь, завидев нас, решил, что мы привидения или черти. Небось и сейчас еще драпают и остановиться не могут.

Джо поворчал немного, однако все же согласился с товарищем, сказав, что еще сохранившийся свет правильнее будет использовать для сборов в дорогу. Вскоре они выскользнули из дома и пошли в густеющих сумерках к реке, унося с собой драгоценный ларец.

Том и Гек, ощущая немалую слабость и великое облегчение, встали с пола и какое-то время наблюдали за уходившими грабителями сквозь щели между бревнами, из которых был сложен дом. Гнаться за ними? Ну уж нет. Сейчас бы до земли добраться, не переломав ноги и руки, а там перейти гору и оказаться в городке. Мальчики почти не разговаривали. Обоих снедала ненависть к себе — ну и к злой судьбе, заставившей их притащить сюда кирку и лопату. Ведь не будь здесь ни той, ни другой, Индеец Джо ничего бы не заподозрил. Зарыл бы серебро вместе с золотом, чтобы они дожидались, когда он насладится «местью», а после пришел бы сюда и с превеликим огорчением обнаружил, что денежки его — тю-тю! Ах, какое горе, что они приволокли сюда инструменты!

И мальчики решили последить за испанцем, когда он снова появится в городе и станет вынюхивать возможность совершения мести, и проследить его до «Второго Номера», где бы тот ни находился. И тут Тома осенила страшная мысль.

— Месть? Так ведь это он *про нас* говорил, Гек!

— Ой нет! — воскликнул Гек и едва на землю не упал.

Уже входя в город, они обсудили эту возможность и решили: самое для них лучшее — верить, что Джо, быть может, подразумевал кого-то другого, ну, в крайнем случае, одного только Тома, ведь показания на суде давал именно он.

Слабым, очень слабым утешением стала для Тома мысль, что опасность угрожает лишь ему одному. В компании было бы как-то повеселее, думал Том.

Глава XXVII
Трясутся, но выслеживают

Приключения этого дня испортили Тому всю ночь. Четыре раза огромное сокровище попадало ему в руки и четыре же раза обращалось в его пальцах в ничто — это очередной сон покидал Тома и перед ним уже наяву представала жестокая реальность его невезения. Когда же ранним утром он проснулся окончательно и принялся, еще лежа в постели, перебирать в памяти подробности своего великого приключения, то с удивлением обнаружил, что они стали странно смутными, далекими — как будто все вчерашнее произошло в каком-то ином мире или давным-давно. И ему пришло в голову, что, быть может, и само-то великое приключение было всего-навсего сном! Истинность этой мысли подтверждалась одним существенным обстоятельством — количеством привидевшихся ему монет, слишком огромным, чтобы быть подлинным. Больше пятидесяти долларов в одних руках Том отродясь не видывал и потому, подобно всем мальчикам одного с ним возраста и жизненного опыта, считал

слова о «сотнях» и «тысячах» всего лишь причудливыми оборотами речи, никакого отношения к действительно обращавшимся в мире деньгам не имеющими. Он и на миг не поверил бы, что такая безумная сумма, как сто долларов, может взять да и попасть в руки одного человека. Основательно разобравшись в представлениях Тома о кладах, вы обнаружили бы, что состоят они из горстки вполне реальных монеток по десять центов каждая и груды туманных, роскошных, непостижных уму долларов.

Однако чем дольше обдумывал он частности своего приключения, тем более яркими и резкими — как если бы сами его размышления начищали их — они становились, и в конце концов, Том начал склоняться к мысли, что оно ему все-таки не приснилось. Эту раздвоенность надлежало уничтожить сколь возможно быстрее. И Том, наспех позавтракав, отправился на поиски Гека.

Гек сидел на планшире плоскодонки, вяло побалтывал ногами в воде и вид имел до крайности меланхоличный. Пусть он первым заговорит о вчерашнем, решил Том. Не заговорит, значит приключение было сном.

— Здорово, Гек!

— Здорово.

Молчание, растянувшееся на целую минуту.

— Эх, Том, если бы мы бросили чертовы инструменты под деревом, денежки были бы наши. Вот горе-то!

— Выходит, это был все же не сон, Гек, не сон! Знаешь, я почти жалею, что все это мне не привиделось. Вот не сойти мне с этого места, жалею, Гек

— Ты о чем?

— Да о вчерашнем. Я уж наполовину решил — сон и все тут.

— Сон! Да кабы бы под Джо не сломалась ступенька, он бы тебе такой сон показал! И не говори мне о снах, я их нынче навидался, хватит! Всю ночь за мной этот безглазый испанец гонялся, чтоб он пропал!

— Ну уж нет, пропадать ему рано. Его надо *найти*! И деньги тоже.

— Нипочем нам их не найти, Том. Такая удача человеку только раз в жизни выпадает, а мы ее прошляпили. Да и вообще, меня же, если я только увижу его, колотун прошибет.

— Да и меня, наверное, тоже. И все-таки, я хотел бы увидеть его и проследить — до Второго Номера.

— Номер Второй — да, это штука. Я тоже о нем думал. Правда, ничего не надумал. Как по-твоему, где он?

— Не знаю. Все так туманно, Гек. Слушай, — а может, это номер дома!

— Пожалуй!.. Хотя нет, Том, если так, то не в нашем городишке. Тут никаких номеров днем с огнем не сыщешь.

— Да, верно. Дай-ка подумать. Ну, конечно! Это номер комнаты — на постоялом дворе!

— О, вот тут ты в точку попал! У нас их всего-то два. Стало быть, мы мигом все и выясним.

— Оставайся здесь, Гек, я скоро вернусь.

И Том убежал. Появляться на людях в обществе Гека он все-таки не решался. Отсутствовал Том полчаса. И выяснил, что в лучшем из постоялых дворов № 2 снимал, да и теперь снимает, молодой адвокат. А во дворе не столь фешенебельном № 2 был окутан тайной. Сынишка хозяина двора сказал Тому, что номер этот всегда заперт и никого, кто туда входит или выходит оттуда, он не видел, может, правда, там по ночам кто бывает, а почему это так, он не знает, ему любопытно, конечно, в чем тут дело, да не так чтобы очень, — сам он решил для себя, что в этой комнате нечистая сила завелась, вон и прошлой ночью там неведомо

кто свечу жег.

— Вот и все, что я разузнал, Гек. Я так понимаю, это тот самый Второй Номер и есть.

— И по-моему так, Том. Так чего ты делать-то собираешься?

— Надо подумать.

Думал Том долго. И наконец, сказал:

— Значит так. Задняя дверь этого Второго Номера выходит в проулок между постоялым двором и развалинами старой лавки. Так вот, собери все дверные ключи, какие найдешь, а я стяну все тетушкины, и в первую же темную ночь мы сходим туда и попробуем открыть эту дверь. Только ты держи ухо востро, посматривай, вдруг где-нибудь Индеец Джо мелькнет, — помнишь, он говорил, что собирается заглянуть в город, выведать, не представился ли ему случай отомстить. Увидишь его, ничего не делай, просто следи за ним, — и если он не пойдет в номер два на постоялом дворе, значит это не то место.

— Ох, неохота мне за ним в одиночку таскаться!

— Так это ж ночью. Он тебя, скорее всего, не заметит, а и заметит, ни о чем не догадается.

— Ну, если совсем уж темно будет, я за ним, может, и послежу. Хотя не знаю… не знаю… да

нет, попробую.

— Я бы за ним, если б темно было, как пить дать пошел, Гек. Вдруг он поймет, что ничего у него с местью не выйдет, да прямиком к деньгам и потопает.

— Верно, Том, верно. Ладно, послежу, вот те крест!

— Вот теперь ты дело говоришь! Ты, главное, не оплошай, Гек, а уж я не оплошаю, это будь уверен.

Глава XXVIII
В логове Индейца Джо

Близилась ночь, Том с Геком приготовились к новым приключениям. После девяти вечера они послонялись немного у постоялого двора — один издали наблюдал за проулком, другой за дверью, которая вела в № 2. Никто в проулок не зашел и никто из него не вышел, да и никто похожий на «испанца» не входил в дверь и не выходил из нее. Ночь обещала быть светлой, и Том отправился домой, зная, что, если темнота окажется все же достаточной, Гек придет к нему и помяукает, после чего он, Том, улизнет из дома и испытает ключи. Однако ночь осталась ясной и около двенадцати Гек покинул свой пост и завалился спать в пустой бочке из-под сахара.

И во вторник мальчикам тоже не повезло. И в среду. Зато в четверг ночь выдалась многообещающая. В должное время Том выскользнул из дома, прихватив с собой старый жестяный фонарь тетушки и большое полотенце, — чтобы было чем его прикрыть. Он спрятал фонарь в гековой бочке и встал на стражу. За час до полуночи бар

постоялого двора закрылся, а все огни в нем (других в окрестностях не горело) погасли. «Испанец» так и не появился. Проулок оставался пустым. Все благоприятствовало исполнению замысла Тома. Ночь была темной, а безмолвие ее нарушалось лишь редким рокотом далекого грома.

Том залез в бочку, зажег фонарь, обмотал его полотенцем, и двое искателей приключений осторожно выступили во мраке к постоялому двору. Гек остался стоять на страже, Том на ощупь углубился в проулок. Для Гека настало время томительного ожидания, придавившего его дух, точно целая гора. Он вглядывался в темноту, надеясь увидеть свет фонаря, — конечно, свет перепугал бы его, но хотя бы дал ему знать, что Том еще жив. Геку казалось, что со времени ухода Тома прошел целый час. Наверняка он там в обморок грохнулся, а может, и умер, может, у него сердце разорвалось, не выдержав волнения и страха. Беспокойство подталкивало Гека все ближе и ближе к проулку; ему мерещились ужасы самых разных родов, он каждый миг ожидал, что разразится какая-то катастрофа, которая напрочь перешибет ему дыхание. Правда, перешибать было особенно нечего, ибо воздух Гек глотал хорошо если наперстками, зато уж сердце его колотилось

так, что было ясно: долго бедняге не протянуть. Внезапно в темноте полыхнул свет и мимо Гека пронесся Том, прошептавший:

— Беги! Беги что есть сил!

Мог бы и не повторять, одного раза было вполне достаточно, — между первым словом Тома и вторым Гек успел развить скорость миль в тридцать, а то и сорок в час. Мальчики не останавливались, пока не долетели до стоявшего на другом конце городка сарая — заброшенной скотобойни. И едва они заскочили под крышу, как сверкнула молния и ударил ливень. Едва отдышавшись, Том сказал:

— Ну и натерпелся же я страху, Гек! Один ключ попробовал, второй, старался, чтоб тихо было, да только они лязгали так, что я едва дышал с перепугу. А замок не отпирался. Ну, я, сам того не заметив, положил ладонь на ручку двери, а она и открылась! Не заперта была! Я запрыгнул внутрь, сбросил с фонаря полотенце и тут… *Господи помилуй*!

— Что!? Что ты увидел, Том?

— Гек, я чуть Индейцу Джо на руку не наступил!

— Нет!

— Да! Он лежал на полу, спал мертвым сном, на

одном глазу повязка, руки раскинуты.

— Господи, и что же ты сделал? Он проснулся?

— Нет, даже не шевельнулся. Пьяный был, я так понимаю. Я просто схватил полотенце с пола и дал деру!

— Я бы про полотенце и думать забыл!

— Ну… а я не забыл. Потеряй я его, мне тетя такое устроит.

— Слушай, Том, а ларец-то ты видел?

— Я, Гек, задерживаться там да по сторонам озираться не стал. Не видел я ларца и креста тоже не видел. Ничего я не видел, кроме бутылки и жестяной кружки на полу рядом с Джо — да, а еще два бочонка видел и кучу других бутылок. Понимаешь теперь, какая нечистая сила там завелась?

— Какая?

— Виски, вот какая! Может, и *во всех* постоялых дворах Общества трезвости такая комнатка с нечистой силой имеется, а, Гек?

— Да, пожалуй, что и так. Кто бы мог подумать? А послушай, Том, может, сейчас самое время ларец утащить, раз Индеец Джо пьяный валяется.

— Самое что ни на есть! Вот и иди, попробуй!

Гек содрогнулся.

— Знаешь… мне чего-то не хочется.

— И мне не очень, Гек. Одной бутылки, которая рядом с Индейцем Джо валялась, по-моему, маловато. Будь их три, я бы еще рискнул.

Мальчики помолчали, размышляя, затем Том сказал:

— Вот что, Гек, давай не будем больше туда соваться, пока не убедимся, что Индейца там нет. А то уж больно страшно. Если мы станем каждую ночь следить за дверью, то рано или поздно увидим, как он уходит, и тогда мы этот ларец утянем, никто и глазом моргнуть не успеет.

— Ладно, согласен. Буду стеречь там каждую ночь напролет, если остальную работу ты на себя возьмешь.

— Идет. Тебе только и нужно будет, что пробежать квартал по Хупер-стрит да помяукать. А если я спать буду, покидай в окно камушки, я и проснусь.

— Годится!

— Ну что, Гек, гроза прошла, пойду-ка я домой. Через пару часов уже рассветет. А ты вернись туда и постереги.

— Я ж сказал, что буду стеречь, Том, значит буду. Я от этого постоялого двора теперь целый год не отойду. Днем буду спать, а ночью стеречь.

— И отлично. Да, а спать-то ты где собираешь-

ся?

— На сеновале Бена Роджерса. Он меня не гонит и дядя Джейк, негр его папаши, тоже. Я для дяди Джейка воду ношу, когда ему нужно, а если я поесть попрошу, так он всегда со мной делится, коли найдет чем. Такой хороший негр, Том. И любит меня, потому как я никогда от него нос не ворочу, хоть он и черный. Я, бывает, даже есть с ним рядом сажусь. Только ты не говори никому. Когда у человека живот с голодухи подводит, ему не до правильных поступков.

— Хорошо, если ты мне днем не понадобишься, спи на здоровье, я тебя тревожить не стану. А как увидишь что ночью, лети ко мне и мяукай.

Глава XXIX
Гек спасает вдову Дуглас

Первая новость, услышанная Томом в пятницу утром, была хорошей — прошлым вечером в город вернулось семейство судьи Тэтчера. На какое-то время и Индеец Джо, и поиски клада отошли для Тома на второй план: все его мысли заняла Бекки. Они встретились и от души наигрались со школьными друзьями в прятки и в салки А закончился этот день совсем удачно — Бекки попросила свою мать назначить на завтра давно обещанный и долго откладывавшийся пикник, и та согласилась. Дети пришли в восторг, и Том не менее прочих. Приглашения были разосланы еще до захода солнца и дети городка немедленно приступили к лихорадочным приготовлениям. Волнение, охватившее Тома, продержало его без сна до позднего часа, он очень надеялся услышать, как замяукает Гек, и назавтра поразить Бекки и ее гостей обретенным им сокровищем. Увы, в эту ночь сигнал от Гека не поступил.

И наконец, настало утро и часов в десять-одиннадцать возбужденная, шумная компания детей

собралась в доме судьи Тэтчера, чтобы оттуда отправиться на пикник. В те времена у взрослых не было принято портить детские праздники своим присутствием. Считалось, что детям вполне хватит опеки нескольких юных леди восемнадцати лет и юных же джентльменов лет двадцати трех или около того. Судья нанял для такого случая старенький пароходик и вскоре веселая толпа нагруженных корзинками с провиантом детей двинулась к нему по главной улице городка. Заболевший Сид остался сидеть дома, Мэри тоже — чтобы ему не было совсем одиноко. Последние слова, с которыми миссис Тэтчер обратилась к Бекки, были такими:

— Вернетесь вы поздно. Может быть, тебе будет лучше заночевать у какой-нибудь девочки, живущей рядом с рекой

— Тогда я останусь у Сьюзи Харпер, мама.

— И прекрасно. Только веди себя там потише и не доставляй никому хлопот.

По пути к реке Том сказал Бекки:

— Давай знаешь что сделаем? Вместо того, чтобы идти к Джо Харперу, поднимемся на гору и заночуем у вдовы Дуглас. У нее мороженое — пальчики оближешь! Каждый день его ест — тоннами. А нам она страшно обрадуется.

— Ой, это будет чудесно!

Впрочем, подумав немного, Бекки спросила:

— А что скажет мама?

— Так она и не узнает ничего.

Девочка обдумала и это, а затем неуверенно произнесла:

— Наверное, это неправильно… но…

— Да ерунда! Мама твоя ничего не узнает, кому от этого плохо-то будет? Ей же только одно нужно, — чтобы с тобой дурного ничего не случилось, а так, она бы и сама тебе это предложила, если б додумалась. Точно говорю!

Замечательное гостеприимство вдовы Дуглас было и впрямь приманкой весьма искусительной. И в конце концов, оно вкупе с уговорами Тома взяло верх над сомнениями девочки. Другим детям они о своих планах на ночь решили не говорить. Правда, Тому пришло было в голову, что Гек может прийти к нему именно этой ночью и подать долгожданный сигнал. Мысль эта несколько омрачила его радостные предвкушения. И все же, заночевать у вдовы Дуглас — это будет так здорово! Да и с какой стати должен он отказываться от этого удовольствия? — спросил себя Том. В последнюю ночь Гек не появился, так почему он должен непременно прийти в следу-

ющую? Сокровище сокровищем, но оно пока еще вилами на воде писано, не лишаться же ради него приятного вечера. И Том — мальчик, он и есть мальчик — решил уступить искушению более сильному и о ларце с деньгами в этот день больше не думать.

Спустившись по реке на три мили, пароходик пристал у лесистой лощины. Пассажиры высыпали на берег и вскоре лесные дали и скалистые утесы огласились криками и смехом. Разбежавшиеся по лесу дети перепробовали все игры, позволявшие им выбиться из сил и посильнее распариться, а затем, вооруженные основательным аппетитом, возвратились к месту высадки и приступили к истреблению провизии. Покончив с ней, они отдохнули немного, разговаривая в тени раскидистых дубов. И наконец, кто-то воскликнул:

— А ну, кто в пещеру пойдет?

На этот призыв откликнулись все. Из корзин извлекли связки свечей, дети гурьбой побежали в гору. Вход в пещеру, напоминавший очертаниями букву «А», находился в самой середине горного склона. Вход закрывала массивная дубовая дверь — впрочем, не запертая. За дверью находилась маленькая зала, студеная, как погреб, с возведен-

ными Природой из крепкого известняка стенами, покрытыми каплями холодной испарины. Всякого, кто стоял здесь в сумраке, глядя на зеленую, залитую солнечным светом долину, охватывали чувства самые романтические, ощущение некой тайны. Впрочем, ощущение это быстро покинуло детей и началась обычная шумная возня. Стоило кому-то зажечь свечу, как на него набрасывалась целая ватага, начиналась борьба, хозяин свечи отважно защищал ее, но скоро она летела на пол и гасла, и дети радостно хохотали, и кто-то из них зажигал еще одну свечу, и все начиналось заново. Впрочем, всему на свете приходит конец. И вскоре целая процессия двинулась по главной галерее пещеры, и мерцающее пламя свечей тускло озарило его высокие стены, смыкавшиеся футах в шестнадцати над головами детей. Этот главный проход имел в ширину не более восьми-десяти футов. Через каждые несколько шагов от него уходили в обе стороны другие высокие, еще более узкие коридоры — пещера Мак-Дугала представляла собой гигантский лабиринт извилистых путей, сходившихся, расходившихся и никуда, в сущности, не ведших. Говорили, что по этой паутине расщелин и трещин можно блуждать сутками напролет, так никогда и не добравшись

до конца пещеры, что можно спускаться по ней вниз, вниз и еще вниз, чуть ли ни к центру земли, и там будет то же самое — лабиринт за лабиринтом, нескончаемые. Не было в городке человека, который «знал» бы пещеру. Да его и быть не могло. Дети в большинстве своем знали какую-то ее часть, а покидать пределы этой изученной части никто из них не решался. И познания Тома Сойера мало чем отличались от познаний прочих детей.

Процессия прошла по главному коридору примерно три четверти мили, а затем небольшие компании или просто парочки начали уклоняться в мрачные боковые проходы и бегать по ним, и пугать друг дружку, внезапно выскакивая на их перекрестки. Там можно было бродить по полчаса, никого не встретив, но и не выйдя за пределы «известной» части пещеры.

Постепенно одна компания детей за другой возвращалась к выходу — все они запыхались, всем было весело, всех покрывали с головы до пят капли свечного сала и разводы глины: в общем, день удался на славу. Покинув пещеру, дети с изумлением обнаружили, что совсем забыли счет времени, что близится ночь. На пароходике уже полчаса как бил, призывая их, колокол. Что же, и такое завершение дневных приключений

выглядело романтическим, и потому более чем удовлетворительным. И когда пароходик с его веселыми пассажирами вышел на середину реки, никто на его борту нисколько не жалел о потерянном времени — кроме капитана, конечно.

Когда огни пароходика проследовали мимо пристани, Гек уже стоял на посту. Никакого шума до него с пароходика не долетело — уставшие до полусмерти дети притихли. Гек погадал, что это за посудина и почему она не подошла к пристани, а затем выбросил ее из головы — у него и так было чем заняться. Ночь обещала выдаться облачной, темной. Десять часов — шум повозок на улицах стих, там и сям замерцали разрозненные огоньки, редкие прохожие исчезли, оставив маленького часового наедине с тишиной и призраками. Одиннадцать — на постоялом дворе погасили огни и городок погрузился в совершенный мрак. Гек ждал и ждал, долгое, как ему казалось время, но ничего не происходило. Сомнения одолевали его. Что толку ждать? Нет, ну, правда, — что? Может, махнуть на все рукой и завалиться спать?

И тут до его ушей донесся некий звук. Гек мгновенно насторожился. В проулке тихо затворилась дверь. Гек метнулся к углу разрушенной лавки. Миг спустя мимо него прошли двое мужчин и

один, похоже, нес что-то под мышкой. Ну, наверняка же ларец! Значит, они надумали куда-то перетащить его! Сбегать за Томом? Да нет, глупо — они уйдут с ларцом и ищи их потом, свищи. Нет уж, нужно идти за ними, благо темень стоит такая, что они нипочем его не заметят. И Гек, посовещавшись сам с собой, тронулся — босой и тихий, как кот, — следом за двумя мужчинами, стараясь держаться от них на таком расстоянии, чтобы они оставались лишь еле видимыми.

Мужчины прошли три квартала по улице, которая тянулась вдоль реки, повернули на перекрестке налево, пошли прямо, пока не достигли поднимавшейся на Кардиффскую гору дороги, свернули на нее. Миновали, не помедлив, стоявший на середине пути к вершине дом старика-валлийца. Ладно, подумал Гек, это они к старому карьеру идут, там ларец и закопают. Однако они миновали и карьер, продолжая подниматься к вершине горы. А после вдруг повернули на узкую, вившуюся в высоких зарослях сумаха тропинку и растворились в темноте. Гек решил сократить расстояние между собой и ними — увидеть его в такой темноте они все равно не смогут. Некоторое время он бежал трусцой, потом замедлил бег, испугавшись, что передвигается

слишком быстро, прошел еще немного и остановился, прислушиваясь: ни звука, ни единого, если не считать шума, с которым билось его сердце. С горы долетело уханье совы — зловещее! А вот шагов он впереди никаких не слышал. Господи, все пропало! Гек совсем уж было решил рвануть что есть мочи вперед, но тут кто-то кашлянул — и всего в четырех футах от него! Сердце Гека подскочило к самому горлу и мальчик, хоть и с трудом, но все же проглотил его. Он стоял на месте, трясясь так, точно на него напала не одна лихорадка, а сразу дюжина их, ноги его подгибались, он не сомневался, что сейчас повалится наземь. Гек уже понял, где находится — в пяти шагах от забора, за которым начинались владения вдовы Дуглас. Вот и хорошо, думал Гек, пусть они здесь ларец и зароют — проще будет искать.

И тут послышался голос — негромкий — голос Индейца Джо:

— Черт бы ее побрал, она, похоже, гостей принимает — время позднее, а в доме свет горит.

— Я что-то не вижу.

Это был голос незнакомца — незнакомца из дома с привидениями. Гека пробрала холодная дрожь — так вот, значит, кому собирались они «отомстить»! Беги, подумал он. И тут же вспом-

нил, что вдова Дуглас была добра к нему, и далеко не один раз, а эти двое, быть может, собираются убить ее. Он и хотел бы, чтобы ему хватило храбрости предупредить вдову, да знал — не хватит, тем более, что они могут застать его в доме и сцапать. Все это промелькнуло в голове Гека между словами незнакомца и ответом Индейца Джо на них:

— Это тебе куст застит. Сдвинься немного в сторону — ну, теперь видишь?

— Да, похоже, у нее и впрямь гости. Давай лучше бросим эту затею.

— Бросить и навсегда покинуть страну? Бросить и, может быть, упустить единственный случай? Я уже говорил тебе, повторю еще раз. Мне ее барахло не нужно, можешь забрать его себе. Но ее муж оскорблял меня — и не один раз, — это он был мировым судьей, который посадил меня за бродяжничество. Мало того! Я тебе еще и миллионной части не рассказал! Он добился того, что меня *выпороли* — выпороли перед тюрьмой, как какого-нибудь ниггера, на глазах у всего города! *Выпороли*! — понимаешь? Ладно, он меня обхитрил — взял да и помер. Но уж с *ней-то* я поквитаюсь.

— Ох, только не убивай ее! Не надо!

— Убивать? Разве я говорил что-нибудь об убийстве? *Его* я убил бы, будь он здесь, а ее не стану. Если хочешь отомстить женщине, не убивай ее — зачем? Просто изуродуй. Вырежь ей ноздри — отхвати уши, как свинье!

— Господи, да это ж…

— Держи свое мнение при себе! Целее будешь. Я привяжу ее к кровати. И если она помрет от потери крови, я тут буду не при чем. Помрет, не заплачу. А ты, приятель, поможешь мне — по старой дружбе, — для того я тебя и позвал, одному мне не справиться. Станешь вилять, убью. Ты понял? И если убью тебя, придется и ее убить, чтобы уж наверняка никто не узнал, чьих это рук дело.

— Ладно, раз надо, значит надо. Только давай покончим со всем поскорее, а то меня уже дрожь пробирает.

— Это *сейчас*, что ли? А гости? Ты смотри у меня, я ведь и неладное заподозрить могу, а тогда ты и минуты не проживешь. Нет, подождем, пока свет погаснет — спешить нам некуда.

Гек понял: сейчас наступит молчание, и будет оно еще пострашнее разговора об убийстве, а потому, затаив дыхание, опасливо отшагнул назад, осторожно и твердо опустив ступню на землю, затем перенес на нее свой вес, постоял

на одной ноге, едва не упав, качнувшись в одну сторону, потом в другую. Еще один шаг, столь же опасливый и столь же рискованный; затем еще и еще — и тут под ступней его треснул сучок! Он вообще перестал дышать, прислушался. Ни звука — полная тишь. Гека наполнила безмерная благодарность. Теперь он развернулся на тропе, между двумя стенами сумаха — развернулся с такой осторожностью, точно был пароходом. И пошел по ней, торопливо, но осмотрительно. Дойдя до карьера, он решил, что здесь ему уже ничто не грозит, и побежал да так, что только пятки в темноте засверкали. Вниз и вниз несся он, пока не достиг дома валлийца. Гек заколотил в его дверь и вскоре из окон показались головы старика и его дюжих сыновей.

— Что за шум? Кто стучит? Чего надо?

— Впустите меня — скорее! Я вам все расскажу.

— Да кто ты таков?

— Гекльберри Финн — впустите меня!

— Ишь ты, Гекльберри Финн! Имя, я так понимаю, открывающее многие двери! Ладно, ребятки, впустите его, пусть расскажет, что у него стряслось.

— Только, пожалуйста, не говорите никому, что это я вам рассказал, — такими были первые слова

влетевшего в дом Гека. — Пожалуйста, а то меня наверняка убьют, — но вдова не раз была добра ко мне, и я хочу сказать вам… и *скажу*, только пообещайте меня не выдавать.

— Клянусь небом, у него и вправду есть, что рассказать, иначе бы он так себя не вел! — воскликнул старик. — Ладно, выкладывай, никто из нас не выдаст тебя, паренек.

Спустя три минуты валлиец и его сыновья уже поднялись, вооруженные, в гору и вступили — на цыпочках, держа наготове оружие — на тропу в зарослях сумаха. Гек дальше за ними не пошел — спрятался за большим валуном и стал прислушиваться. Долгая, тревожная тишина, а следом вдруг выстрелы, крики.

Дожидаться, когда прояснятся подробности происходящего, Гек не стал. Он выскочил из-за валуна и во весь опор помчался вниз.

Глава XXX
Том и Бекки в пещере

В воскресенье утром, как только обозначились первые признаки рассвета, Гек едва ли не ощупью поднялся на гору и тихо постучал в дверь старого валлийца. Обитатели дома спали, однако события прошедшей ночи сделали сон их очень чутким, и потому из окна почти сразу донесся вопрос:

— Кто там?

Испуганный Гек негромко ответил:

— Пожалуйста, впустите меня. Это я, Гек Финн.

— Это имя способно открыть нашу дверь и ночью, и днем, паренек! — добро пожаловать!

То были странные для слуха мальчика-бродяжки слова, а последних двух он и вовсе ни разу не слышал. Дверь тут же отворилась, Гек вошел в дом, его усадили за стол, валлиец и рослые сыновья старика торопливо оделись.

— Ну, мой мальчик, надеюсь, ты здоров и голоден, потому что завтрак будет готов к восходу солнца и завтрак горячий, с пылу с жару, на этот счет не беспокойся. Мы с мальчиками надеялись,

что ты появишься еще ночью.

— Я перепугался до жути, — сказал Гек, — вот и удрал. Как пальба началась, побежал и три мили остановиться не мог. К вам я пришел, потому что уж больно хочется узнать, как все было, — пришел бы и ночью, да боялся столкнуться с теми дьяволами, даже если они уже мертвые.

— Да, бедолага, судя по твоему виду, ночь ты провел невеселую, — ну ничего, после завтрака мы тебя спать уложим. Нет, паренек, они не мертвые — и нас это сильно огорчает. Понимаешь, мы ведь знали, где их можно схватить, ты хорошо все описал, ну и подкрались к ним футов уж на пятнадцать — темно на этой тропинке в кустах было, как в погребе, — и тут, вдруг чувствую: сейчас чихну. Повезло, что называется! Я уж и так старался сдержаться и этак, да куда там — чих, он, если запросился наружу, так своего добьется! А я шел впереди, пистолет наготове держал и, как только чихнул, слышу — кусты зашуршали, это они, мерзавцы, с тропы удирают. Ну я и крикнул: «Огонь, мальчики!» и выстрелил на шорох. И мальчики тоже. Да только эти прохвосты оказались быстры на ногу, — понеслись они по лесу вниз, а мы за ними. Думаю, так мы в них и не попали. Они тоже, удирая, пальнули по разу, од-

нако их пули просвистели мимо без всякого для нас вреда. Ну, а как топота их слышно не стало, мы прекратили погоню, спустились вниз, подняли констеблей. Они собрали отряд, берег реки охранять, а когда рассветет, шериф собирается со своей командой лес прочесывать. И мои мальчики с ними пойдут. Жаль вот, описания негодяев у нас никакого нет, оно бы здорово помогло. Ну да ведь ты их в темноте разглядеть не мог, верно?

— Еще как разглядел, я же их в городе заметил и пошел за ними.

— Отлично! Тогда опиши их — опиши их, мой мальчик!

— Один — старый глухонемой испанец, который уже заходил пару раз в город, а другой — оборванец, с гнусной такой рожей…

— Этого хватит, паренек, мы их знаем! Я сам на них пару дней назад в лесу за домом вдовы натолкнулся, и они сразу же смылись. Бегите-ка, ребятки, расскажите все шерифу — а уж завтракать завтра будете!

Сыновья валлийца немедля собрались в дорогу. Когда они покидали дом, Гек вскочил на ноги воскликнул:

— Только не говорите никому, что это я их выдал! Пожалуйста!

— Как скажешь, Гек, но ведь тебя бы за это только похвалили.

— Ох, нет, нет, не говорите!

Когда молодые люди ушли, старик сказал:

— Они будут молчать — и я тоже. Но почему тебе так не хочется, чтобы о тебе узнали?

На скорую руку Гек смог придумать только одно объяснение — он, дескать, много чего знает об одном из этих людей и ему не хочется, чтобы тот узнал, что он про него знает, потому что тогда он его, Гека, непременно убьет.

Старик снова пообещал сохранить все в тайне, а затем спросил:

— Так почему же ты стал следить за ними, а, паренек? Они что, подозрительными тебе показались?

Гек помолчал немного, придумывая ответ поглаже. И наконец, сказал:

— Ну, понимаете, жизнь у меня трудная — по крайности, многие так говорят, сам-то я против нее ничего не имею, — вот я иногда и не могу заснуть, все думаю о ней да о том, как бы мне ее изменить. И этой ночью я тоже заснуть не мог, ну и вышел около полуночи по улицам погулять, вертел все в голове и так, и сяк, а как дошел до развалин старой лавки, которые за постоялым

двором Общества трезвости, то прислонился к ее стене, чтобы еще разок все обмозговать. Ну вот, и тут эти двое проходят мимо меня и под мышками что-то несут, — я решил, что краденое. Один из них курил, второй попросил у него огоньку, так что они остановились прямо против меня, сигары у них разгорелись, и вижу: тот, что повыше, это глухонемой испанец с белыми баками и повязкой на глазу, а второй — злющий такой, весь в лохмотьях…

— Так это ты при свете сигар лохмотья-то разглядел?

Вопрос заставил Гека запнуться. Он помолчал и сказал:

— Не знаю… вроде так выходит.

— А после они пошли дальше и ты…

— Ну да, пошел за ними. Так получилось. Хотел выяснить, что они задумали — уж больно воровато они крались. Они и дошли до поместья вдовы, а там остановились, и я услышал, как оборванец стал просить за нее, а испанец клясться, что он ее изуродует — про это я вам уже рассказывал…

— Что? Так все это *глухонемой* говорил!?

Да, Гек сделал еще одну ужасную ошибку! Он так старался не дать старику ни малейшего намека на то, кто такой, на самом деле, испанец,

однако язык его, казалось, был полон решимости навлечь на Гека беду, как бы он ни старался от нее отвертеться. Гек предпринял несколько попыток выбраться из западни, в которую сам же себя и загнал, но старик не сводил с него глаз, и он совершал промах за промахом. В конце концов, валлиец сказал:

— Не бойся ты меня так, мой мальчик. Да я и волоска на твоей голове не трону, ни за что на свете. Нет, я буду защищать тебя — буду! Испанец никакой не глухонемой, ты сам об этом проговорился — ну так, скажи мне больше. Ты же что-то знаешь о нем, только говорить не хочешь. Доверься мне — расскажи, что знаешь, и верь — я тебя не выдам.

С мгновение Гек смотрел в честные глаза старика, а потом склонился и прошептал ему на ухо:

— Это не испанец — это Индеец Джо!

Валлиец едва из кресла не выпрыгнул. И, помолчав немного, сказал:

— Ну теперь все понятно. Когда ты рассказывал об отрезанных ушах да изуродованных ноздрях, я решил, что ты это сам придумал, для украшения, потому что белый человек так не мстит. Но индеец! Это совсем другое дело.

За завтраком разговор продолжился и старик

рассказал, что ночью, перед тем как лечь спать, его сыновья взяли фонарь и поискали у изгороди и вблизи нее следы крови. И ничего не нашли, один только здоровенный узел с…

— С ЧЕМ?

Если бы слова были молниями, они и то не смогли бы покинуть побелевшие губы Гека с такой ошеломляющей внезапностью. Он ждал ответа, вытаращив глаза и задержав дыхание. Валлиец даже испугался и тоже уставился на него — прошли три секунды, четыре — и наконец, старик ответил:

— С воровским инструментом. Да *что это* с тобой?

Гек осел в кресле и задышал тихо, но глубоко, сердце его тонуло в несказанной благодарности. Валлиец несколько времени смотрел на него — с серьезностью и удивлением, — а затем добавил:

— Ну да, с воровским инструментом. Тебя это, похоже, сильно обрадовало. Но почему ты так испугался? Что, *по-твоему*, могли мы найти?

Положение было почти безвыходное — на Гека смотрели проницательные глаза, — он отдал бы все за правдоподобный ответ, а в голову ничего не приходило, — глаза проникали в него все глубже, глубже, — и наконец, ответ явился ему — не

так, чтобы очень умный, однако обдумывать его времени не было, и Гек пролепетал:

— Может… учебники для воскресной школы.

Бедный Гек был слишком расстроен, чтобы улыбнуться, старик же захохотал громогласно и весело, хохот сотрясал все его тело, от головы и до пят, а, успокоившись, он сказал, что такой смех — это верные деньги в кармане, потому что после него никакие доктора не нужны, значит им и платить не придется.

— Бедняга, совсем-то ты побледнел и умучился, чувствуешь себя плохо, — чего же удивляться тому, что ты такой пугливый и голова у тебя плохо варит? Но это пройдет. Поспишь, отдохнешь, силы-то и вернутся.

Геку неприятно было думать, что он такой олух — не смог скрыть охватившее его счастливое волнение, а ведь сам, едва услышав разговор у забора вдовы, понял, что никакого сокровища в том узле нет. Правда, он только *думал*, что в узле вовсе не сокровища упрятаны, а наверняка ничего не знал — ну и не смог сдержаться, услышав о находке. Но, в общем и целом, он был доволен, что все так сложилось, потому что теперь ему было точно известно: это не *тот* узел и значит можно успокоиться и мыслями о нем не терзаться. На

самом-то деле, все последние события подвигались в правильном направлении — сокровища, несомненно, так и лежат в № 2, злодеев сегодня изловят и упрячут в тюрьму, а он и Том этой же ночью завладеют золотом без всякого страха и помех.

Едва с завтраком было покончено, как кто-то постучал в дверь дома. Гек спрятался в тихом углу, не желая, чтобы кто-нибудь хотя бы отчасти связал его с ночным происшествием. Валлиец впустил в дом нескольких леди и джентльменов, в том числе и вдову Дуглас, а выглянув в дверь, увидел поднимавшиеся в гору компании горожан, намеревавшихся полюбоваться забором. Выходит, новости уже распространились.

Валлийцу пришлось рассказать гостям о ночных событиях. И вдова осыпала его непомерными благодарностями за спасение ее жизни.

— Ни слова об этом, мадам. Есть человек, которому вы обязаны куда больше, чем мне и моим мальчикам, однако он не разрешает назвать его имя. Если б не он, мы бы туда не пошли.

Разумеется, это возбудило интерес столь безмерный, что о самом главном, о ночном происшествии, все едва не забыли, валлиец же лишь распалил любопытство своих гостей, — а через

них и всего городка, — так своей тайны и не раскрыв. А после того, как он рассказал все прочие подробности, вдова сказала:

— Я заснула, читая в постели, и проспала весь шум. Но почему же вы не пришли и не разбудили меня?

— Да решили, что не стоит оно того. Эти мерзавцы навряд ли вернулись бы снова — орудий-то своих они лишились, — так зачем было будить вас и пугать до смерти? А дом ваш всю ночь сторожили трое моих негров. Они только что вернулись оттуда.

Вскоре явились новые гости и старику пришлось рассказывать и пересказывать всю историю в течение еще пары часов.

Во время каникул занятия в воскресной школе не проводились и жители городка пришли в церковь пораньше. Все они обсуждали волнующее ночное событие. Сообщалось, что никаких следов двух негодяев обнаружено пока не было. Когда же закончилась проповедь, супруга судьи Тэтчера пристроилась к миссис Харпер, шедшей с прочими прихожанами по проходу церкви, и спросила:

— Моя Бекки, что же, весь день проспать собирается? Я так и думала, что она устанет до

смерти.

— Ваша Бекки?

— Ну да, — испуг в глазах, — разве она не у вас ночевала?

— Нет, а что?

Миссис Тэтчер побледнела и опустилась на скамью, и именно в этот миг проходившая мимо и живо беседовавшая со знакомой тетя Полли сказала:

— С добрым утром, миссис Тэтчер. С добрым утром миссис Харпер. Опять мой мальчишка куда-то пропал. Я так понимаю, Том в вашем доме заночевал — или в вашем. А теперь боится в церкви показаться. Ну, я ему устрою.

Миссис Тэтчер слабо покачала головой и побледнела еще пуще.

— У нас его не было, — признесла начавшая тревожиться миссис Харпер. Тревога проступила и на лице тети Полли.

— Джо Харпер, ты моего Тома нынче утром видел?

— Нет, мэм.

— А когда видел в последний раз?

Джо попытался припомнить, но не смог. Выходившие из церкви люди стали останавливаться, перешептываться, тень беспокойства легла на

каждое лицо. Начались встревоженные расспросы — детей, молодых учителей. Выяснилось, что никто из них ни Тома, ни Бекки на борту возвращавшегося в город пароходика не заметил — было уже темно, а проверить, не остался ли кто на берегу, никому в голову не пришло. Наконец, один молодой человек испуганно выпалил, что они, верно, и сейчас еще в пещере! Миссис Тэтчер упала в обморок. Тетя Полли зарыдала, заламывая руки.

Страшное известие передавалось из уст в уста, от одной людской компании к другой, с улицы на улицу и через пять минут забили церковные колокола, поднимая на ноги весь городок. Происшествие на Кардиффской горе утратило большую часть его значения, о грабителях все позабыли и еще до того, как ужасная новость успела состариться на полчаса, две сотни мужчин направились по реке и по береговой дороге к пещере.

В долгие послеполуденные часы городок выглядел пустым, словно вымершим. Многие женщины навестили тетю Полли и миссис Тэтчер, чтобы постараться успокоить их. Ну и поплакать с ними, конечно, что было лучше всяких слов. Всю томительную ночь город ждал известий, но, когда, наконец, наступило утро, известие при-

шло только одно: «Пришлите побольше свечей — и еды». Миссис Тэтчер почти обезумела, да и тетя Полли тоже. Судья Тэтчер присылал жене записки со словами надежды и ободрения, однако поднять дух бедных женщин этим запискам не удалось.

Старый валлиец, покрытый пятнами свечного сала, перепачканный в глине и полуживой от усталости, возвратился в свой дом на рассвете. И обнаружил Гека так и лежавшим в отведенной ему постели, да еще и бредившим в горячке. Все доктора городка ушли в пещеру и потому ходить за больным взялась вдова Дуглас. Она сказала, что сделает все для нее посильное, потому что хороший ли Гек мальчик, дурной или совсем никакой, но все же, он — создание Господне, а ничем, сотворенным Господом, пренебрегать не следует. Валлиец же сказал ей, что Гек не лишен достоинств, и вдова ответила:

— Вне всяких сомнений. Это печать Господня. Он никого не бросает. Никогда. На всяком Его создании такая печать где-нибудь да отыщется.

Поутру в городок начали возвращаться изнуренные мужчины, однако самые крепкие из его граждан продолжили поиски. Все возвратившиеся рассказывали одно: уже обшарены самые

отдаленные уголки пещеры, в которые прежде никто не заглядывал, каждый ее закуток, каждую расщелинку старательно обыскали; время от времени кто-то из шедших по галереям пещеры вдруг замечал мерцавший далеко впереди огонек и тогда мрачные проходы оглашались криками и пистолетными выстрелами. В одном месте, далеком от тех, что обычно посещаются туристами, на каменной стене обнаружили выведенную свечной копотью надпись «Бекки и Том», а совсем рядом с ней лежал на земле пропитавшийся свечным салом клочок ленты. Миссис Тэтчер признала этот клочок и разрыдалась над ним, твердя, что это последняя оставшаяся у нее память о ее девочке, и самая драгоценная, потому что только она и видела ее дочь еще живой, еще не настигнутой мучительной смертью. Кто-то рассказал, что иногда люди, обыскивавшие пещеру, видели вдали искорку света и тогда из их глоток вырывался радостный крик и с десяток мужчин бежали, гулко топая, по проходам, — но их неизменно ждало горькое разочарование, ибо находили они не детей, а лишь своих же товарищей, также занимавшихся поисками.

Так и тянулись гнетущие дневные и ночные часы и городок постепенно погружался в лишен-

ное надежд оцепенение. Руки у всех опустились. Случайно сделанное в это время открытие — выяснилось, что владелец постоялого двора Общества трезвости поторговывал спиртным, почти не участило, сколь ни отвратительным оно выглядело, пульс городка. Гек, когда у него настала минута просветления, заговорил вдруг о постоялых дворах и спросил, вяло страшась ответа, не нашли ли чего — уже после того, как он заболел, — в постоялом дворе Общества трезвости.

— Нашли, — ответила вдова.

Гек сел в постели, глаза его стали безумными.

— Что? Что нашли?

— Спиртное! — и теперь этот двор закрыли. Ложись, дитя, не пугай меня.

— Скажите мне только одно — только одно, прошу вас! Это Том Сойер его нашел?

Вдова разразилась слезами:

— Тише, тише, дитя, тише! Я уже говорила тебе — ты *не должен* разговаривать. Ты очень, очень болен.

Выходит, только выпивку и нашли; кабы нашли золото, тут бы такой шум поднялся… И значит, сокровище исчезло — навсегда! Но почему она плачет-то? Как странно, что она плачет.

Эти мысли кое-как пробились в тусклое сознание Гека и утомили мальчика до того, что он заснул. А вдова сказала себе:

«Ну вот, он и снова спит, бедный страдалец. Том Сойер нашел! Кто бы теперь нашел самого Тома Сойера! Немого осталось тех, кому еще хватает надежд и сил для продолжения поисков.»

Глава XXXI
Находки и потери

Вернемся теперь к тому, что произошло во время пикника с Томом и Бекки. Первое время они прогуливались вместе с другими детьми по темным галереям, навещая знакомые им чудеса пещеры, носившие названия, чрезмерно картинные — «Гостиная», «Собор», «Дворец Аладдина» и прочее. Затем началась игра в прятки — сначала Том и Бекки предавались ей с пылом, но затем слегка подустали и пошли прогуляться по извилистому коридору, держа свечи несколько наотлет и читая имена, даты, почтовые адреса и изречения, густой росписью (созданной посредством свечной копоти) покрывавшие его каменные стены. Так, уходя все дальше и разговаривая, они почти не заметили, как оказались в таких местах, где никакой стенной росписи видно уже не было. Дети вывели под выступом стены собственные имена и двинулись дальше. И наконец, пришли туда, где с каменного навеса спадала струйка воды, насыщенной известняком, который в ходе неторопливых столетий изваял

из поблескивавшего, неподвластного даже времени камня кружевную, плоеную Ниагару. Том, желая порадовать Бекки, протиснулся за каменные кружева, чтобы подсветить их изнутри. И обнаружил заслоненную ими, вырубленную самой Природой узкую лестницу, круто уходившую вниз между двумя стенами, и лестница эта мигом пробудила в нем честолюбивого первопроходца. Он позвал к себе Бекки, дети копотью нанесли на стену пометку, которая помогла бы им отыскать дорогу назад, и отправились на поиски новых открытий. Некоторое время они спускались в тайные глубины пещеры, а затем оставили еще одну пометку и отклонились в сторону от лестницы, надеясь совершить новые открытия, о которых смогут рассказать наверху. Так они добрались до просторного каменного подземелья, с потолка которого свисало множество сверкающих сталактитов длиной и обхватом примерно в человеческую ногу. Дети побродили среди них, дивясь и любуясь, а после свернули в один из многочисленных выходящих из этой полости коридоров, и вскоре он привел их к волшебному источнику, дно которого покрывал тонкий узор из поблескивавших кристаллов; источник этот бил в самой середине другого подземелья

со стенами, состоявшими из фантастических колонн, образовавшихся при соединении огромных сталактитов и сталагмитов, созданных водой, которая столетиями капала с потолка подземелья. Потолок облюбовали летучие мыши, свисавшие с него большими гроздьями — по несколько тысяч в каждой; свет потревожил этих тварей и они сотнями ринулись вниз, пища и яростно бросаясь на свечи. Том хорошо знал и повадки их, и опасность того, что они сейчас делали. Он схватил Бекки за руку и бегом повлек ее в первый же попавшийся коридор — и то с некоторым опозданием, ибо одна из летучих мышей успела загасить крылом свечу выбегавшей в него Бекки. Летучие мыши долго еще преследовали детей, однако те раз за разом ныряли в первые же попадавшиеся им по пути боковые галереи и, наконец, ушли от опасной погони. А затем Том обнаружил подземное озеро, тянувшееся, теряясь во мраке, далеко-далеко. Мальчику очень хотелось исследовать берега этого озера, однако он решил, что сначала лучше будет присесть — в первый с начала похода раз — и немного отдохнуть. И тогда мертвое безмолвие этих мест впервые сжало холодной и липкой лапой души обоих детей. Бекки сказала:

— Я как-то не думала об этом, но, по-моему, мы

давно уже не слышим ничьих голосов.

— Так ведь мы забрались куда ниже их, Бекки, и уж не знаю, как далеко ушли от них на север, на юг, на восток — в общем, куда-то ушли.

Бекки встревожилась.

— Интересно, давно ли мы бродим здесь, Том? Давай лучше вернемся назад.

— Да, пожалуй, так оно будет лучше. Наверное.

— А ты сможешь найти дорогу, Том? Я в этих поворотах совсем запуталась.

— Думаю, смогу — вот только летучие мыши… Если они загасят наши свечи, нам очень туго придется. Давай попробуем в обход пойти, чтобы опять к ним не попасть.

— Давай. Надеюсь, мы не собьемся с пути. Это было бы так ужасно! — и мысль о столь страшном исходе заставила ее содрогнуться.

Они выбрали коридор и долго шли по нему в молчании, заглядывая в каждый встречный проход, чтобы понять, нет ли в нем чего-либо уже им известного, однако каждый оказывался незнакомым. Всякий раз, как Том осматривал новый проход, Бекки вглядывалась в лицо мальчика, стараясь увидеть в нем какие-то способные породить надежду знаки, а он весело произносил:

— Все в порядке. Этот не годится, но мы все

равно найдем тот, что нам нужен!

Однако у самого Тома уверенности после каждой новой неудачи оставалось все меньше и меньше и, наконец, он начал наугад сворачивать в первые попавшиеся галереи в отчаянной надежде найти уже знакомую. Он еще повторял «все в порядке», но сердце его сковал страх столь тяжкий, что прежнего задора в этих словах не осталось и звучали они теперь так, точно Том говорил: «Все пропало!». Бекки в мучительном страхе жалась к нему, изо все сил стараясь сдержать слезы. И наконец сказала:

— Ах, Том, ничего, что там летучие мыши, давай все же вернемся! По-моему, мы только хуже делаем.

— Послушай! — сказал Том.

Полная тишина — столь глубокая, что даже дыхание детей казалось в ней шумным. Том крикнул. Крик его отдался эхом в пустых проходах и замер вдали, обратившись в звук столь тихий, что он показался детям переливом издевательского смеха.

— Не делай так больше, Том, а то мне жутко становится, — попросила Бекки.

— Пусть оно и жутко, Бекки, а все лучше, чем ничего, — нас ведь могут услышать, понимаешь?

И он крикнул еще раз.

В его «могут» леденящего ужаса было больше, чем в призрачном смехе, ибо слово это свидетельствовало о гибели надежды. Дети стояли неподвижно, вслушиваясь, — нет, ничего! Том развернулся и торопливо пошел назад. Однако недолгое время спустя нерешительность, проступившая во всей его повадке, открыла Бекки еще одну страшную правду: обратной дороги он не знает!

— Ах, Том, ты же не оставлял пометок!

— Я такой идиот, Бекки! Такой идиот! И думать забыл о том, что надо будет как-то вернуться! Все — я сбился с пути. Совсем запутался.

— Том, Том, мы заблудились! Нам больше не выбраться из этого ужасного места! Ах, и *зачем* только мы ушли от наших!

Она осела на землю и зарыдала, да так бурно, что Том перепугался — а ну как Бекки умрет от горя или лишится рассудка? Он присел рядом с ней, обнял ее, девочка уткнулась лицом в его грудь, приникла к нему и принялась изливать свои страхи, свои бесплодные сожаления, и далекое эхо, глумливо посмеиваясь, возвращало их детям. Том упрашивал ее не отчаиваться, не расставаться с надеждой, она отвечала, что не мо-

жет. Тогда он стал обвинять и поносить себя за то, что довел ее до такого жалкого положения, и это подействовало. Бекки сказала, что постарается не унывать, что сейчас она встанет и пойдет за ним куда угодно, но только пусть он так больше не говорит. Потому что его вина ничуть не больше, чем ее, сказала она.

И они пошли дальше — без цели, куда глаза глядят, — все, что им оставалось, это идти. Спустя недолгое время надежды их снова ожили — без особой на то причины, а просто потому, что надежде свойственно воскресать, пока старость и привычка к неудачам не отнимут у нее былую живучесть.

Но тут Том взял у Бекки свечу и задул ее. И как же много значило это проявление бережливости! Слова не потребовались, Бекки все поняла и без них, и ее упования угасли снова. Она же знала, что у Тома есть и целая свеча, и еще три или четыре огарка рассованы по карманам — и все-таки, он решил экономить.

Вскоре усталость начала предъявлять им свои притязания. Дети старались не обращать на нее внимания, им страшно было и думать о том, что они сядут и будут сидеть, теряя столь драгоценное для них время — нет, они должны идти, все равно

куда, ибо только движение может принести хоть какие-то плоды, сидеть же на месте, значит звать к себе смерть и сокращать ей дорогу.

Но, в конце концов, ноги Бекки отказались нести ее дальше. И она села. Том присел рядом, они заговорили о доме, о том, сколько там друзей, удобных постелей и, главное, света! Бекки расплакалась, Том постарался, как мог, утешить ее, но все произносимые им ободряющие слова, уже истерлись от частого употребления до дыр и приобрели сильное сходство с сарказмами. И скоро уставшая до изнеможения Бекки задремала. Тома это обрадовало. Он сидел, вглядываясь в ее осунувшееся лицо, и видел, как приятные сны разглаживают его, превращают в привычное, в обычное лицо Бекки — мало-помалу и улыбка появилась на нем, да так и осталась. Мир ее лица вселил целительный покой и в душу самого Тома, и мысли его удалились в давние времена, к утешительным воспоминаниям. Так он и сидел, погруженный в раздумья, пока Бекки не издала веселый смешок и не проснулась, — впрочем, смешок этот сразу умер на ее губах, сменившись стоном.

— Ох, как же я могла заснуть! Хотя, лучше бы и не просыпалась! Нет! Нет, Том! Не смотри так! Я

этого больше никогда не скажу!

— Это хорошо, что ты поспала, Бекки, ты отдохнула, теперь мы выберемся отсюда.

— Попробуем, Том. Но какие чудесные края мне приснились! Наверное, к ним мы с тобой и идем.

— Может, к ним, может, не к ним. Не унывай, Бекки, и давай попробуем еще раз.

Дети встали и побрели дальше — рука в руке, но без каких-либо надежд. Оба пытались понять, сколько времени уже провели в пещере, и обоим казалось — дни, а то и недели, хоть оба и знали, что этого быть никак не могло: ведь свечи-то еще не догорели. Долгое время спустя, хотя насколько долгое, об этом они никакого представления не имели, Том сказал, что им лучше ступать как можно тише, вслушиваясь, не журчит ли где вода, — нужно найти источник. В конце концов, источник они нашли, и Том объявил, что пора отдохнуть снова. Оба страшно устали, и все же Бекки сказала, что, наверное, стоит пройти еще немного. И удивилась, услышав отказ Тома. Причин отказа она понять не могла. Они сели, Том куском глины прилепил к стене перед ними свечу. Дети задумались и долгое время ничего не говорили. Наконец, Беки нарушила молчание:

— Так хочется есть, Том.

Он достал что-то из кармана.

— Помнишь? — спросил он.

Бекки почти улыбнулась.

— Это наш свадебный торт, Том.

— Да, жаль только, что величиной он не с бочонок, потому что это все, что у нас с тобой осталось.

— Я спрятала его на пикнике в твой карман, хотела потом положить под подушку, как взрослые делают, а теперь он станет нашим…

Она умолкла. Том разделил кусочек кекса на две части, и Бекки быстро проглотила свою, Том же съел лишь половину. Холодной воды хватало — было чем закончить праздничный пир. В конце концов, Бекки предложила идти дальше. Том помолчал немного, а после сказал:

— Выслушай меня, Бекки, ладно? Только спокойно.

Бекки побледнела, но сказала, что выслушает.

— Так вот, Бекки, нам лучше остаться здесь, у воды. Этот огарок — последний.

Бекки заплакала, запричитала. Том утешал ее, как мог, но без большого успеха. А наплакавшись, она вдруг сказала:

— Том!

— Да, Бекки?

— Нас же хватятся, станут искать!

— Конечно, хватятся! Наверняка, уже хватились!

— Может, и ищут уже, а, Том?

— Я думаю, должны. Надеюсь.

— А когда они хватились нас, Том?

— Наверное, когда все вернулись на пароход.

— В то время, скорее всего, темно уже было — они могли и не заметить, что нас нет.

— Ну, не знаю. Но когда все по домам вернулись, мама-то твоя сразу поняла, что тебя нет.

Испуг, появившийся на лице Бекки, сказал Тому, что он дал маху. Бекки же в ту ночь дома не ждали! Дети снова примолкли. И скоро на Бекки накатил новый прилив горя, и Том понял — ей пришла в голову та же мысль, что и ему: раньше середины воскресного утра миссис Тэтчер о том, что Бекки не ночевала у миссис Харпер, не узнает.

Дети неотрывно смотрели на огарок свечи, наблюдая за тем, как он безжалостно тает; вот от него осталось всего полдюйма; язычок пламени слабел, поднимаясь и поникая, и наконец, он потянулся вслед за тонкой струйкой дыма, помедлил немного и — к совершенному ужасу детей, на них опустилась тьма!

Сколько времени прошло после этого, прежде чем Бекки понемногу начала понимать, что плачет в объятиях Тома, ни один из детей сказать не взялся бы. Оба сознавали только одно — прошло его очень много. Оба вышли из мертвого оцепенения сна, но лишь для того, чтобы снова ясно понять, какая с ними случилась беда. Том сказал, что сейчас, пожалуй, уже воскресенье, да нет, скорее всего, понедельник. Он попытался разговорить Бекки, но горе ее было слишком тяжким, а надежд она лишилась совсем. Их, верно, хватились уже давно, сказал Том, так что поиски идут сейчас полным ходом. Вот он сейчас покричит, сказал Том, глядишь, кто-нибудь и придет. Он крикнул, однако далекое эхо его крика прозвучало во мраке так жутко, что новых попыток Том предпринимать не стал.

Тянулись пустые часы и пленников подземелья снова начал терзать голод. Дети разделили то, что осталось от прежней доли Тома и съели ее. И проголодались еще пуще. Жалкие крохи лишь обострили аппетит.

Внезапно Том произнес:

— *Чш!* Ты слышала?

Оба затаили дыхание, вслушались. И услышали что-то вроде тишайшего, очень далекого

крика. Том мгновенно ответил на него и, схватив Бекки за руку, побежал по коридору туда, откуда донесся крик. Потом остановился, прислушался снова; крик повторился и, похоже, чуть-чуть приблизился.

— Это они! — сказал Том. — Они идут к нам! Вперед, Бекки, — мы спасены!

Радость детей охватила почти умопомрачительная. Однако продвижение их замедляли покрывавшие этот коридор и требовавшие постоянной осторожности ямы. И скоро дети натолкнулись на такую, что пришлось и вовсе остановиться. Глубины в ней могло быть три фута, а могло и сто, обойти же ее никакой возможности не было. Том лег на живот, опустил в нее руку — так далеко, как только мог. Дно отстствовало. Оставалось лишь одно — сидеть здесь и ждать прихода спасателей. Дети прислушались — крики явно стихали, становясь еще более далекими! миг-другой и они стихли совсем. Какая надрывающая сердце тоска! Том кричал, пока не охрип, но без толку. Он разговаривал с Бекки, пытаясь обнадежить ее, однако прошли столетия тревожного ожидания, а звуки так и не вернулись.

Дети на ощупь возвратились к источнику.

Тянулось усталое время; они снова заснули, изголодавшиеся, убитые горем. Том полагал, что уже настал вторник.

И тут ему явилась новая мысль. Совсем рядом с ними уходило в сторону несколько боковых галерей. Чем сидеть и томиться тягостным бездельем, не лучше ли исследовать хоть некоторые из них? Он достал из кармана клубок бечевки от змея, обвязал ею каменный выступ и отправился вместе с Бекки в путь. Том шел впереди, ощупывая стену и разматывая клубок. Через двадцать шагов галерея уперлась во что-то вроде обрыва. Том встал на колени, пошарил ладонью по его уходящей вниз стене, потом по углу, который она образовывала с другой стеной, потом потянулся, как мог дальше, вправо, и тут ярдах в двадцати от него из-за угла появилась рука со свечой! Том восторженно завопил, но следом за рукой появилось и тело, которому она принадлежала — тело Индейца Джо! Том закоченел, он даже шелохнуться не мог. И в следующий миг с великой радостью увидел, как «испанец» круто развернулся и скрылся из глаз. Том не понимал, как же это Джо не узнал его голос, не набросился на него и не убил за выступление в суде. Должно быть, голос исказило эхо. Да, конечно, так и

было, решил Том. От испуга каждая мышца его обмерла. И Том сказал себе, что, если ему хватит сил вернуться к источнику, так он там и останется и ничто не заставит его рискнуть еще одной встречей с Индейцем Джо. Рассказывать Бекки об увиденном Том не стал. Сказал, что крикнул просто так, «на всякий случай».

Однако, в конечном счете, голод и ощущение обреченности взяли верх над страхами Тома. Еще одно томительное ожидание у источника, еще один долгий сон изменили его настроение. Дети проснулись измученными неистовым голодом. Том полагал, что уже настала среда или четверг, а то и пятница — может быть, даже суббота. Он предложил Бекки заняться еще одной галереей. Теперь он готов был и к встрече с Индейцем Джо, и к любым другим ужасам. Но Бекки совсем ослабла. Она впала в сумрачную апатию и даже встать не пожелала. Сказала, что подождет его здесь, на этом месте, а после умрет — теперь уже ждать не долго. Пусть Том возьмет клубок и займется, если ему так хочется, исследованием коридоров, но только, с мольбой попросила она, пусть время от времени возвращается к ней и пусть пообещает, что когда придет ужасный срок, он останется рядом и будет держать ее за руку до самого конца.

Том, у которого перехватило горло, поцеловал ее, изобразил уверенность в том, что он непременно отыщет спасателей или выход из пещеры, взял в руку клубок и на четвереньках пополз по новому проходу, мучимый голодом и предчувствием неотвратимой смерти.

Глава XXXII
«Вставайте! Нашлись!»

Наступил и истаял в сумерках вечер вторника. Городок Санкт-Петербуг по-прежнему скорбел. Пропавших детей так и не нашли. За них молились в церкви, возносили, горячо и от всего сердца, мольбы во многих домах, однако никаких радостных вестей из пещеры по-прежнему не поступало. Большая часть спасателей сдалась, бросила поиски и вернулась к своим обычным занятиям, говоря, что все уже ясно — отыскать детей не удастся. Миссис Тэтчер слегла и большую часть времени проводила в бреду. Говорили, что она то и дело окликает свое дитя, да так, что у тех, кто слышит ее, просто сердце надрывается, а иногда приподнимает голову и целую минуту вслушивается, но затем со стоном опускает ее на подушку. Тетя Полли впала в полное уныние, волосы ее почти совсем побелели. И с наступлением ночи городок заснул, несчастный и опечаленный.

И вдруг, в самую полночь, в нем забили все колокола, а миг спустя улицы наполнились

исступленными полуодетыми людьми, кричавшими: «Вставайте! вставайте! они нашлись! нашлись!». К этим крикам добавился лязг жестяных сковородок и рев рожков, все понеслись к реке и увидели детей, которые ехали в открытой коляске, запряженной восторженно вопившими жителям городка, и столпились вокруг и величавым маршем пошли с ними к дому Тэтчеолв, ревя по пути «ура! ура!».

Городок осветился, никто и не думал о том, чтобы снова забраться в постель, то была величайшая из когда-либо виданных им ночей. В первые полчаса через дом судьи Тэтчера текла череда горожан, желавших обнять спасенных, расцеловать их, пожать руку миссис Тэтчер, сказать что-нибудь, — но это мало кому удавалось и люди просто покидали дом, потопляя его в слезах.

Счастье тети Полли было полным и окончательным, счастье миссис Тэтчер почти таким же. Впрочем, этому «почти» предстояло устраниться, как только посыльный доставит великую новость ее мужу, еще остававшемуся в пещере. Том лежал на софе и излагал жадно внимавшей ему публике историю своего великого приключения, добавляя к ней множество поразительных по-

дробностей и прикрас, а закончил всю историю рассказом о том, как он оставил Бекки и отправился в исследовательскую экспедицию, как прошел по двум коридорам на всю длину бечевки, как пробирался по третьему, пока бечевка не натянулась, точно струна, и совсем уж надумал повернуть назад, когда углядел далеко впереди искорку света, похожего на дневной; как бросил бечевку и на ощупь направился к этой искорке, и просунул голову и плечи в маленькую прореху в стене пещеры, и увидел широкую Миссисипи, катившую мимо него воды свои! А ведь случись это ночью, никакой искорки он не увидел бы и от дальнейшего исследования прохода просто отказался! Следом Том поведал о том, как он принес благую весть Бекки, а та попросила не приставать к ней с такой ерундой, потому что она устала, и знает, что скоро умрет, и желает этого. Том подробно описал, как уговаривал ее и убеждал, как она едва не померла от радости, когда добралась с ним до места, с которого различалась та самая голубая искорка дневного света, как он выбрался из прорехи и помог выбраться Бекки; как они опустились на землю и заплакали от счастья; как увидели проплывавших мимо в ялике людей, и как он, Том, окликнул их и рас-

сказал, что произошло с ним и с Бекки, и как они оба изголодались; поначалу эти люди рассказу его не поверили, «потому как», говорили они, «до долины, в которой пещера, отсюда пять миль вверх по реке», но затем посадили детей в лодку, догребли до своего дома, накормили, дали им, когда стемнело, отдохнуть часа два или три и отвезли в город.

Судью Тэтчера и горстку оставшихся с ним спасателей удалось отыскать в пещере еще до зари — по двум веревкам, которые они оставляли за собой, — и сообщить им великую новость.

Три дня и три ночи тяжких усилий и голода не могли, конечно, пройти даром, и Том с Бекки скоро поняли это. Всю среду и четверг они провели в постелях и обоим показалось, что за это время они только сильнее устали. В четверг Том начал понемногу ходить, в пятницу погулял по городку, а в субботу почти пришел в себя; Бекки же пролежала до воскресенья, а когда встала, выглядела пережившей изнурительную болезнь.

Том, прослышав, что Гек занедужил, отправился в пятницу повидаться с ним, но к Геку его не допустили, — то же повторилось и в субботу, и в воскресенье. А потом пускали уже что ни день, предупреждая, впрочем, что и о приключе-

нии его, и о прочих волнующих предметах ему надлежит помалкивать. За соблюдением этого правила следила остававшаяся у постели Гека вдова Дуглас. О событиях на Кардиффской горе Том же знал от домашних; знал он и о том, что труп «оборванца» в конце концов обнаружили в реке у переправы; по-видимому, негодяй утонул, пытаясь сбежать из городка.

Недели через две после его выхода из пещеры Том направлялся к Геку, который уже успел окрепнуть и для разговоров волнующих, — а у Тома имелось, как он полагал, что рассказать другу. Дорога вела мимо дома судьи Тэтчера и Том заглянул туда, чтобы повидаться с Бекки. Судья принимал гостей, они попросили Тома присесть, поговорить с ними, и кто-то шутливо спросил, не желает ли он еще разок заглянуть в пещеру. Том ответил, что, пожалуй, не отказался бы. На что судья сказал:

— Что же, Том, нисколько не сомневаюсь, что ты такой не один. Но мы приняли необходимые меры. Больше в этой пещере никто не заблудится.

— Почему?

— Потому что две недели назад я распорядился обшить ее дверь котельным железом да запереть

на три замка, а ключи отдать мне.

Том побелел, как полотно.

— Что с тобой, мальчик? Эй, кто-нибудь, сюда! Принесите воды!

Воду принесли, побрызгали ею в лицо Тома.

— Ну вот, тебе и получше стало. Что случилось, Том?

— Ах, судья, там, в пещере, Индеец Джо!

Глава XXXIII
Участь Индейца Джо

Новость эта за несколько минут облетела городок и десяток лодок устремился к пещере Мак-Дугалла, а вскоре за ними последовал и набитый пассажирами пароходик. Том Сойер плыл в одном ялике с судьей Тэтчером.

Когда дверь пещеры открыли, в тусклом свете ее предстала скорбная картина. Мертвый Индеец Джо лежал на земле, прижавшись лицом к трещинке в двери, как если бы тоскующий взгляд его до последнего мгновения не отрывался от света и радости привольного наружного мира. Том был тронут, ибо по собственному опыту знал, что пришлось вытерпеть несчастному. Он жалел Индейца, и тем не менее, ощущал великое облегчение и свободу, ибо только теперь вполне понял, каким тяжким бременем лежал на нем страх с тех пор, как он решился возвысить свой голос против кровожадного изгоя.

Рядом с Индейцем Джо валялся его длинный охотничий нож, переломленный надвое. Тяжелый нижний брус двери был изрезан и исщеплен

этим ножом — труд тяжкий, но бессмысленный, поскольку за дверью находился сооруженный самой природой каменный порожек, которому нож был нипочем — о порожек-то он и сломался. Но даже в отсутствие порожка труд этот был напрасен, — если бы Индейцу Джо и удалось перерезать брус полностью, протиснуться под дверью он все равно не смог бы и хорошо знал это. И стало быть, брус он кромсал лишь для того, чтобы занять себя — скоротать томительное время, отвлечься от жестоких мыслей. Обычно из углублений ближних к двери стен торчало с полдюжины оставленных посетителями пещеры свечных огарков, теперь не было ни одного. Узник отыскал их и съел. Он ухитрился даже изловить нескольких летучих мышей и их съел тоже, оставив лишь коготки. Несчастный умер голодной смертью. Неподалеку от входа в пещеру вот уже несколько столетий неторопливо вырастал из земли сталагмит, создаваемый падавшими сверху, со сталактита, каплями воды. Узник разломал сталагмит и поместил на оставшийся от него пенек камень, с выскобленной в нем лункой для сбора драгоценной влаги, капли которой падали в нее раз в три минуты с тоскливой размеренностью тикающих часов — за сутки набиралась

десертная ложка воды. Эти капли падали сюда, когда возводились Пирамиды, когда была разрушена Троя, когда закладывались первые здания Рима, когда распинали Христа, когда отправлялся в плавание Колумб, когда была «новостью» битва при Лексингтоне. Они падают и сейчас — да так и будут падать, когда все, о чем я здесь рассказываю, потонет в предвечерье истории, в сумерках преданий, в темной ночи забвения. Имеет ли все сущее назначение и цель? И неужели эти капли падали в течение пяти тысяч лет лишь для того, чтобы послужить нуждам вспорхнувшей на миг человеческой букашки — или в следующие десять тысяч лет им предстоит исполнить иную, более важную миссию? Какая нам разница? Много, много годов прошло с тех пор, как злосчастный полукровка выскоблил камень, чтобы ловить в него бесценные капли, но и по сей день турист, забредающий в пещеру Мак-Дугалла, чтобы полюбоваться ее диковинами, подолгу и с чувством вглядывается в него. «Чаша Индейца Джо» стоит в списке чудес пещеры первой и даже «Дворец Алладина» соперничать с ней не может.

Индейца Джо похоронили неподалеку от входа в пещеру и, чтобы посмотреть на это, люди стекались сюда в лодках и фургонах из городков,

деревушек и с ферм, разбросанных на семь миль в округе. Многие привозили с собой детей и всякого рода провизию и многие говорили потом, что получили от погребения Индейца почти такое же удовольствие, какое доставило бы им его линчевание.

Погребение это положило конец неустанному распространению одного начинания — сбору подписей под обращенным к губернатору штата прошению о помиловании Индейца Джо. Подписей набралось уже немало и немало было проведено собраний, на которых произносились пылкие и слезливые речи, — кроме того, составлен был комитет недалеких умом дам, коим надлежало, облачившись в глубокий траур, изводить губернатора нытьем, дабы он показал всем, какой он милосердный осел, и попрал ногами свой долг. Полагали, что Индеец Джо повинен в смерти пятерых граждан городка — ну так и что с того? Да будь он хоть самим Сатаной, и то нашлось бы достаточное число бесхребетных слюнтяев, готовых подписать петицию о его прощении, и сронить на эту бумажку каплю влаги из их вечно неисправных, протекающих слезных протоков.

На утро после похорон Том заведенным поряд-

ком отвел Гека в укромное место, дабы обсудить с ним важное дело. К этому времени валлиец и вдова Дуглас уже посвятили Гека во все подробности приключения Тома, однако Том заявил, что имеется одно существенное обстоятельство, о котором Геку не рассказали, о нем-то он и хочет поговорить. Гек опечалился.

— Да знаю я, о чем ты, — сказал он. — Ты пробрался во Второй Номер и ничего, кроме виски, там не нашел. Никто не говорил мне, что это был ты, ну да я и сам догадался, как только услышал насчет этого дела, и что денег ты не нашел тоже понял, потому что иначе ты бы мне на это уж как-нибудь да намекнул бы, даже если бы другим ничего не сказал. Знаешь, Том, я почему-то всегда думал, что не дадутся нам эти денежки в руки.

— Нет, Гек, на хозяина постоялого двора я не доносил. Уж *ты-то* знаешь, что в субботу, когда я отправился на пикник, с двором все было в порядке. Ты же должен был сторожить там в ту ночь, помнишь?

— Ну да! Господи, кажется все это год назад было. Я тогда проследил Индейца Джо до самого дома вдовы.

— Так это *ты* его выследил?

— Я… только ты никому ни звука, Том. Я так

понимаю, у Индейца Джо дружки остались — очень мне надо, чтобы они взъелись на меня да какую-нибудь свинью подложили. Если б не я, он бы сейчас в Техасе был, живехонький.

После этого Гек поведал всю правду о своем приключении Тому, знавшему о нем только то, что рассказывал валлиец.

— Ну и выходит, — сказал под конец своего рассаза Гек, возвращаясь к главному вопросу, — выходит, что тот, кто из Второго Номера виски потаскивал, тот и денежки утащил — так или этак, нам с тобой, Том, их не видать.

— Гек, этих денег во Втором Номере и не было никогда!

— Что? — Гек округлившимися глазами вгляделся в лицо товарища. — Том, ты опять на их след напал?

— Они в пещере, Гек!

Глаза Гека вспыхнули.

— Скажи еще разок, Том.

— Деньги в пещере!

— Том — под честное индейское слово — ты шутишь или серьезно говоришь?

— Серьезно, Гек, — в жизни моей серьезнее не был. Пойдешь со мной туда и поможешь вытащить их?

— Еще бы я не пошел! Только надо будет зарубки на стенах ставить, чтобы не заблудиться.

— Мы сможем сделать это, Гек, ничем не рискуя.

— Тогда чего уж лучше! Но почему ты решил, что деньги…

— Подожди, пока мы доберемся туда, Гек. Если мы не найдем денег, я отдам тебе мой барабан — да вообще все, что у меня есть. Клянусь, отдам.

— Ладно, по рукам. Когда пойдем?

— Да хоть сейчас. Тебе сил-то хватит?

— А по пещере нам долго идти? Я уж дня три-четыре как на ногах, но больше мили, мне пока не пройти — нет, Том, не думаю.

— Кому другому миль пять пришлось бы топать, но я знаю короткий путь, Гек, а больше никто его не знает. Я тебя привезу на ялике прямо на место. И туда грести буду и обратно тоже. Тебе и пальцем пошевелить не придется.

— Тогда чего ждать-то — поехали, Том.

— Ладно. Нам понадобится немного хлеба и мяса, трубки, небольшой мешок, а может, два, пара мотков бечевки для змеев и немного этих новомодных штучек, которые серными спичками называются. Знаешь, как я жалел, что у меня их нет, когда бродил там?

Сразу после полудня мальчики позаимствовали маленький ялик у одного не присутствовавшего при этом деянии горожанина и отправились в путь. Когда они спустились по реке на несколько миль ниже «Пещерной лощины», Том сказал:

— Сам видишь, все откосы от входа в пещеру до этого места на одно лицо — ни домов, ни лесных складов да и кусты везде одинаковые. А теперь смотри, вон там, где оползень сошел, земля побелее, так? Это и есть моя примета. Ладно, причаливаем.

Они высадились на берег.

— Так вот, Гек, с места, где мы стоим, ты можешь дотянуться до дыры, через которую я из пещеры вылез, обычной удочкой. Попробуй-ка, найди ее.

Гек обшарил все вокруг взглядом и ничего не увидел. Тогда Том гордо прошествовал в густые заросли сумаха и сказал:

— Здесь! Смотри, Гек, — самая укромная лазейка во всем нашем округе. Только ты про нее ни гу-гу. Я уж давно собирался разбойником стать, да понимал, — для этого потребуется вот такое примерно местечко, чтобы было, куда сбежать, если меня донимать начнут. Теперь оно есть, но мы о нем никому не скажем, разве что Джо Харпе-

ру с Беном Роджерсом, потому что нам же шайка понадобится, иначе какие мы будем разбойники? Шайка Тома Сойера — звучит, а, Гек?

— Это точно. А грабить кого будем?

— Да всех подряд. Будем людей на дорогах подстерегать — это уж всегда так делается.

— И убивать?

— Нет, не обязательно. Будем держать их в пещере, пока они выкуп не соберут.

— Какой выкуп?

— Деньги. Заставляешь их собрать, сколько они могут, у друзей попросить, потом держишь их у себя целый год, а если они за это время денег не соберут, тогда уж и убиваешь. Это обычный способ. Вот женщин, тех нет, тех убивать не положено. Их просто сажают под замок, а убивать не убивают. Они же всегда красивые да богатые и ужасно перепуганные. Ты, конечно, отбираешь у них часы и прочее, но всегда шляпу перед ними снимаешь и разговариваешь учтиво. Учтивее разбойников нет на свете людей — это тебе любая книжка скажет. Ну вот, а женщины в тебя влюбляются — посидят в пещере недельку-другую, а там и плакать перестают и вообще их из пещеры палкой не выгонишь. Завозишь такую подальше от пещеры и только оставишь, как она обратно

бежит. Про это тоже во всех книгах написано.

— Да, Том, это штука. Похоже, разбойником быть лучше, чем пиратом.

— Ну, кое в чем лучше — и к дому ближе, и в цирк можно ходить, и вообще.

К этому времени все у мальчиков было готово и они полезли в дыру — Том первым. Не без труда добравшись до конца туннеля, они закрепили на его стене конец двух связанных бечевок и тронулись дальше. Всего несколько шагов — и они оказались у источника, и Том почувствовал, как его пробирает холодная дрожь. Он показал Геку прилепленный к стене комком глины остаток свечного фитиля, рассказал, как он и Бекки наблюдали за угасанием пламени.

Теперь мальчики перешли на шепот, ибо безмолвие и мрак этих мест действовали на них угнетающе. Они вступили в коридор, который Том исследовал первым и скоро оказались у «обрыва». При свете свечи выяснилось, что это всего лишь глиняная осыпь футов в двадцать-тридцать высотой. Том прошептал:

— А сейчас я тебе кое-что покажу, Гек.

И взяв свечу наотлет, добавил:

— Загляни за угол, как сможешь дальше. Видишь? Вон там, на большом валуне, копотью

выведено.

— Так это ж *крест*, Том!

— *Вот он*, Номер Второй! «Под крестом», а? Как раз тут и я видел Индейца Джо со свечой в руке, Гек!

Гек некоторое время вглядывался в таинственный знак, а затем подрагивающим голосом произнес:

— Том, давай лучше уйдем отсюда!

— Что? И клад просто так оставим?

— Ну да… оставим. Тут же наверняка дух Индейца Джо где-то слоняется.

— Ну уж нет уж, Гек, ну уж нет. Ему положено держаться места, в котором Индеец умер, входа в пещеру, — а до него отсюда пять миль.

— Да нет, Том, ничего ему не положено. Он должен богатство свое караулить. Уж я этих призраков знаю — да и ты тоже.

И Том с испугом подумал, что, пожалуй, Гек прав. Сомнения одолели его. Но тут мальчика осенила новая мысль…

— Недотепы мы с тобой, Гек, вот что! Да разве призрак Индейца Джо станет разгуливать рядом с крестом?

Это был хороший довод. И он возымел необходимое действие.

— Об этом я как-то не подумал, Том. А ведь точно. Да, с крестом нам повезло. Ну чего, спускаемся вниз и давай сундучок искать.

Том спустился первым, вырезая в глиняной осыпи грубые ступени. Гек последовал за ним. Из грота, в котором стоял большой валун, уходило четыре узких прохода. Мальчики проверили три из них — безрезультатно. Зато в том, который начинался почти от самого валуна, обнаружилась небольшая ниша, застеленная одеялами, а также кожица от окорока и дочиста обглоданные кости двух не то трех кур. Вот только ларца с деньгами там не было. Мальчики старательно обшарили нишу: тщетно. Том сказал:

— Он же говорил *под* крестом. А это самое близкое к кресту место. Не может же тайник прямо под валуном находиться, ведь он в землю врос.

Они обыскали все еще раз и, обескураженные, присели на одеяла. У Гека никаких предложений не имелось. Том же, продумав долгое время, сказал:

— Постой-ка, Гек, с одной стороны валуна в глине видны следы ног и капли свечного сала, а с других ничего. Почему так, а? Спорим, деньги все-таки *под* валуном. Давай копать глину.

— Хорошая мысль, Том! — сказал, воспрянув

духом, Гек.

Том вытащил из кармана «настоящего Барлоу» и, не успев углубиться в глину даже на четыре дюйма, услышал, как лезвие ударило в какую-то деревяшку.

— Есть, Гек! — ты слышал?

Тут уж и Гек принялся рыть землю, шустро выгребая ее руками. Вскоре мальчики увидели несколько досок и вытащили их из земли. Доски прикрывали уходящую под валун естественную каменную расщелину. Том просунулся в нее, протянул как можно дальше свечу, однако конца расщелины не увидел. И предложил исследовать ее. Согнувшись в три погибели, он пополз по отлого уходившему вниз узкому лазу. Лаз повернул направо, потом налево. Гек по пятам следовал за Томом. Еще один короткий поворот, и Том закричал:

— О Господи, Гек, посмотри!

Перед ними стоял в маленькой пещерке ларец, тот самый, разумеется, а с рядом ним — пустая пороховая бочка, два ружья в кожаных чехлах, две-три пары старых мокасин, кожаный пояс и еще какой-то раскисший от влаги сор.

— Все-таки нашли! — сказал Гек и зарылся ладонью в потускневшие монеты. — Это ж надо,

Том, мы теперь богачи!

— Я всегда думал, что мы до них доберемся, Гек. Правда, мне и сейчас в это не верится, но ведь *добрались* же! Ладно, нечего здесь торчать, давай выбираться. Ну-ка, посмотрим, смогу ли я поднять сундучок.

Сундучок весил фунтов пятьдесят. Поднять его Тому не без труда, но удалось, а вот с удобством нести сундучок он смог бы навряд ли.

— Так я и думал, — сказал он. — Я еще в доме с привидениями заметил — тащили они его так, точно он здорово тяжелый. Выходит, не зря я о мешках подумал.

Скоро деньги были пересыпаны в мешки, и мальчики подняли их наверх, к валуну с крестом.

— Давай уж и ружья заберем, и прочее, — предложил Гек.

— Нет, Гек, оставим их. Они нам для грабежей в самый раз пригодятся. Будем хранить их здесь и оргии тоже здесь будем устраивать. Самое подходящее местечко для оргий.

— Каких таких оргий?

— Понятия не имею. Но только разбойники всегда оргии устраивают, значит и нам придется. Пошли, Гек, мы тут и так уж засиделись. Время,

как я понимаю, позднее. И есть хочется. Дойдем до ялика, поедим, покурим.

Выбравшись из-под земли в заросли сумаха, мальчики поозирались по сторонам, никого не увидели и через несколько минут уже закусывали и курили в ялике. А когда солнце стало клониться к горизонту, отчалили и пустились в обратный путь. Том, весело болтая с Геком, вел лодку вдоль берега, небо неторопливо меркло, и до городка мальчики добрались уже затемно.

— Ладно, Гек, — сказал Том, — давай спрячем деньги в дровяном сарае вдовы, на чердаке, а утром я схожу за ними, мы их пересчитаем, поделим и подыщем для них в лесу безопасное место. Ты посиди пока около них, а я сбегаю, свистну тележку Бенни Тейлора — я мигом.

Он исчез и тут же вернулся с тележкой. Мальчики уложили в нее два небольших мешка, набросали поверх старых тряпок и выступили в путь, волоча тележку за собой. Добравшись до дома старика-валлийца, они остановились передохнуть. И совсем уж собрались тронуться дальше, как из дома вышел валлиец, спросивший:

— Эй, кто это там?

— Гек и Том Сойер.

— Вот и отлично! Пойдемте со мной, мальчики, вас там заждались. Давайте-ка, рысцой, тележку вашу я сам повезу. Ты смотри, а она тяжелее, чем кажется, что у вас там, кирпичи? Или железо старое?

— Старое железо, — сказал Том.

— Я так и думал. Мальчишки наши с ног сбиваются, носятся по городу, ищут старые железяки, за которые им в литейне шесть центов дадут, а взялись бы за настоящую работу, так вдвое больше получили бы. Но так уж устроен человек — ладно, шустрее, ребятки, шустрее.

Мальчики поинтересовались, к чему такая спешка.

— Неважно. Вот придете к вдове Дуглас, все и узнаете.

Гек, которому было не привыкать к разного рода наветам, опасливо произнес:

— Мистер Джонс, мы ж ничего такого не сделали.

Валлиец хохотнул.

— Это я не знаю, Гек, мой мальчик, не знаю. Вы ведь добрые друзья, ты и вдова, верно?

— Да. Во всяком случае, она была мне добрым другом.

— Ну и хорошо. Чего ж тебе бояться?

Гек, никогда скородумством не отличавшийся, еще не успел окончательно ответить себе на этот вопрос, а его и Тома уже ввели в гостиную миссис Дуглас. Мистер Джонс, несколько задержавшийся, поскольку ему пришлось устраивать тележку у дверей дома, вошел следом.

Гостиная была ярко освещена, а присутствовали в ней все, кто имел в городке хоть какой-то вес. Здесь были Тэтчеры, Харперы, Роджерсы, тетя Полли, Сид, Мэри, священник, редактор газеты и многие, многие другие — и все в лучших своих одеждах. Вдова приняла мальчиков со всей сердечностью, на какую могли рассчитывать существа столь неподобающего обличия. Мальчиков покрывала глина и потеки свечного сала. Тетя Полли залилась от унижения краской, насупилась и покачала, взирая на Тома, головой. Никто здесь и вполовину не страдал так, как страдали мальчики, однако мистер Джонс сказал:

— Том еще не добрался до дому, я уж отчаялся его найти, да вдруг смотрю, они с Геком у моего дома стоят — ну я и привел их сюда.

— И правильно сделали, — сказала вдова. — Пойдемте со мной, мальчики.

Она привела их в свою спальню и сказала:

— Умойтесь, переоденьтесь. Вот вам два новых

костюмчика — рубашки, чулки, тут все есть. Вот этот для Гека… Нет, Гек, не надо меня благодарить, я только один из них купила, другой — мистер Джонс. Но они обоим вам будут в самый раз. Одевайтесь. А мы подождем. Как приведете себя в порядок, приходите.

И она удалилась.

Глава XXXIV
Златые горы

Гек сказал:

— Том, если мы отыщем веревку, так отсюда и смыться недолго. От окна до земли всего ничего.

— Вот еще! С чего это нам смываться?

— Да знаешь, не люблю я, когда народу много собирается. Не по душе мне это. Я лучше туда не пойду, Том.

— Ну, брось! Подумаешь, невидаль. Если что, я за тебя горой стоять буду.

Тут появился Сид.

— Том, — сказал он, — тетенька тебя весь вечер ждала. Мэри твой воскресный костюм приготовила, все о тебе беспокоились. Слушай… а где это ты так перепачкался — в глине да в сале?

— Вот что, мистер Сидди, не лезьте не в свои дела. И кстати, из-за чего весь этот сыр-бор?

— Да просто вдова очередной прием устроила. В честь валлийца и его сыновей, которые помогли ей той ночью. Хотя… если тебе интересно, могу рассказать еще кое-что.

— Ну?

— Ну в общем, старый мистер Джонс надумал нынче всех удивить, да только я подслушал, как он сегодня свою тайну тетеньке рассказывал, так что *теперь* это уже и не тайна никакая. Все ее знают — и вдова тоже, хоть и притворяется, что это не так. А мистеру Джонсу требовалось, чтобы Гек непременно был здесь, потому что без Гека и тайна его не тайна, понимаешь?

— Да какая же тайна-то, Сид?

— А про то, как Гек грабителей до дома вдовы проследил. Я так понимаю, мистер Джонс собирается всех поразить, но только ничего у него не выйдет.

И Сид, чем-то очень довольный, хмыкнул.

— Сид, это ты все разболтал?

— Какая разница — кто? *Кто-то* проговорился — и ладно.

— Сид, во всем нашем городе есть только один человек, способный на такую подлость. Ты бы на месте Гека удрал с горы и никому о грабителях даже не закинулся. Ты только на гадости и способен, а когда кого-то за доброе дело хвалят, так тебе это хуже ножа. Вот, получи — и не надо меня благодарить, как говорит вдова, — и Том, пару раз съездив Сиду по уху, пинками вышиб его из комнаты. — Иди, пожалуйся тетеньке, если

смелости хватит, — завтра еще получишь!

Несколько минут погодя гости вдовы расселись за большим обеденным столом, а с десяток детей за приставленным к нему сбоку маленьким, как это было заведено в то время и в тех краях. Мистер Джонс произнес короткую речь, в которой поблагодарил вдову за оказанную ему и его сыновьям честь, добавив, впрочем, что есть и еще один человек, скромность коего…

Ну и так далее, и тому подобное. Тайну об участии Гека в событиях той ночи он обнародовал самым драматическим образом, на что и всегда был большим мастером, однако удивление, которое она вызвала, было по преимуществу поддельным и выражалось не так шумно и многоречиво, как то могло бы произойти в обстоятельствах более счастливых. Впрочем, вдова довольно умело изобразила изумление и осыпала Гека такими хвалами и выражениями благодарности, что он едва не забыл и о почти нестерпимых неудобствах, которые доставлял ему новый костюм, и о совершенно нестерпимых, кои испытывал он, став предметом всеобщего внимания и всеобщих восторгов.

Затем вдова объявила, что собирается приютить Гека под своей крышей и дать ему образо-

вание, а когда у нее появятся свободные деньги, она поможет Геку начать какое-нибудь скромное собственное дело. Такого шанса Том упустить не мог. И потому сказал:

— А Гек в этом не нуждается. Он и сам богат.

Одна только благовоспитанность помешала гостям встретить милую шутку Тома одобрительным смехом, которого она более чем заслуживала. Вследствие чего шутка эта была встречена неловким молчанием. Нарушил его опять-таки Том:

— У Гека есть деньги. Вы в это, может, и не верите, но деньги у него есть — и немалые. Не надо так улыбаться, я могу их вам показать. Подождите минутку.

Том выскочил из гостиной. Сидевшие за столом переглядывались, заинтересованно и недоуменно. На Гека же все посматривали вопрошающе, но он точно язык проглотил.

— Что это нашло на Тома, Сид? — спросила тетя Полли. — Он… ах, с этим мальчиком ничего заранее не угадаешь. Я никогда еще…

Закончить тетя Полли не успела, потому что вошел, сгибаясь под тяжестью двух мешков, Том. Он высыпал на стол груду желтоватых монет и сказал:

— Вот — что я вам говорил? Половина Гека,

половина моя!

От этого зрелища у всех перехватило дыхание. Какое-то время все смотрели на золото и молчали. Затем прозвучало единогласное требование объяснений. Том объявил, что объяснения он дать может — и дал. Рассказ у него получился долгий, но до крайности увлекательный. Все слушали его, как завороженные, никто рассказчика не перебивал. Когда же Том закончил, мистер Джонс сказал:

— А я-то думал, что смогу удивить вас, да куда уж мне. По сравнению с этим, мой сюрприз сущий пустяк — готов признать это первым.

Деньги пересчитали. Их оказалось двенадцать тысяч долларов с лишком — больше, чем каждый из присутствовавших видел хоть раз в жизни, хотя собственность кое-кого из них стоила намного больше.

Глава XXXV
Гек вступает в шайку благопристойных людей

Читатель наверняка сообразил уже, что неожиданное обогащение Тома и Гека весьма и весьма взволновало обитателей городка Санкт-Петербург. Столь гигантская сумма, да еще и наличными, представлялась им почти немыслимой. О ней говорили, ее вожделели и восхваляли, пока это нездоровое возбуждение не пошатнуло рассудок многих из тамошних граждан. Каждый «дом с привидениями», какой только нашелся в Санкт-Петербурге и соседствовавших с ним городках, разобрали в поисках скрытых сокровищ по досточке и только что не срыли до основания — и проделали это не мальчики, но мужи: в том числе, и мужи серьезные, нимало не романтические. Тома же с Геком, где бы они ни появлялись, встречали с почтительностью и восхищением и все смотрели им в рот. Мальчики как-то не помнили, чтобы их высказывания представлялись прежде такими уж весомыми, ныне же каждое их слово сберегалось в памяти людской и многократно

повторялось, — оба явно утратили способность совершать заурядные поступки и произносить обыденные речи, более того, изучение прошлого обоих позволило отыскать в нем явственные метины неординарности. Городская газета даже напечатала их краткие биографии.

Вдова Дуглас положила деньги Гека в банк под шесть процентов, а судья Тэтчер, исполняя просьбу тети Полли, сделал то же с деньгами Тома. И у мальчиков появился доход попросту неимоверный — по доллару каждый будний день и еще по полдоллара в воскресенья. Столько получал сам священник, вернее сказать, столько ему было обещано — как правило, собрать такие деньги с прихожан не удавалось. В те незатейливые давние времена, мальчик мог за доллар с четвертаком в неделю получить стол и кров, да их же хватило бы еще и на ученье, одежду и стирку оной.

Между тем, судья Тэтчер проникся к Тому изрядным уважением. Он говорил, что обычный мальчик не смог бы вывести его дочь из пещеры. А когда Бекки строго по секрету рассказала отцу, как Том лег за нее в школе под розги, судья приметно растрогался; Бекки попросила его не судить Тома строго за отъявленную ложь, по-

средством которой он избавил ее от наказания и навлек таковое на себя, и судья с немалым пылом заявил, что то была благородная, великодушная, возвышенная ложь — ложь, достойная того, чтобы войти в историю бок о бок с прославленной правдой Джорджа Вашингтона о топоре! Бекки показалось, что ее отец никогда не выглядел таким величавым и статным, как в ту минуту, когда он, расхаживая по комнате, вдруг остановился, притопнул ногой и произнес эти слова. Она прямиком отправилась к Тому и передала их ему.

Судья Тэтчер надеялся, что из Тома выйдет великий юрист или великий полководец. Он сказал, что добьется приема мальчика в Национальную военную академию, а после Том сможет закончить самую лучшую в стране юридическую школу, дабы подготовиться к любой из этих карьер, если не к обеим сразу.

Что же касается Гека, богатство, свалившееся на него, и то обстоятельство, что он попал под покровительство вдовы Дуглас, открыли перед ним двери лучшего общества — вернее сказать, заволокли его в эти двери, пинками загнали в них, — и попав туда, Гек изведал страдания почти невыносимые. Слуги вдовы умывали его, чистили и причесывали, укладывали спать на

безучастные простыни, лишенные хотя бы одного пятнышка, которое он мог прижать к сердцу и назвать другом. Есть ему приходилось ножом и вилкой, а к ним прилагались еще и салфетка, и чашка, и тарелка; Геку приходилось учиться по книжке, посещать церковь; разговаривать он должен был так благовоспитанно, что слова утратили для него всякий вкус, в общем, куда бы он ни поворачивался, его ожидали тюремные решетки и путы цивилизованности, которые связывали несчастного по рукам и ногам.

Три недели он мужественно сносил эти страдания, а в один прекрасный день вдруг взял да и исчез. Встревоженная вдова двое суток повсюду разыскивала его. Городок переполошился, Гека искали и там, и сям и даже прошлись в поисках его тела тралом по дну реки. Утром третьего дня Тому Сойеру пришла в голову мудрая мысль: осмотреть сваленные за брошенной скотобойней старые бочки, и в одной из них он обнаружил беглеца. Гек провел в ней ночь, и теперь он, позавтракав украденными где-то объедками, с большим удобством покуривал. Он был немыт, нечесан и облачен в те самые лохмотья, что придавали ему столь живописный вид в счастливую пору его свободы. Том вытащил его из бочки,

рассказал, в какие хлопоты он поверг городок и попросил вернуться к вдове. Лицо Гека утратило выражение мирного довольства, тень меланхолии легла на него. Он сказал:

— Не говори мне об этом, Том. Я попробовал, не получилось — и не получится. Не для меня это, Том, не привык я к этим штукам. Вдова — женщина хорошая, добрая, но мне такой жизни не вынести. Она поднимает меня утром всегда в одно время, заставляет умываться, потом меня причесывают, черт бы их всех подрал. Спать в дровяном сарае она не позволяет, а эта их проклятая одежда — она ж меня душит, Том, сквозь нее почему-то и воздух не проходит, и такая уж она, чтоб ее, чистенькая, что я ни сесть, ни лечь, ни повернуться в ней не могу — а уж с крыши погреба я, кажется, год как на заду не съезжал. Да мне еще и в церковь таскаться приходится, сидеть там и потеть, а я их паршивые проповеди на дух не переношу! Мух там ловить нельзя, табак жевать тоже. И ходи все воскресенье в обувке! Ест вдова по звонку, спать ложится по звонку, встает опять же по звонку — все как по нотам расписано, разве может живой человек такое снести?

— Да ведь все так живут, Гек.

— Какая мне разница, Том! Я-то не все, я это-

го просто не *вынесу*. Связан по рукам и ногам — жуть, да и только. И харч мне уж больно легко достается, даже и есть не хочется. И ведь на все, черт дери, разрешение надо просить. Хочешь порыбачить — проси, в реке искупаться — проси. А разговаривать изволь до того чинно, что и рот открывать неохота. Я уж приладился каждый день на чердак удирать, чтобы поругаться всласть, почувствовать вкус настоящих слов, а без этого, может, и помер бы. Курить мне вдова не позволяет, кричать не позволяет, зевать нельзя, потягиваться нельзя, чесаться нельзя, особенно если на тебя кто смотрит… (И Гек выругался с особенным раздражением и обидой.) И ведь она все время молится, Том, чтоб ей пусто было! Сроду такой женщины не видел! Нет, я просто *должен* был удрать, — ну и удрал. Опять же, скоро школа откроется, а в нее же ходить придется — и вот *этого*, Том, мне точно не перенести. Знаешь, Том, быть богатым вовсе не так хорошо, как я думал. Одни заботы да хлопоты и все время подохнуть охота. А вот это тряпье — оно по мне и бочка тоже по мне, и я их больше ни на что не променяю. И ведь кабы не те деньги, я бы в такой переплет не попал. Ты вот что, Том, возьми мою долю себе, а мне будешь иногда центов по десять подкиды-

вать — не часто, потому как я, черт подери, не люблю, когда мне что-нибудь задарма достается, — ну и вдову попроси, чтобы она меня больше не донимала.

— Ах, Гек, ты же знаешь, не могу я так поступить. Это нечестно, и потом, ты потерпи еще немного, глядишь тебе и понравится.

— Понравится! Ага — посиди подольше на раскаленной плите, глядишь, тебе и она понравится. Нет уж, Том, не хочу я быть богатым и жить в их клятых душных домах тоже не хочу. Я лес люблю, реку, бочки вот эти, так уж за них держаться и буду. А остальное все — да пропади оно пропадом! И ведь как раз теперь, когда у нас и ружья есть, и пещера своя, — кажется, только выходи на большую дорогу да грабь кого ни попадя, — теперь-то и подвернулась мне эта дурь и все испортила!

И Том понял, что удача сама идет к нему в руки…

— Послушай, Гек, мне никакое богатство разбойником стать не помешает.

— Да? Ты взаправду говоришь?

— Это такая же правда, как то что я сижу здесь с тобой. Но, понимаешь, Гек, если ты не будешь благопристойным человеком, мы тебя в шайку принять не сможем.

Радость Гека мигом увяла.

— Как это не сможете, Том? В пираты же вы меня приняли.

— Да, но тут совсем другое дело. Разбойник, он чином выше пирата — как правило. В большинстве стран разбойников набирают из самых благородных людей, из герцогов там и прочих.

— Постой, Том, ты же всегда был мне другом. Ты же не бросишь меня, а, Том? Не можешь ты так со мной поступить, ведь правда, Том?

— Гек, я и хотел бы принять тебя в шайку, я и *сейчас* хочу, — но что люди-то скажут? А скажут они вот что: «Фу! Шайка Тома Сойера! Набрали туда всякого сброду!» И говорить так они станут про тебя. Тебе же это не понравится и мне тоже.

Некоторое время Гек молчал, в нем совершалась духовная борьба. И наконец, сказал:

— Ладно, я вернусь на месяц к вдове, потерплю, посмотрим, может и сдюжу, но только ты уж меня в шайку-то прими, Том.

— Отлично, Гек, по рукам! Пойдем, дружище, я попрошу вдову, чтобы она не очень на тебя наседала.

— Ты правда попросишь Том? Вот здорово! Да если она мне хоть какое послабление даст, чтобы я мог втихаря покуривать и ругаться, я уж как-

нибудь перемогусь, не сдохну. А шайку ты когда набирать начнешь?

— Да хоть сейчас. Созовем ребят, устроим посвящение, может даже этой ночью.

— Чего устроим?

— Посвящение.

— А это как?

— Это значит — поклянемся всегда стоять друг за друга и никому секретов шайки не выдавать, даже если нас на куски резать будут, а каждого, кто навредит шайке, убивать и всех его родственников тоже.

— Лихо, Том, это очень лихо, точно тебе говорю!

— Ну еще бы. А клятву эту положено приносить в полночь, в самом безлюдном и страшном месте, какое удастся найти, — лучше бы всего в доме с привидениями, да их уже все разломали.

— Ладно, Том, полночь это тоже неплохо.

— Да, полночь это хорошо. Вот, а клясться нужно на гробу и подписывать ее кровью.

— Вот это *дело*, Том! Да оно в мильон раз лучше пиратства! Ладно, Том, буду сидеть у вдовы, пока не истлею, а как стану знаменитым разбойником, да как пойдут обо мне везде разговоры, она, небось, еще и гордиться станет, что вывела меня

в люди.

Заключение

На этом наша хроника и завершается. Ведь это история *мальчика*, и здесь ее должно прервать, потому что, двигаясь дальше, она непременно обратится в историю *мужчины*. Сочиняя роман о людях взрослых, всегда точно знаешь, на чем остановишься — на свадьбе, конечно; а вот с мальчиками все сложнее и останавливаться приходится там, где тебе удобнее.

В большинстве своем, персонажи этой книги живы и поныне — это благополучные, счастливые люди. Быть может, когда-нибудь мы сможем вернуться к ним, еще молодым, и посмотреть, какие мужчины и женщины из них получились, и потому самое разумное — ничего об их нынешних жизнях пока не рассказывать